

ЖИЗНЬ ДВОРЕЦКАЯ

ВЕСНА НЕЗНАЕМАЯ

ЮБИЛЕЙНОЕ ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Славянское фэнтези. Елизавета Дворецкая

Елизавета Дворецкая

Весна неизвестная

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Весна неизвестная / Е. А. Дворецкая — «Эксмо»,
2024 — (Славянское фэнтези. Елизавета Дворецкая)

ISBN 978-5-04-199397-9

Елизавета Дворецкая — многократная победительница литературных премий, любимица реконструкторов и поклонников славянского фэнтези. «Весна неизвестная» — юбилейное подарочное издание третьего романа цикла «Князя леса». Красивая сказочная атмосфера, быт и верования дохристианских славян. Берегини, оборотни и лешие, магия, любовь и поиск себя в огромном таинственном мире. Художественное воплощение основного мифа индоевропейцев о вечном поединке небесного бога-громовержца с подземным владыкой мертвых. Зима тянется без конца и признаков весны не видно. На город Прямичев обрушиваются зимние духи, дети богини Зимерзлы. Ходят слухи, что богиня весны Леля похищена оборотнем Огняром, князем племени дебричей. В Прямичеве ему находится достойный соперник: приемный сын кузнеца Вестима, Громобой, которого считают сыном самого Перуна. Громобой отправляется в путь, а вместе с ним — Веселина, дочь прямичевского купца. Чтобы восстановить разрушенное единство годового круга, необходимо спуститься в подземный мир, владения Велеса; но этот мир не так-то легко выпускает обратно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199397-9

© Дворецкая Е. А., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Часть первая. Зимний Зверь	7
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	40
Глава 4	57
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Елизавета Дворецкая

Весна незнаемая

© Дворецкая Е., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Часть первая. Зимний Зверь

Глава 1

Первым утром нового года Веселина проснулась раньше всех в доме, а может быть, и во всем Прямичеве. В просторной избе купца Хоровита было тихо: от подполья, где вылизывал мисочки домовой, до холодных, заваленных сеном повалуш нигде не раздавалось ни голоса, ни шороха. Домочадцы спали, утомленные вчерашним празднеством, посапывали на полатях и на лавках девять младших Хоровитовых детей. Восемилетняя Волошка спала с зажатым в кулаке недоеденным печеньем – масляную головку у новогодней коровки она отгрызла вчера, а задняя часть осталась. Для воробьев.

Веселина выползла из-под овчинного одеяла, сунула ноги в черевьи. Печка давно погасла, изба простыла за ночь, было зябко, но Веселина прямо в рубахе шагнула к окну и нетерпеливо сдвинула заслонку. В щель пролился яркий дневной свет, потянуло свежим, бодрящим холодком. Не так уж часто зимой случается проспать до света, и этот день, пришедший как бы без утомительно долгого и хмурого зимнего рассвета, казался чудом, подарком богов. Веселина заторопилась одеваться. Праздничная сряда, вчера сброшенная на лавку кое-как, лежала беспорядочным ворохом белой ткани, красной вышивки, пестрой тканой тесьмы. Очелье, обшитое разноцветными стеклянными бусинами, завалилось и вовсе под лавку. Веселина тихо смеялась про себя, копаясь в ворохе одежды, поднимая вздевалку за вывороченный рукав – вот поди пойми, где тут верх, где низ! «Неудобно порты через голову надевать» – вспомнилось, как говорит Громобой, и Веселина фыркнула, не в силах удержать смех. Даже эта утренняя путаница веселила ее, и одновременно томило нетерпение скорее разобраться и вырваться на улицу, к свету и свежему воздуху. Это совсем не та улица, что была вчера, – ведь пришел новый год! Казалось, за дверью избы ее ждет какое-то новое, небывалое счастье, и Веселина торопилась скорее встретиться с ним. И что за важность, если вздевалка помялась: мать не видит, а для прочих и так сойдет! Веселина была не самой опрятной девушкой в Прямичеве, но ее хорошему настроению, задору и веселью, а значит, и успехам это ничуть не мешало.

По всему дому были рассеяны следы вчерашнего празднования: остатки угощений, шкуры и берестяные раскрашенные личины, Волошкина трещотка, деревянные копы и щиты маленьких братьев. Веселина ничуть не удивилась бы, если бы среди праздничного беспорядка на лавке (или под лавкой) у дверей, где вчера горой были навалены соседские шубы и кожухи, сейчас обнаружился бы похрапывающий Прамень-косторез или Вьюга, Нахмуров сын. Вчера посад так хорошо погулял, что многие, уж верно, смотрели новогодние вещи сны не дома, а там, где привелось упасть. А уж в доме богатого купца не было недостатка ни в угощении, ни в пиве, ни в меду, ни в браге.

На столе и сейчас еще стояла неубранная посуда. Распустив косу и дергая гребнем густые светло-русые пряди, Веселина совала в рот то огрызок пряника, то ложку холодной каши – хорошо, ничего искать не надо, все на столе! Заплетя косу и умывшись, Веселина набросила платок, полушубок и, подпоясываясь на ходу, устремилась наружу – так хотелось ей скорее впустить новый год.

Отворив дверь из сеней во двор, она немножко постояла на пороге, с радостью вдыхая воздух чудесного дня – яркого, ослепительного и свежего. Новогодняя ночь отрезала, навсегда оставила позади и хмурый месяц студен, и тоску по умирающему солнцу. Пройдя через эту священную ночь, как само солнце проходит под землей, мир вынырнул в новый светлый день, омытый и обновленный, и все в нем было пронизано тем самым ликованием и счастьем, которые проснулись в душе Веселины этим утром. За остаток ночи успел выпасть снег, и Веселина,

не заставшая снегопада, ахнула от восторга. Вся прошлогодняя земная грязь: пятна золы и навоза, многочисленные перепутанные следы, щепки, осколки глиняных горшков, клочки сена, ветки и палки, оброненные личины, мочальные хвосты и бороды – все исчезло, землю покрыл пушистый, ослепительно-белый снег, и новое солнце бросало в него неисчислимые звезды. В сугробах играли красные, зеленые, синие, огненные искры, как напоминание о летней росе. До конца зимы оставалось еще три долгих месяца, но самое темное, самое тяжелое время года было позади, и дышалось легко: казалось, новая весна уже где-то рядом, рукой подать.

Ворота были не заперты и тоже, казалось, дремали. Сколько же раз им вчера пришлось отвориться, впуская гостей! Всю эту ночь на улицах было шумно и оживленно: ходили волхвы из Перунова святилища на горе и из Велесова святилища над Ветляной, за ними толпами валил народ. Соседи ходили к соседям, родичи к родичам, друзья к друзьям и даже недруги к недругам; стайками воробьев бегали дети, кто с пирогом, кто с пряником в руке. Все это кричало, пело, угощало и угощалось; на углах улиц горели костры, знаменуя возрожденное яркое солнце, молодежь водила хороводы и затевала игры. И теперь даже сами крыши домов и серые тыны казались утомленными этим неистовым весельем.

Осторожно ставя ноги на снег – жаль мять такую красоту, вот бы поверху перелететь как-нибудь! – Веселина пробралась за ворота и оказалась на улице. Двор Хоровита стоял на окраине прямичевского посада, возле вымола на берегу Ветляны, где летом приставали ладьи, а сейчас виднелись десятки распряженных саней. На улице еще было пусто, и только один человек попался на глаза Веселине. Не она одна так рано поднялась! Но тут же она узнала встречного и фыркнула, в досаде даже прикрыв лицо варежкой. Ах, вовсе не Беляя хотела она увидеть, глядя в сторону Кузнечного конца!

Но ради Нового года Веселина скрыла разочарование и, сама себе соорудив досадливо-смешную рожу, тут же улыбнулась встречному. Беляй, рассудительный парень из Кузнечного конца, всю торопился к ней, и его круглое румяное лицо, украшенное широкой улыбкой, сейчас удивительно походило на праздничный блин. Заметив это, Веселина расхохоталась и не сразу сумела справиться со смехом, чтобы ответить на приветствие.

– Здравствуй, боярышня светлая! – Не понимая, чем успел так ее насмешить, Беляй остановился в двух шагах, поклонился и даже снял шапку. – Чтобы ты и в новом году была так хороша, так разумна и прилежна, так станом стройна, лицом бела и румяна...

Вид у него был смущенный, но довольный: к Веселине-то он и направлялся и теперь был рад, что она не успела никуда ускользнуть. Затихшая было девушка фыркнула снова. Беляй давно завел привычку звать ее боярышней, и если поначалу это ее смешило, то потом стало вызывать одну досаду. Вот ведь заладил – нет бы чего-нибудь новенькое придумать! И говорит-то он всегда так обстоятельно и долго, а ей трудно было выстоять на одном месте, пока он кончит свою «величальную песню». И хвалит-то он ее всегда не за то, что у нее есть на самом деле: ни особым разумом, ни домовитостью и прилежанием старшая дочь Хоровита не отличалась. И была не настолько тщеславна, чтобы упиваться пустой лестью.

– Да ладно тебе глупости болтать! – Веселина махнула рукой, не дослушав по всем правилам построенное поздравление. – Вот заладил с утра! Колядок мы вчера наслушались, до сих пор в ушах звенит. Или тебе пирожка не хватило? погоди, я тебе вынесу потом. Чего ты так рано поднялся-то? Раньше всех? Или... Где медведюшка-батюшка? Не видел его сегодня? Спит еще?

Беляй недоуменно приподнял брови. На губах его висела праздничная улыбка, но серые глаза похолодели. Веселина ядовито сощурилась: даже и обидеться толком не может! Напрасно она дразнила его разговорами о другом – Беляй делал вид, что ни о какой ревности и не слышал.

Ты медведюшка мой батюшка,
Ты не тронь мою коровушку,

Ты не тронь мою коровушку,
Не губи мою головушку...

– поддразнивая, стала напевать Веселина, приплясывая на снегу.

При этом она лукаво поглядывала на Беляя, но мыслями была опять в прошедшей ночи – когда играли «в медведя». Рослый «медведь», одетый в косматую шкуру, с жутким ревом бегал по пустырю, где сходились Велесова улица и Кузнечный конец, ловя визжащих девушек. Сверкали на снегу отблески костра, бревна тынов в темноте казались дремучим лесом; орали стоящие кругом парни, гремели трещотками, и было жутко, как будто все взаправду. Веселине было жарко, точно праздничный огонь горел внутри нее, она бегала со всеми и визжала не только от веселья, но и от жути, от древнего ужаса жертвы... И сейчас еще захватывало дух, когда вспоминалось, как «медведь» поймал ее, как она барахталась изо всех сил, но не могла вырваться из его цепких и крепких, как железо, косматых лап... Как он оторвал ее от земли, и она била ногами в воздухе, визжа до хрипоты; как он бросил ее в сугроб и навалился на нее так, что она и вправду испугалась, что задавит. В лицо ей сыпалась холодная снежная пыль, а потом «медведь» откинул с головы звериную личину и стал ее целовать, и от него веяло таким жаром, что сам сугроб, казалось, должен был растопиться. И она уже не понимала, на каком она свете, и будто бы не пустырь на углу был вокруг нее, а Велесово подземелье с огненной рекой, и не Громобой, сын кузнечного старосты Вестима, обнимал ее, а сам древний бог-зверь, ежегодно приходящий за жертвой... Кровь кипела, сердце выскакивало из груди, дух замирал от восторга и ужаса. И всю ночь, даже во сне, не оставляло ее это томление, живое ощущение, будто он все еще рядом...

Вежливый и сучноватый Беляй был рядом с этими воспоминаниями бледен, как ночной светлячок рядом с солнцем. Да вот беда: богиня Лада заставляет любить, не разбирая, есть ли надежда на взаимность. Веселина была, конечно, не для Беляя, и не нужен он был ей, когда все прямичевские парни, не исключая и княжеских отроков, так и вились вокруг нее. На первый взгляд казалось, что ничего в ней особенного нет, но в Прямичеве Веселина считалась красавицей. Мягким и простым чертам ее лица до настоящей красоты многого не хватало: четкости, глубины. А еще ума. Веселину никто не назвал бы глупой, но она никогда не давала себе труда думать. Жизнь для нее была проста, лежала впереди широкой прямой дорогой. Она редко задумывалась о завтрашнем дне – его заслоняли заботы и забавы сегодняшнего. Белое лицо, почти без румянца, только с легкой розовой тенью на щеках, всегда было открыто и ясно, и при взгляде на него каждому веяло в душу ощущением почти младенческой нежности и чистоты. Светло-серые, с голубоватым отливом глаза искрились весельем из-под пушистых, светлых, едва заметных бровей, а губы были яркими, как спелый шиповник. Красива была и коса, светло-русая, гладкая и длинная, с легким золотистым отливом, а на висках и на шее вились мягкие приятные кудряшки. Но рассмотреть всю эту прелесть было трудно, так как Веселина всегда была в движении: лицо играет, глаза стреляют по сторонам, даже коса мечется от плеча к плечу. Все вокруг ее занимало, и она постоянно, даже разговаривая с кем-нибудь, вертела головой по сторонам, как птичка. Нравом она была легка, уживчива, приветлива, но не горяча сердцем и не привязчива: ее дружелюбие как бы скользило по людям, никого не выделяя, а взгляд искал не кого бы приласкать, а чем бы позабавиться. Беляй, в общем-то, был отличным женихом: неглупым, честным и трудолюбивым. Но все эти качества имеют цену только в долгой жизни, а для Веселины, занятой сегодняшним днем, они ничего не значили. Она не была обеспокоена, как всякая девушка, поиском среди парней единственного суженого, а болтала и смеялась с любимым, с кем ей только не было скучно. Отец и мать сокрушались, видя, что их дочку, самую красивую в посаде, не так-то легко будет выдать замуж. Но Веселина только отмахивалась от уговоров и призывов быть поразумнее: судьба придет – за печкой найдет, судьбу и пешком не обойти, и конем не объехать.

Если кто-то и занимал ее больше других, то только Громобой из Кузнечного конца. Громобой был самым сильным парнем Прямичева: никто никогда еще не одолевал его в кулачных боях Медвежьего велика дня, и своей силой он славился далеко за пределами Прямичева. Всякой девушке было бы лестно поймать такого сокола, но Громобой, хотя ему и сравнялось уже целых двадцать пять лет, о женитьбе не думал и обращал на Веселину мало внимания.

Посад понемногу просыпался, от дерновых и тесовых крыш потянулся вверх целый лес густых, спокойных в безветрии дымовых столбов. Скрипели ворота, где-то стучал топор, повизгивал свежий снег под ногами, отовсюду долетали веселые голоса, приветствия, поздравления. Разговаривая с Беляем, Веселина то и дело отвлекалась, чтобы поклониться кому-нибудь из проходящих мимо, а сама все постреливала глазами в Кузнечный конец. С того места, где она стояла, он был виден насквозь, видны были и яркие ворота Вестимова двора, покрытые резьбой и раскрашенные красным и синим. Створки были закрыты, и их неподвижность томила Веселину, и она нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Пока Громобой не появится, новый год для нее не придет по-настоящему.

Да и дома ли он ночевал? А что, если... задержался у кого-нибудь?

– Ну, кланяйся своим от меня! – Веселина махнула Беляю рукой и пошла по улице, но он будто не заметил, что с ним попрощались, и двинулся следом.

– А у нас еще что вчера было! – торопливо начал он, будто только что вспомнил: вот сейчас расскажет и сразу уйдет. – Ты обсмеешься! Иду я вчера от Овсеня, еще Солома был и Миловид с нами...

– Стой! – Веселина вдруг взмахнула рукой, будто отгоняя комара, и Беляй послушно замолчал.

Наверху, в небе, творилось что-то невероятное. Уже некоторое время, рассеянно слушая Беляя, Веселина посматривала вверх, но не верила глазам: казалось, дым из-за ближайшего тына застилает взор... Но нет! Воздух вдруг потемнел, ослепительное сияние снега погасло, как будто чья-то злая рука украли первый день года и сразу бросила мир в глубину вечерних сумерек. Белые облака стали густо-серыми, словно барашки вдруг обернулись волками. По улице вниз с горы хлынул стылый, резкий ветер, дернул подол, холодом прогладил щеку, точно плоской стороной лезвия ножа. По белому снегу под ногами побежали волнистые серые тени.

Люди на улице и у ворот прерывали разговоры и поздравления, смотрели вверх, охали, вскрикивали. Что-то черное, как пустота глубокого колодца, надвигалось на солнце и заслоняло его собой прямо на глазах окоченевших от ужаса прямичевцев. Темнота стремительно летела вниз, как губительная сеть, опутывая белый свет. В хлевах замычали коровы, заржали лошади, собаки по всем улицам подняли жуткий и жалобный вой. Небо, только что бледно-голубое и ровное, вмиг стало темным и неоглядно глубоким, каким не бывает оно ни днем ни ночью, когда взгляду препятствуют то свет, то тьма. Сейчас оно раскрылось на страшную глубину, и оттуда, как хозяева, потревоженные внезапным вторжением в жилище, остро выглянули недовольные холодные звезды.

К ногам Веселины упала и закопошилась в снегу ворона, беспомощно распластав черные крылья. Но Веселина даже не глянула на нее; прижимая руки к груди, она заворуженно смотрела вверх и не могла вздохнуть от ужаса. Черный круг сожрал уже половину солнечного лица, и от новорожденного ягненка-Хорса остался только ушербный рог, пылающий багрянцем. Облака вокруг солнца сначала окрасились красным, словно кровь, потом налились огнем, так что невольно хотелось пригнуться, закрыть голову руками в ожидании, что сейчас на землю прольется пламенный дождь. Черная пасть тьмы все глубже заглатывала Хорса, от него оставалось так мало, что тьма вокруг стала плотной, зеленоватой, как глубокая вода. И, как вода, она душила.

– Зи... Зимний Зверь! – с трудом одолев судорогу в горле, прошептала Веселина.

Звук собственного голоса, даже такого, помог ей опомниться. С трудом сглотнув, она пыталась крикнуть, досадуя на свою беспомощность и изо всех сил стараясь ее одолеть:

– Люди! Это Зимний Зверь! Гоните его, пока все не съел! Гоните его! Гоните!

С усилием сдвинув увязшие в снегу непослушные ноги, Веселина шагнула к ближайшему тыну, сорвала с кола большую пивную корчагу, вымытую после вчерашнего пиршества, и обеими руками грохнула ее об тын. Корчага с треском разбилась, тяжелые глиняные осколки посыпались в снег и пропали. Но люди вокруг опомнились и поняли, что нужно делать. Всхлипы сменились криками; прямичевцы кинулись по дворам, каждый хватал первое, что попадалось под руку, лишь бы могло греметь: поленья, железные сковороды, песты, котлы, разбросанные везде трещотки и рожки. Сосед Прамень молотил палкой по пустым ведрам, в раскрытых воротах гроыхало перевернутое свиное корыто. Тетка Нарядиха возле своих ворот держала в одной руке железную сковороду для праздничных блинов, а в другой – деревянную ручку-хваталку от этой же сковороды и молотила одним об другое, зажмуря от страха глаза и изредка взвизгивая.

Через улицу промчался рослый рыжеволосый парень в наброшенном на одно плечо кожане, и ненадетый рукав кожане летел за его спиной, едва поспевая за хозяином. Веселина заметила его краем глаза и воодушевилась, как будто его присутствие обеспечивало скорую победу. Одолев ужас, помня только, что для победы надо побольше шуметь, она металась по улице и колотила палкой по тынам и воротам, по горшкам, вывешенным на кольях на просушку, кричала во все горло, словно силилась разорвать пути тьмы, павшие на землю.

Громобой скрылся в воротах Вестимова двора, и через несколько мгновений из-за тына полетели звонкие тяжелые удары молота по наковальне. Ему ответили другие; молоты и молоточки многочисленных прямичевских кузнецов били по наковальням, по неоконченным заготовкам, по крикам, приготовленным для будущей работы.

– Гоните его! Гоните! – вразнобой кричали прямичевцы и шумом толкали прочь злого зимнего духа, раскрывшего пасть на новорожденного солнечного ягненка.

С горы, где стоял прямичевский детинец, долетел гулкий, протяжный удар, похожий на голос грома, скатился и рассыпался по улочкам и дворам посада, потом еще один и еще. Это Зней, волхв Перунова святилища, колотил в било, созывающее на священные празднества. Посадские жители оборачивались к детинцу, на лицах проступали облегчение и надежда, как если бы они слышали приближение самого Перуна.

И уstraшенный Волк разжал зубы; тьма ненадолго замерла, а потом стала редеть. Потухли облака, так и не пролив на землю огненный дождь, солнечный ягненок покотился из пасти тьмы назад, на волю. Небо посерело, потом снова стало голубым, а Зимний Зверь побледнел и растаял. Звезды спрятались в своих глубинах, тени метнулись по углам и забились в щели. Крики ярости и страха сменились радостными, ликующими.

– Слава тебе, Хорсе пресветлый! Слава! Чуры нас спасли! Солнышко наше трисветлое! Солнышко! – десятками густых и звонких голосов кричала вся улица.

Со слезами радости люди кланялись солнцу, спасенному их собственными усилиями.

Побросав палки и прочее, прямичевцы утирали слезы, смеялись и обнимались. Из толпы потрясенно кричащих и плачущих женщин выбралась Веселина. Платок с ее головы сбился на спину, коса растрепалась, по щекам текли слезы, и она на ходу смахивала их то ладонью, то тыльной стороной руки. Потрясение еще не схлынуло, от ужаса и возбуждения ее била дрожь, глаза плакали, а рот смеялся. Было чувство, что сама она вот только что избежала гибели, что это за ней приходил Зимний Зверь, на нее раскрывал свою черную жадную пасть...

Она шла по улице, ничего перед собой не видя, и остановилась только тогда, когда уперлась в кого-то большого и теплого. Чьи-то руки взяли ее за плечи и слегка встряхнули. Слегка – это для обладателя рук, а для Веселины сотрясение получилось весьма внушительным. Она подняла голову: перед ней стоял тот рыжий парень, что промчался по улице, как ураган, и так

вовремя спугнул Зимнего Зверя ударами кузнечного молота. И полушубок по-прежнему был на нем надет только одним рукавом, а второй болтался за спиной.

– Громобой! – Веселина вцепилась обеими руками в рубаху у него на груди и дернула. – Ты видел? Видел? Это что же такое? Я чуть с ума не сошла!

– Было бы с чего сходить – ума-то у тебя отродясь не бывало! – низким, глубоким и грубовато-насмешливым голосом утешил ее парень. – Ревешь-то чего? Раньше надо было реветь, а теперь поздно! Убежал волчонок!

– Убежал! Гнали, вот и убежал! – Веселина обиженно вытерла глаза кулаком. Вид Громобоя вызвал в ней разом и облегчение, и досаду. – Ты бы спал подольше – он бы нас всех съел.

– Ну меня-то не съел бы!

– Тебя-то конечно! Об тебя-то зубы обломаешь... Пусты! – Веселина рванулась. – Медведь рыжий!

– Рева-корова! – Усмехаясь, Громобой выпустил ее, и она отскочила от него на пару шагов. – Зимний Зверь-то, может, за тобой и приходил. Ради твоей красоты ненаглядной!

– Да уж конечно, не на тебя любоваться! – задиристо ответила Веселина. – Да ты посмотри, как ты вырядился-то! – ахнула она вдруг и опять дернула его за распахнутый ворот рубахи. – Оделся-то шиворот-навыворот! Ох, быть тебе битым!

Громобой посмотрел на себя: вышитая праздничная рубаха была на нем надета наизнанку. Веселина захохотала над его удивленным лицом, потом сама себя перебила:

– Стой, а ты откуда бежал-то? Ты ведь не дома ночевал! А где же тебя лешии свалили? Под тыном где-нибудь? Не замерз, медведюшка-батюшка? Или тебя там пригрел кто-нибудь?

– А тебе-то что? – Громобой глянул на нее и ухмыльнулся. – Уж тебя-то я не спрошу, где мне ночевать!

– Ну, и иди себе! – мигом нахмурившись, в досаде крикнула Веселина. – Иди, чего встал? Я тебя видеть не хочу!

Громобой повел плечом: дескать, не хочешь – не надо, я и не навязываюсь. Повернувшись, он пошел куда-то вдоль улицы. Веселина блестящими от гнева глазами смотрела ему вслед; румянец ее разгорелся ярче, нежность в лице сменилась досадой, что совсем не шло к ее мягким чертам. Она смотрела на удаляющуюся спину Громобоя, на рукав полушубка, смешно болтающийся сзади: почему-то все полушубки на нем выглядели так, будто они ему малы. А все двери перед ним казались узкими, кровли – низкими, дома – тесными.

Плохо начался новый год! И Зимний Зверь напал, и с Громобоем опять поругалась! Последнее было даже хуже. Он не оглядывался, и Веселину мучило горячее досадливое чувство, будто она держала в руках что-то дорогое и важное, но упустила, опять упустила! Громобой не давался ей, ее улыбки и задорные взгляды отскакивали от него, как от каменной горы. Иные встречи кончались ссорой, как сейчас, на пустом месте, Веселина злилась на него, а еще больше злилась, потому что знала: если сегодня к вечеру он не забудет о ссоре – он-то не придавал им особого значения – и не придет, то сама она пойдет к нему, делая вид, что все забыла.

А не ходить к нему у нее не было сил. День казался потерянным и все забавы были не в радость, если ей не удавалось его увидеть, перекинуться словом. Перед ее мысленным взором и сейчас стояло его лицо: круглое, скуластое, широкий выпуклый лоб, полуприкрытый густыми рыжими кудрями, небольшие серые глаза, прямой короткий нос, на котором даже зимой густо пестрели веснушки. Никто не сказал бы, что он красавец, но все в нем дышало силой, спокойной, неторопливой и уверенной. Весь он был полон мощи, которая только ждет случая, чтобы вырваться наружу, и тогда ничто на свете не сможет ему противостоять! Не прилагая к этому никаких усилий и даже не думая об этом, Громобой завораживал Веселину, и ничья пылкая любовь не привлекала ее больше, чем его небрежное, снисходительное дружелюбие. Наверное, это потому, что он – сын Перуна... Все об этом знают... И Веселина верила, что так оно и есть.

* * *

Весь Прямичев знал, что Громобой не был родным сыном старосты кузнецов Вестима и его жены Ракиты. Наравне с кошунами о битвах Перуна и Велеса старики рассказывали детям, как Вестим, тогда еще не староста, его нашел. Давным-давно, еще при прежнем князе Молне-славе, однажды в самый Перунов день над землей дрёмичей разразилась страшная гроза. Все небо было в густо-серых тучах, дождь лил сплошной стеной, и деревья сквозь него едва виднелись, как в тумане. Воздух потемнел, в преждевременных сумерках при каждом ударе молнии весь небосклон озарялся трепетной бело-золотистой вспышкой, и дождь припускал еще быстрее и гуще, словно подгоняемый ударами огненного бича. Все живое дрожало, кровли домов уже не казались надежным укрытием, звериный слепой ужас толкал бежать куда-то наперегонки с дождем, бежать, разбрызгивая воду из-под ног и крича от страха. Вслед за каждой пламенной вспышкой вверху раздавался треск, словно могучие руки Перуна рвут облачную пелену, и думалось, что вот-вот в небе покажется прореха.

Копыта Перунова коня гремели над небосводом, и казалось, что удары невиданной мощи вот-вот разобьют хрупкую кровлю мира и она голубыми обломками повалится вниз. Объятый смертельным ужасом Змей метался между землей и небом, прикидывался то тучей, то горой, бросался в любую нору, в древесную щелку, в воду, но небесный воин одну за другой метал огненные стрелы в своего вечного врага, находя его повсюду. Чтобы не дать случайного прибежища Змею, во всех домах опрокидывали бадейки и горшки, девушки обматывали головы платками, пряча волосы. Собаки жутко выли, люди невольно втягивали головы в плечи и шептали: «Чур меня!»

Ослепляюще ярко вспыхнула молния, бело-желтая огненная волна мгновенно затопила небо. Повисло ужасающее, давящее мгновение тишины – и грянул удар, точно небо раскололось над крышами. И, как видно, попал в цель: битва богов отгремела, Перун спрятал свои огненные стрелы, но дождь потом лил до самого вечера, пригибая к земле ветви берез и густо разбрызгивая водяную пыль от земли.

Во время бури народ натерпелся страху, а разговоров потом было еще больше. Поломало много деревьев, один старый тополь обрушило на крышу рыбацкой избушки над Ветляной, так что старика и девочку-подростка придавило насмерть. Рассказывали даже, что одного мужика пронесло-де по воздуху версты три и посадило на крышу княжеского терема, но это, пожалуй, были байки.

А Вестимова жена Ракита на другое утро послала мужа в лес искать громобой – дерево, в которое попала молния. Щепки от громобоя издавна известны как надежный оберег от молний, поскольку Перун не бьет дважды в одно место, и Ракита хотела впредь быть уверенной, что ее крыше не грозят огненные стрелы небесного воина.

После вчерашнего ливня в лесу было сыро, деревья стояли понурые, из зарослей и ото мхов тянуло задержавшимся запахом грозы, смешанным с прелью. Черевьи Вестима скоро намокли, свита на спине и на плечах напиталась влагой, холодные капли градом сыпались с ветвей. Оглядываясь, он выискивал расколотое дерево: не может быть, чтобы среди множества молний, вчера сыпавшихся на лес, ни одна не попала в какой-нибудь высокий ствол. Особенно памятна ему была последняя, и при мысли о ней у Вестима по спине бежали мурашки: уж верно, эта Перунова стрела, попавшая наконец в Змея-Велеса, расколола землю до самых глубоких подземелий. Так и жди, что где-нибудь вдруг откроется черный бездонный провал с багровым пламенем внизу... Как там... «Огни горят палючие, котлы кипят горючие...» Что-то такое жуткое там творится, и Вестим гнал от себя мысли о Велесовом подземелье.

Заприметив на пригорке дубраву, Вестим повернул туда. В дубраве идти было легче, мокрая мелкая травка не мешала. Довольно скоро Вестим вышел на поляну. Прямо посередине

ее стоял огромный старый дуб, молнией разбитый прямо пополам, но не сгоревший. Когда-то он был могуч и возвышался над всей дубравой, но теперь, как с такими и бывает, поплатился за свое гордое величие. Обхватить его ствол смогли бы человек восемь, как издалека прикинул Вестим и даже вообразил, как сам стоит в таком хороводе, держа за руки Овсеня, Праменя, Пригожу, Бежату и еще кого-то из соседей. Сейчас обломанная мокрая вершина лежала на земле позади ствола, а длинная угольно-черная трещина опускалась почти до земли. «Дождем загасило!» – отметил Вестим, довольный, что ходил не напрасно. Он направился к дубу, на ходу вынимая из-за пояса топор. Отколоть пару щепок из сердцевины – и домой. Ракита будет рада...

Но вдруг сквозь шорох собственных шагов ему послышался странный, совсем не уместный в лесу звук. Вестим остановился посреди поляны, прислушался. Сквозь шелест листвы и неравномерное пощелкивание крупных капель был слышен детский плач. Послушав несколько мгновений, Вестим крепко потер ладонями уши, потом опустил руки и снова прислушался. Плач доносился с той стороны, куда он шел.

Пробрало холодом, и Вестим обхватил себя за плечи, одновременно прикрывая грудь топором. В душе страх мешался с недоумением. Откуда здесь ребенок? Леший морочит! Мары заманивают! Чур меня! Сразу лес вокруг показался враждебным и угрожающим, тем более что по пути сюда Вестим ничего такого не ждал: вчерашняя битва Перуна с Велесом всю мелкую лесную нечисть заставила попрятаться под коряги. Да так, что не скоро опомнится. Но вот ведь он, младенческий плач, до того похожий на настоящий, что вспомнились родинные трапезы, которые дней десять назад справлял сосед-кузнец, Бежата. Он звучал не жалобно, а скорее требовательно. Вестим колебался: благоразумие толкало прочь, а любопытство тянуло посмотреть получше. Топор в руке придавал уверенности. И Вестим снова шагнул к дубу.

Сначала казалось, что плач раздается из-за дерева, но, обойдя едва половину огромного ствола, Вестим уже слышал плач позади. «Леший-таки морочит!» – с досадой подумал было он. Как вдруг осознал: плач идет изнутри разбитого ствола.

Придерживая топор под локтем и ухватившись за шершавый, в крупных замшелых трещинах ствол, Вестим встал на выступ корня. Запаха гари, как ни странно, совсем не ощущалось, в нос ему бил крепкий, горьковатый запах дубовой коры. Прижимаясь к дереву и стараясь не соскользнуть с мокрого корня, Вестим заглянул в развилку.

Там, в этой странной лесной колыбели, вырубленной топором самого бога-громовика, лежал младенец. Это был мальчик, крепкий и крупный, трех-четырёх месяцев от роду, вроде того, что Вестим недавно видел у Бежаты. И еще завидовал, потому что своих детей им с Ракитой Мать Макошь пока не посылала. Теперь младенец уже не плакал, а только тарачил на Вестима голубые глазенки. И этот взгляд, устремленный прямо на него, так потряс Вестима, что руки сами собой разжались и кузнец соскользнул на мокрую траву.

Поднялся Вестим не сразу. Он не ушибся, и лежать на мокрой земле было холодно, но он сам с собой тянул время: что теперь делать? Что за младенец? Мары украли? Лесовуха родила? Ни медвежьих ушек, какие бывают у лесных исчадий, ни хвостика, ни волчьей шерстки Вестим не заметил. Обыкновенный человеческий младенец, розовый, с рыжеватым пушком на головке.

Собравшись с духом, Вестим снова заглянул в развилку. Младенец помахивал над собой ручками и гугукал. Он, казалось, совсем успокоился и был уверен, что его судьба устроилась. Хотя что он, в три месяца, может понимать? Чем больше Вестим смотрел на мальчика, тем больше тот ему нравился. Возникло ощущение подарка, счастливой находки. Боги послали ему того самого сына, которого он уже десять лет безуспешно вымаливал. Уже ему было трудно оторвать глаза от мальчика, душа тянулась к нему и согревалась, даже ноги стояли на земле как-то прочнее. Вся жизнь разом, внезапно переменилась, Вестим ощущал себя разбогатевшим. И мальчик уже казался не младенцем, а каким-то большим, сильным, добрым существом,

подмогой на всю жизнь и опорой в старости. Не все же нечисти бояться, бывают на свете и добрые чудеса.

Когда Вестим явился из леса, вместо щепок неся завернутого в свиту младенца, посмотреть на это сбежался чуть ли не весь прямичевский посад, а потом и детинец. Все охали, ахали, робкие разглядывали издалека, смелые тянулись потрогать, но Вестим никому не позволял. Одни говорили, что это счастье, другие предостерегали, что лесная нечисть в доме до добра не доведет.

Вскоре явился волхв из Перунова святилища. Осмотрев младенца, он разрешил затаившему дыхание Вестиму его оставить, не учуяв в нем никаких признаков нечистого духа. В тот же день Вестим сходил с мальчиком к Ветляне, принес реке жертвы хлебом и медом, окропил ребенка водой и назвал его Громобоем. Женщины Кузнечного конца наташили Раките всяких пожитков, Жаравиха принесла колыбель, из которой как раз выросла ее четвертая девчонка, и до вечера соседки наставляли Ракиту в обращении с младенцем. Ракита, десять лет прожившая женой и хозяйкой, но вдруг внезапно, без ожидания и приготовлений, оказавшаяся в положении молодой неопытной матери, то смеялась, то плакала от волнения, боясь, что не справится с младенцем, которого ей доверили сами боги. Даже взять его в руки она поначалу боялась, и весь вечер Вестим сам с ним нянчился, довольный и гордый, «будто сам родил», как сказала Жаравиха.

Проводив последних гостей, Вестим с Ракитой и сами собрались спать. Укладываясь, они то и дело оглядывались на колыбель, подвешенную в дальнем от двери углу, подходили заглянуть в нее, прислушивались к каждому звуку. Внезапно появившаяся зыбка стала новым сердцем их дома; с ней в их жизнь вошло нечто столь значительное, такое огромное, что они лишь постепенно привыкали к перемене. А младенец, накормленный молоком из рожка, спокойно спал. Он вообще оказался не криклив, и Вестим заранее гордился, уверенный, что его богоданный сын вырастет крепким мужиком.

Время катилось к полуночи. Вдруг из угла, где висела колыбель, послышался стук.

Вестим, чутко дремавший, тут же поднял голову. Стук повторился, слышался шорох, как будто зыбка раскачивалась и толкалась о стену. В избе было темно, но кузнец, смутно различая беловатое покрывало над колыбелью, щурился и тянул шею, пытаясь ее разглядеть. Покрывало поползло вниз и упало на пол. Вестим кинулся к колыбели. Она дрожала и сильно раскачивалась, стучала боком о стену, в ней шевелилось и сильно дергалось что-то большое – гораздо больше, чем младенец! Раздался какой-то звук, голос – тонкий, неестественный, так что Вестим застыл на полпути и холод сковал жилы. Вспомнились все предостережения: не бери лесную нечисть в дом!

Метнувшись к печке, Вестим раскопал дотлевающие угли, поддел головню на кованую железную лопатку, вытащил и стал раздувать. Зыбка дрожала все сильнее, будто яйцо, из которого рвется на волю огромный птенец. Лопнули две веревки, колыбель опрокинулась, что-то большое и нескладное вывалилось на пол. Снова раздался крик – тонкий, нечеловеческий, жалобный и требовательный разом, что-то смутно напоминающий, но сейчас вызывающий только ужас. Обливаясь холодным потом, Вестим бросил на лопатку кусок сухой бересты. Береста ярко вспыхнула, и Вестим поднял лопатку в дрожащих руках перед собой, освещая колыбель и огнем защищаясь от ее неведомого обитателя.

И, едва глянув вперед, кузнец чуть не выронил лопатку. Он ждал увидеть какое-то чудовище, змея о двенадцати головах, но под опрокинутой колыбелью на полу избы копошился жеребенок. Маленький жеребенок ярко-рыжей масти пытался встать на тонкие длинные ножки и смешно мотал головой. Его тихое ржанье и было тем звуком, от которого у Вестима чуть не остановилось сердце. Вестим глядел, глядел, но ни дыма из ноздрей, ни пара из ушей... что там еще полагается? Жеребенок был как жеребенок, ничего особенного. Но откуда он здесь взялся?

– Да что же это? – осевшим голосом еле выдохнул Вестим.

– Оборотень! – охнула Ракита, сжавшаяся от страха на лежанке.

Ярко и быстро горевшая береста погасла. Вестим положил лопатку на пол и зажег лучину. Подняв ее в вытянутой руке, он снова осветил оборотня. Рука с лучиной дрожала, отблески света прыгали по бревенчатым стенам, и казалось, что вся изба полна страшных неведомых теней. В горле было сухо, сердце отчаянно стучало, хотелось бросить лучину и бежать отсюда. Но Вестим знал, что никуда не побежит, что этот младенец, которого он принес в дом и которому дал имя, теперь перед богами и людьми его сын, продолжение его рода, часть его судьбы. И если судьба оказалась не так проста, как он думал, то ничего тут не поделаешь.

Жеребенок тем временем поднялся на ножки и теперь тыкал мордой в стену, словно искал мать. Из колыбели свешивался край пеленки, и жеребенок принялся его сосать. И при виде этого у Вестима отлегло от сердца: оборотень он, конечно, оборотень, но выходило, что в жеребячьем образе он так же не отличается от простых жеребят, как в человеческом – от простых детей. Дрожащей рукой Вестим обтер со лба холодный пот и сел на лавку. Ноги подгибались, во всем теле чувствовалась слабость, но душа как-то разом успокоилась. Ну оборотень. Что мы, оборотней не видали?

Торопливо одевшись, Ракита убежала позвать людей. От найденного в дубе младенца все и ждали чего-то необычного, поэтому довольно скоро в избе опять было полно народа. Вспомнили, что у Овсеня недавно жеребилась кобыла, и надоумили отвести жеребенка к ней, чтобы покормился. Но жена Овсеня не хотела пускать оборотня во двор, и тогда Овсень привел кобылу к Вестиму. И до утра Вестим просидел в хлеву, рядом с кобылой и спящим на соломе жеребенком. Для него в жеребенке скрывался тот же младенец, которого он назвал своим сыном.

Под утро его сморил сон, и проснулся он от того, что лежащий на соломе младенец покривал, требуя еды. Он был точно такой же, как вчера.

– И куда же его класть? – Ракита развела руками. – Из колыбели выпадет, а то на соломе...

– Приладимся как-нибудь! – утешил ее Вестим. – На день в колыбель уложи, а к вечеру...

Ну, управляйся тут, а я к волхву пойду.

Перунов волхв, снова призванный для совета, не слишком удивился.

– Коли он от молнии родился и родным сыном приходится Перуну, значит, простым ему не бывать! Две сути в нем: земная и небесная, а в земной еще две – человеческая и звериная. Может, со временем и еще больше откроется. Пока он из тех оборотней, что днем людьми живут, а ночью – зверями. А как он в возраст и разум войдет, то научится по своей воле обращаться. И в человеческом облике будет он сохранять силу коня, а в конском – разум человека.

– Что же мне с ним делать? – спрашивал Вестим, смущенный такими глубинными тайнами мироздания, вдруг вошедшими под его неприметную крышу.

– Расти и воспитывай! – просто ответил волхв. – Тебе он богами в руки дан. А чтобы он тебе больше колыбели не ломал, есть одно средство...

На другой день волхв принес берестяной ремешок с завязанными узелками – науз и сам обвязал его вокруг тельца Громобоя. С тех пор мальчик больше не превращался в жеребенка и ночами мирно спал в колыбели. Он почти не плакал, а если и подавал голос, то лишь требуя чего-то необходимого – еды или сухой пеленки. Вместе с ним в дом вошло что-то прочное, надежное, и даже сам дом стал смотреться как-то крепче. Удача во всех делах больше не покидала кузнеца, болезни и беды обходили двор, скотина плодилась. И в следующие несколько лет Ракита родила троих детей: двух мальчиков и девочку.

А Громобой рос небывало быстро и через год уже выглядел трехлетним. В двенадцать лет всю помогал отцу в кузнице, и силы у него было больше, чем у взрослого молотобойца. Когда ему исполнилось двенадцать, волхвы хотели забрать его в Перуново святилище на гору – служить небесному отцу. Но Громобой отказался и на том уперся. Вообще-то нрав у него был спокойный и в обычных обстоятельствах покладистый, но если уж он чего-то хотел или

не хотел, то сдвинуть его было невозможно никакими средствами. И волхвы отступили. Когда ему сравнялось пятнадцать, молодой князь Держимир прислал звать его в дружину, но тоже получил отказ. Громобой хотел быть кузнецом, ратная слава и честь его не привлекали. И князю, ничуть не менее самолюбивому и упрямому, тоже пришлось смириться: насильно мил не будешь.

А Вестим, наблюдая все это, не знал, что и подумать. Конечно, он был рад, что старший сын остается с ним, не желая менять избу в Кузнечном конце ни на святилище, ни на княжескую гридницу. Приятно было видеть, что сын вырос первым парнем в Прямичеве и непревзойденным кулачным бойцом, приятно знать, что такому работнику позавидует любой кузнец на свете. Но Вестим не мог не задавать себе вопроса: а все ли это? Неужели Перун дал ему своего сына, чтобы тот ковал топоры, косил сено козам и изображал медведя в новогодних гуляньях? У него должно быть какое-то другое предназначение. Какое?

* * *

Все первое утро нового года посад и детинец Прямичева обсуждали знамение. В избе гостеприимного Хоровита перебивали соседи со всех окрестных улиц: приходили, сидели за столом, толковали, спорили, качали головами, уходили говорить все о том же в других местах, уступая скамьи новым гостям.

– Волк на солнце – не к добру! – твердил старый отец Хоровита, прозванный Знамо Дело. – В прежние времена такое знамение всегда к беде было!

– Ох, отец! – вздыхала Любезна, жена Хоровита, словно умоляла не портить праздника дурными пророчествами.

– Это к большому пожару! – вставила Нарядиха. – Видали, облака-то были в огне? Это значит, вся земля в огне будет!

– К мору это! – убежденно возражал Прамень, точно его предложение было гораздо лучше. – Навьи-то, видели, как вокруг вились! Так и ходят, так и ходят! Чур меня!

– Пожар, мор! – Старик Бежата махнул рукой на них обоих, уже готовых спорить. – Смешно! – восклицал он с видом не столько веселым, сколько возмущенным. – К войне это! Тут тебе и огонь, и мор, и навьи, и всякая прочая погибель!

– Ну, старче! – Хоровит недоверчиво качал головой. – Ты уж хватил! С кем же нам воевать?

– С нашим князем воевать охотников мало! – убежденно заметила Любезна.

– Что, Беляй, пойдешь воевать? – поддразнила Веселина парня, который тоже явился к ним и теперь сидел у двери, дожидаясь от нее хоть взгляда. – Отличишься!

Беляй ухмыльнулся и опустил глаза. Он не был труслив, но воевать ему совсем не хотелось. Дома, среди родных и поблизости от Веселины, ему было гораздо лучше, чем любому прославленному витязю, который ратными подвигами добыл себе княжью шапку.

– Не хочешь? – не отставала Веселина. – А то смотри! Княжеские отроки столько всего занятного рассказывают, а тебе и сказать нечего! Так и будешь весь век сидеть, с печным горшком шептаться! – намекнула она.

– С котом целоваться! – ехидно шепнула восьмилетняя Волошка и звонко захохотала, прячась за взрослую сестру от грозного взгляда матери.

– Надо бы к князю сходить! – толковал между тем дед Знамо Дело. – Ему виднее, что за напасть такая.

– Князю всегда виднее! – подхватил Бежата, уже седой старик с длинной, широкой, белой бородой. – Надо нам всем собраться да сходить!

– Давай, знамо дело, собирайся! – подзадоривал седого приятеля хозяин. – Повеличаем, может, бражки поднесут. Свиные ножки да пирогов в лукошке!

– Да что мне собираться? Подпоясаться разве! – посмеиваясь, отозвался Бежата.

– Да знаю я, как вы соберетесь! – Любезна им не слишком верила. Старики сидели за столом крепко, как молодые зубы в челюсти. – До Велесова дня прособираетесь, а там праздникам конец!

Проводя время в разговорах, посадские жители и в самом деле не слишком торопились. Не хотелось думать о плохом и портить себе праздник, на помощь приходила привычная надежда, что как-нибудь все обойдется. На то и боги, чтобы держать порядок на небе, а нам бы на земле справиться. Может, привиделось? После большого гулянья чего не увидишь?

Новое утро не принесло никаких пугающих знамений, вчерашний страх отступил, праздник напомнил о себе: снова хотелось веселья, движения, смеха. Вечер застал Веселину с подругами далеко от дома, на Ветляне. Весь день они катались на санях, а как стемнело, прибились погреться и отдохнуть к костру, который прямичевцы разложили над высоким обрывистым берегом. Катал девиц на своих вороных, наилучших в городе тройках младший сводный брат князя Держимира, рожденный от пленной степнячки-куркутинки. Мать назвала его длинным непонятным именем Байян-А-Тан, но в Прямичеве его звали Баяном. В любой толпе он привлекал внимание своей необычной внешностью: чужая кровь ярко сказывалась в его смуглой коже, отливавшей бронзой, в форме крупного носа, заметно выступавшего вперед, в темных глазах, которые казались большими и влажными, как у коня. Свои блестящие черные волосы он зачесывал назад и заплетал в косу. Как нарочно про него было сказано: не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив. Хмурый, замкнутый, недоверчивый князь Держимир любил своего сводного брата больше, чем иные любят родных, и баловал его, как любимое дитя. При первом взгляде на Баяна любая говорлинская девица сказала бы, что он страшен как некрасив, но все прямичевские девушки были влюблены в него за его открытый, веселый нрав и даже не в шутку считали его красавцем. Веселине он тоже нравился: она так любила все яркое, живое и необычное, а Баян был по-своему не менее ярк и необычен, чем Громобой. Если без Громобоя не обходился ни один кулачный бой или зимнее «взятие Ледяных гор», то Баяна было лучше всего видно и слышно на гуляньях, и он был одинаково весел на пирах в княжеской гриднице и на посиделках в посадской беседе. Любовь к шумному веселью роднила его с Веселиной, и, в отличие от Громобоя, он всегда был рад ее видеть и никогда с ней не ссорился. У него уже имелась, правда, одна жена, но и Веселине он не раз намекал, что и для нее место найдется. Веселина только смеялась в ответ: лестно было вообразить себя женой княжеского брата, однако что-то не давало ей ответить согласием – жаль было вольной и веселой девичьей жизни. Но мало что могло ее обрадовать так, как звон бубенцов его тройки, утром подлетевшей к воротам, и голос Баяна, звавший ее кататься.

Над заснеженной Ветляной катались дотемна; завидев дым, заезжали в огнище, гуляли там, угощали хозяев, играли с тамошней молодежью в «колечко», водили хороводы вокруг Велесовых снопов, украшенных лентами и сухими цветами. Под вечер, уже в темноте, утомленная «колядошная дружина» вернулась к Прямичеву. В темноте был виден огонь, разожженный на высокой прибрежной горе над Ветляной, прямо напротив ворот посадского вала. Возле нескольких больших костров былолюдно и оживленно. Поближе к огню, как внутри солнечного круга, сидели старики, а вокруг них водили хороводы молодые. Дети и подростки бегали вокруг с пирогами в руках, катались с гор на санках, кидали снежки. Никому не хотелось домой: казалось, человеческое веселье даже ночную тьму отгонит и позволит хороводиться до самого утра. Веселина едва успела протянуть к огню озябшие руки, как возле нее опять возник Баян с маленькими санками, позаимствованными у кого-то из малышни. Целый день гулянья утомил и его, он был разгорячен, но внутри него словно бурлил источник, не дававший отдыхать.

– Не устала? – поддразнивал он Веселину. – А то посиди в сторонке со старушками!

– Сам посиди! – смеялась Веселина.

Все неприятное – страх перед Зимним Зверем, ссора с Громобоем – ушло и забылось, ей было весело и хотелось, чтобы это продолжалось вечно: и быстрая езда на княжеских санях, и хороводы, и песни.

– На свете бывает, что и медведь летает! – весело орал Баян, посадив Веселину на передок санок и бегом толкая их сзади. – Да только кто ж видал, чтобы медведь летал?

Разогнавшись, сани помчались вниз; Веселина взвизгнула, чувствуя, что задняя половина санок слишком легка и неустойчива; но в последний миг Баян вскочил на них уже под уклоном горы, и сани стрелой полетели вниз, к отмели, где берег невидимо под снегом переходил в лед Ветляны. В тусклом свете неба лед казался серебристо-белым, а воздух над ним – черновато-синим. Прямо напротив горы сверкали белым огнем звезды, и казалось, что сани летят в пропасть, прямо в дивные небесные миры. Веселина визжала от восторга и жути, душа ее рвалась наружу, взбудораженная всем этим: стремительной ездой, свистом ветра, теплом и силой рук Баяна, обнимающего ее сзади. Казалось, душа растает с телом и касается неба; хотелось сей же миг умереть и жить вечно.

И вдруг впереди, в рассеянном сиянии снега, возникло огромное черное пятно. Как будто сам воздух, само сияние снега и луны раздвинулось, образовав провал в черную пустоту. Веселина не успела сообразить, что это такое: что-то вроде полыньи, но полынья эта не лежала на льду, а стояла стоймя, как ворота, и прямо в эти ворота неудержимо мчались их разогнавшиеся санки. В черноте пятна мелькнули две злые белые искры, точно чьи-то глаза; еще не веря себе, Веселина испуганно ахнула, и хотелось, чтобы грозный морок рассеялся так же внезапно, как появился.

Над высоким берегом вскрикнул женский голос, крик подхватило несколько других. Рвануло пронзительно-холодным ветром, пригнулось пламя костров, веселье в сердцах мгновенно сменилось беспричинным страхом. Замерев на месте, люди оглядывались, точно спрашивали друг друга: что такое?

А сани мчались вниз, навстречу распахнутой пасти тьмы; Веселина охнула и замолчала, потому что рука Баяна вдруг прижала ее слишком сильно. Теперь-то и он увидел, что ждет их внизу: на белом снегу неясно вырисовывались очертания громадного черного зверя. Белый огонь узких глаз освещал приоткрытую пасть и бросал белые блики на острые клыки. Очертания тела казались расплывчатыми, но от этого делалось еще более жутко. От этого зверя веяло жестоким, нестерпимым, мертвящим морозом; околочен, не в силах вдохнуть или даже зажмурить глаза, Веселина застывшим взглядом смотрела на черного волка зимы. И ледяной ветер тащил ее прямо в эту распахнутую пасть, тащил с неудержимой силой, и не было никакого средства остановить бег саней, несущих двух седоков прямо к гибели.

Прижав к себе девушку, Баян и сам как будто сжался в кулак; он не испугался, но в первые мгновения растерялся, не понимая, что это такое. А сани мчались прямо на ночное чудовище, и раздумывать было некогда. При нем не было никакого оружия, даже нож с пояса он оставил дома... да и чем поможет простой нож против злобного духа зимы с железной шерстью? Но из-за Веселины, сжавшейся и переставшей дышать, соображать приходилось быстро.

– На лошади еду – под гору хорошо качу, а в гору сам волочу! – диким голосом заорал вдруг Баян и качнулся, точно хотел разогнать сани еще быстрее. – Бояться волков – быть без грибов! У наших ворот всегда хоровод – раскрывай шире рот, зубам будет пересчет! Эх, коси малину, сгребай смородину-у-у!

Черный волк припал на передние лапы, готовясь к прыжку, но прыгнуть не успел – сани налетели прямо на него. Баян оглушительно свистел, Веселина в последний миг опомнилась и завизжала. Холодная тьма накрыла с головой ее и Баяна, словно ночная прорубь; дыхание перехватило, но его руки не выпустили ее, и Веселина, жмурясь, бессознательно прижималась к Баяну спиной, к живому теплу, единственной защите от ужаса зимней ночи. Сильно трянуло, и в тот же миг все кончилось. Санки мчались по ровному пространству ветлянского льда,

руки Баяна держали ее сзади, в лицо бил ветер. Веселину бросало то в жар, то в озноб, во всем теле ощущалась слабость.

Санки выдохлись, растеряли разбег и покатались медленнее; Баян опрокинулся на бок вместе с Веселиной, полежал так немного, приходя в себя, потом поднялся и ее тоже поставил на ноги. Позади них тянулся след от полозьев, над берегом металась отблески зажженных веток. На горе рвались в темную вышину пламенные языки костров, а вокруг блистал ослепительно-белый снег с острыми холодными звездочками.

– Ты живой? Где ты есть? Княжич! – кричали на горе десятки голосов. – Веселина! Вы живые? Отзовитесь!

– А то как... – начал было Баян, но голос его сорвался. – А то как же! – еще раз крикнул он, сглотнув и упрямо тряхнув головой. – Чтобы я – да не живой? Попробуйте от меня избавиться!

Пока к ним бежали люди, Веселина теребила Баяна за мех безрукавки на груди:

– Что это было? Что? Опять Зимний Зверь? И уже не на небе? Прямо к нам слез?

Она постепенно осознавала, что означала и чем грозила эта встреча, и ее была неудержимая дрожь. Зубы стучали, язык заплетался и даже говорить было трудно. В душе вспыхивало то ликование – они спаслись, они живы! – то ужас при мысли, как случайно, ненадежно было их спасение.

– Ну, Зимний Зверь! – смеясь от нервного возбуждения, Баян крепко прижал ее голову к груди, словно хотел этим сдержать ее дрожь. До него тоже доходило постепенно, и смех его, все более громкий, звучал неестественно и дико. – Ну, Зимний Зверь! Подумаешь, Зимний Зверь! – выкрикивал он в темноту, будто вызывал на бой всех чудовищ, рожденных Зимерзлой. – Видно, не ждал, морок драный, что такой смелый найдется – чтоб его санями!

– Чем ты его добил-то? – чуть не плача, допрашивала Веселина, почти ничего не помнившая из тех жутких мгновений. – Заговор, что ли, знаешь? Поделится бы!

– Заговор! – со смехом отвечал Баян, который и сам в те мгновения не понимал, что кричит и почему. – Заговор! Что я живой – вот и весь заговор! Не любят они живых, зимние выродки, не любят живых, боятся! А я живой! Живой я! – ликуя кричал он навстречу подбегающей с факелами толпе, и в этом было самое главное: и исход его битвы с зимним духом, и само оружие.

Над головой прижавшейся к нему Веселины Баян приветственно махал рукой, а Веселина держалась за его плечи, прятала лицо в мех его накидки, и ей было так страшно, что она не решалась пошевелиться. Ей мерещилось, что вокруг нее холодная пустая чернота, и страшно было сделать шаг, чтобы не кануть в эту ледяную пропасть. Ей вспомнился Громобой, и сердце зануло от желания быть поближе к нему. И какой леший ее дернул кататься с Баяном! Веселина ощущала раскаяние непослушного ребенка, который нарочно пошел в дремучий лес, куда ходить не велели, и заблудился. Она чуть не плакала от тоски, ей хотелось домой, в Прямичев, где вокруг не этот лед и черная ночь, а знакомые дома, тыны и ворота, дымы печек... Громобой... Только рядом с ним она и могла бы не бояться никаких зимних духов. Ведь он – сын Перуна! В нем вечно живет частица небесного огня, которого так боится любая нечисть и нежить.

– Резвого жеребца и волк не берет! – ликуя кричал Баян, размахивая рукой навстречу бегущим к ним парням.

Он не был сыном бога, он просто был очень везучим.

Глава 2

Весь вечер Веселина дрожала и назавтра сидела притихшая. Утром никак не рассветало, на востоке поиграло немного расплавленного золота рассвета среди серых туч, но между землей и небом висела плотная серая тьма. Наступающий день барахтался в серой вязкой мгле и никак не мог из нее выбраться. Потом погода испортилась, пошел снег; Зимерзла гуляла над крышами, трясла рукавами, рассеивая тучи влажных белых хлопьев, неразборчиво напевала снеговые заклятья. И неохота было выходить на улицу, страшно поднять голову – так и ждешь, что заденет по лицу тяжелым, жестким, холодным краем Зимерзлиной белой шубы.

Прислушиваясь к гулу ветра над крышей, Веселина все ждала еще каких-то пугающих знамений и в то же время сторожила: не скрипнут ли ворота, не застучат ли шаги на крыльце? Ей хотелось увидеть Громобоя, и она надеялась, что он придет, хотя никаких других причин, кроме ее желания, тому не было. Но почему бы ему не зайти, рассуждала она сама с собой, с непривычным усердием орудуя костяной иглой над чулком для кого-нибудь из младших. Она не знала, что скажет ему, но это не так уж и важно. Он ведь не очень-то к ней прислушивается.

К полудню заявили гости, жаждущие расспросить о вчерашнем. Веселина была и рада рассказать, но при воспоминании о черном волке зимы ее опять охватывала дрожь и делалось так страшно, что хотелось зажмуриться.

Зимний Зверь! Снеговолок, сын Зимерзлы, один из страшных зимних духов, дух метели и режущего зимнего ветра, каждый год носится над землей, перепрыгивая с тучи на тучу, пытается поймать новорожденного ягненка-солнце, щелкает ледяными зубами и воет в бессильной голодной тоске. Каждую зиму по вечерам в затянутом тучами небе, где в разрывах виднеется глубокая чернота, можно различить грозные очертания Зимнего Волка. Каждый год он подает голос в вое метели, но никто из стариков даже не помнил, чтобы сын Зимерзлы показался людям так явно, хотел сожрать солнце прямо в первое утро нового года, а потом вышел из облаков на землю и чуть не съел живых людей! Да еще и брата самого князя!

– Я так мыслю, нашему князю это примета дурная! – прикрывая рот ладонью, шептала Любезне на ухо тетка Нарядиха и еще оглядывалась, не слышит ли кто. – Зря он себе жену-оборотня притащил. Родится у нее зверь, вот сама скоро поглядишь! И что брата его Зимний Зверь сожрать хотел, тоже неспроста. Не останется наследников у князя Держимира, и род его сгинет! А все за то, что отец его брата погубил!

– Не болтай дури-то! – с неудовольствием отмахивалась Любезна. – Это когда было? Полвека назад! Дед вон молодой был, не женился еще!

– А ну и что? Погубил князь Молнеслав брата, за то боги его род прокляли, и всем нам худо придется! Вот сама поглядишь!

– Все злое отзовется! – Дед Знамо Дело кивал, тревожно глядя на внуков.

Румянок, Колобок и Ранник играли на полу с деревянными чурочками. Похоже было, что чурочка Румянка изображала Зимнего Зверя: сам он грозно рычал и подвывал. Чурочки братьев были санями. Сначала «Зимний Зверь» напал на сани, а они в испуге старались от него уехать, но потом, увлекшись, напали на врага сами. «Сани» Колобка при этом даже оторвались от земли, и вскоре битва велась уже где-то в небесах и походила скорее на сражение Перуна с Велесом. Дети играли в битву богов, и им не приходило на ум, что нечто похожее сейчас разворачивается над их головами на самом деле.

Сам праздник как будто замер в испуге: даже молодежь сидела по домам. Правда, из Кузнечного конца явились-таки ожидаемые Веселиной гости, но Громобоя среди них не было, и она не слишком огорчилась, когда мать, вручив парням по пирогу, выпроводила их восвояси. Кое-кто из соседей, держась поближе к тынам, заходил и после, но разговоры не веселили: все сходились на том, что «все это не к добру». Дед Знамо Дело рассказывал младшим кошуну,

и хотя все это было Веселине знакомо, она слушала, чтобы только не думать о Зимнем Звере. Так утешительно было знать, что где-то в мире есть сила, смелость, решимость, победа!

– А правил в том городе князь, и была у него дочь-красавица, – рассказывал дед. – Было тому князю предсказано вещими женами: кто его дочь за себя возьмет, от того ему, князю, и смерть придет. Вот вышел Заревик в поле, и выпустил князь на него свою дружину – сто человек и еще одного. Стали они биться, и побил Заревик всю дружину. Тогда вышел сам князь в поле против Заревика. Бились они день, бились ночь, и никто одолеть не мог...

– Вот он, сын бога-то! – вставила Любезна. – Сто человек один побивал! А у нас свой сын Перуна есть – что от него толку? Чудища хоть весь город пожрут – он и не почешется!

– Не скажи, матушка! – Хоровит засмеялся и подмигнул Веселине. – Не ругай парня зря! Забыла, как у кожевников бык вырвался? Как Громобой его за рога руками взял и голову на сторону своротил?

– Потом еще Головеня чуть не князю на него бил челом: зачем-де погубил скотину? – подхватил, тоже смеясь, старик Бежата. – Мог бы, дескать, так, за рога, и в стойло свести. А он: «Не рассчитал, не думал, что бычок такой хлипкий!»

– А еще Вешников тын! – закричала Нарядиха сквозь общий смех. – Еще когда Вешнику тын обрушил – почесаться, говорит, хотел!

– И как Стрекотухин парень ему под кулак подвернулся, так до сих пор левым ухом не слышит! – сердито, без смеха, добавила Любезна. – Вы-то смейтесь, а только я вот что думаю: если наш сын Перуна только на такие дела и способен, то цена ему невелика! Вон дело ему – Зимний Зверь! Чуть девку не сожрал! – Мать ткнула скалкой в сторону Веселины. – Чем ему не дело? Пошел бы к князю, сказал бы, так, мол, и так, хочу людей от Снеговолока избавить...

– Да как от него избавишь! – Бежата, сочувственно слушавший хозяйку, махнул рукой. – Зимний Зверь – не простой, его не убьешь. А убьешь – еще хуже будет. На нем зима стоит. А на зиме – весь годовой круг. Без зимы и лета не будет.

– А хорошо бы – без зимы! – вздохнула Волошка, сидевшая возле Веселины. – Чтоб всегда тепло...

– А на санках? – возмущенно вставил Румянок. – А ледяную гору строить?

– Нельзя без зимы! – согласился и дед Знамо Дело. – Всякому человеку ночью поспать надо, отдохнуть. Так и земле надо поспать. И солнцу. В теплое время им только и трудиться, а зимой – отдохнуть, сил набраться. Так богами заведено. Порядок такой. А без порядка не жизнь была бы у нас, а одна сплошная Бездна. Нет, детки, пусть себе и Снеговолок будет, и Костяник, и Зимерзла, и Морена... Лишь бы они свое дело делали – что им положено, то брали, а на чужое рта не разевали. Не то ведь худо, что Снеговолок на свете есть, а то, что девку захотел сожрать. Не бывало на моем веку такого... – Дед помедлил, будто на всякий случай вспоминал, и еще раз покачал головой. – Не бывало... Знать, за что-то на нас боги огневались.

Все помолчали. Вопрос «за что?» у каждого был на уме и словно бы висел в воздухе. Каждый из взрослых перебирал в памяти события недавнего прошлого, но никакой вины перед богами вроде бы не находилось. Бывали, конечно, и ссоры, и войной на дрёмичей недавно ходил речевинский князь Велемог... Так отбились же! И князь Держимир наконец себе жену раздобыл, к Медвежьему велику дню и дитя ждет. Жить бы да радоваться... Так вот нет же!

В тишине было слышно, как за стенами избы гудит ветер.

– Ну, замело! – Старик Бежата оперся обеими руками о свой посох и медленно поднялся. – Пойду я, а не то дорогу завалит. Добирайся потом...

– Ребята, проводите! – Хоровит кивнул двум старшим сыновьям.

Чистец и Яровод разом вскочили, но Бежата махнул рукой:

– А их обратно потом кто проводит? Я-то своих пошлю, так и будут друг друга до утра провожать. Нет уж, нечего ходить, нечисть дразнить. Один я дойду, ничего, дорогу знаю. Тут до угла только, а там за тынами уж не снесет... Спасибо дому, чурам и хозяевам... – Старик

поклонился печке, потом разогнулся и опять прислушался. – Как Снеговолок-то разгулялся! Так и воет, так и крутит... Да я, старый, ему не понадобится. А вот детям ходить нечего. Держи-ка их при себе, мать.

Провожая Бежату, Хоровит и Любезна вышли в сени. Во дворе была уже настоящая метель: ветер гнал над землей целые тучи крупных влажных хлопьев, не давал им даже коснуться земли и как будто хотел выпихнуть их обратно на небо; при этом он каждый миг переключался, менял направление, снежные вихри рвались и вились в разные стороны.

– Шагай живее, дед, а то не дойдешь! – Хоровит озабоченно похлопал старика по плечу. – Чего делается-то... Да держись тына, а то тут не поймешь, куда идти-то.

– Слышишь? – Любезна толкнула мужа в бок.

Где-то далеко, на краю невидимых небес, раздавался низкий, глубокий вой. Он был тесно сплетен с воем ветра, но временами человеческое ухо выхватывало его очень четко, и дрожь продирала по спине от мысли: это воет не ветер, а какое-то другое, более опасное существо. Вой летел над крышами посадских улочек и над теремами детинца, над спящими пристанями и заснеженными оврагами, и во всем мире он сейчас казался единственным живым. Тягучей, холодной и тяжелой волной голос Зимнего Зверя струился откуда-то сверху, и казалось, что сам Зверь ждет где-то близко, прямо за пеленой мечущихся в страхе снежных хлопьев, и вот-вот прыгнет вниз... Этот голос явственно подтверждал смутные человеческие опасения: да, это правда, в мире что-то случилось. Что-то изменилось, и все станет не как прежде... Эта зимняя тьма и холод вьюги воцарятся навечно... Зиммерзла, мать зимней тьмы, останется единственной хозяйкой земного мира, останется навсегда и никогда не пустит в него других, согревающих и оживляющих, богов. Нужно ждать... Ждать беды...

Хоровит поспешно закрыл ворота за ушедшим Бежатой и, с наброшенным на голову кожухом, перебежал через двор обратно к крыльцу. Отряхивая на ходу снег, они с Любезной вернулись в избу. Здесь было тепло, везде белели детские головки, и все вроде бы было хорошо, спокойно, как всегда. Но и купец, и его жена не могли избавиться от давящего чувства, что какое-то могучее зло, непонятное людям и неодолимое их слабыми руками, придвинулось совсем близко и даже крепкие стены избы не защитят семью от грозящей беды.

* * *

Вой Зимнего Зверя слышал и Вестим, под вечер шедший домой из детинца. Проходя мимо соседских тынов, он поглядывал вдоль улицы, прислушивался, не шумит ли где ватага, руководимая его старшим сыном. Но все было тихо, только метелица гуляла да рыжая собачонка соседа Пригожи, тощая, длиннолапая и глупая, отрывисто лаяла из-под ворот. Из-за покосившегося тына вдовы Пепелюхи долетали голоса. «Забрались под крышу, ума хватило!» – с облегчением подумал кузнец. Все небо было затянуто тучами, белесыми в тусклом свете луны. Кое-где тучи словно бы подталяли, и сквозь них просвечивала темнота неба. Мир казался глухим, замкнутым. Отовсюду веяло тоской. Хотелось вздохнуть поглубже, сбросить с груди давящую тяжесть. Не выйдет, надо терпеть. Надо перетерпеть это время, самое глухое и темное в году, а потом начнет светать яснее и раньше, а со светом придет и воздух, и простор, и желание жить. Сейчас год нырнул в самую глубину, а потом настанет время и выныривать. Как всегда.

Войдя в избу, Вестим сразу заметил медвежью шкуру, косматой кучей сваленную на лавку. Мокрый мех поблескивал. Значит, «медведь» походил уже по улицам да и вернулся.

– Где ты там, рыжий? – позвал Вестим в темноту, где всего одна лучина в светце возле печки распустила робкий листочек огонька. – Шкуру-то расстелил бы как следует.

В дальнем от печки углу, где была навалена куча сена, негромко прошуршало.

– Да я уж ему говорила, – вполголоса проворчала Ракита, помешивая длинной ложкой в большом горшке на печи. Рослая, немного сгорбленная, с большой головой, обкрученной двумя или тремя платками поверх повоя, она сама во тьме казалась медведицей. – Спит он. Нагулялся сегодня.

– Да разве это гулянье было? – обиженно подала голос Зарина, семнадцатилетняя дочь.

Она сидела на краю скамьи возле прялки, и ее совсем не было видно в темноте, только пятно рубахи смутно белело.

– Походили, потоптались, да и все, – уныло рассказывала она. – Только свои и были, другие все забоялись. И веселье-то какое... Беляя головой в снег поставили, чтобы еще белее был... А то он вокруг Веселины Хоровитовой все ходит, ходит, все никак понравиться не может...

Зарина вздохнула. Неудача соседского, с детства знакомого парня прибавляла уныния, казалась частью той беды, которая откуда-то вдруг свалилась на Прямичев. Хоть бы что-нибудь веселое случилось! Хоть бы у кого-то все было хорошо! А то кажется, что с каждым днем все темнее и темнее. Все ниже и ниже, глубже и глубже в эту тьму, а ведь в новом году день уже должен прибавляться!

– А Веселина-то была? – усмехнувшись, спросил Вестим. – Видела, что Беляя теперь надо любить?

– Нет. – Зарина мотнула головой. – Мы на Велесову улицу заходили, «ягодку» пели, а она не пошла. Любезна бранилась: «Ступайте отсюда, не до гуляний теперь!» Что же, теперь совсем и не жить?

– Правильно купчиха говорит! – одобрила Ракита. – Дома сидите, целее будете.

– Да уже...

Задумчиво развязав тканый пояс, кузнец сложил на лавку кожух, потом вспомнил и повесил его куда следует – на деревянный гвоздь возле дверного косяка.

– Хорошо, княжича Зверь не заел, – добавил Вестим, сев к столу и разглаживая ладонями волосы по обеим сторонам от ровного прямого пробора. – А то бы... Бабы болтают, что...

– Дурной голове всегда счастье! – перебив, бросила Ракита. – Может, если бы его заел, то к себе бы в Навье ушел и никого больше не тронул бы!

У разумных людей, которые даже маленькую удачу оплачивают долгим трудом, вполне понятное раздражение вызывает счастье беспечного дурня, у которого и петух несется, и сани едут без лошадей.

На крыльце заскрипело, в сенях бухнуло, в дверях взвизгнуло. В душевой избе потянуло прохладным свежим воздухом с улицы, через порог разом перевалились Смиряка, младший сын Вестима, и Солома, соседский парень, прозванный так за прямые золотистые, светлые волосы. Кожухи у обоих были в снегу.

– Где валялись-то? – приветствовала их Ракита. – Ровно дети малые!

Махнув по поклону в сторону печки и хозяев, Солома позвал в темноту:

– Медведюшка-батюшка! Ты что, до весны залег? А бока не отлежишь? Вылезай, пошли! Наши все к Пепелюхе набились, хотят в «колечко» играть.

– Тут колесо надо! – хихикнула Зарина.

– Разбуди его! – попросил Солома. – А то я боюсь: как двинет спросонья...

Хихикая, Зарина наклонилась над кучей сена, где лежал Громобой. Он любил спать на полу, как будто не доверял лавкам и полатам. Покрывшись кожухом, он лежал на спине с закрытыми глазами, но сестра была уверена, что он не спит.

– Просыпайся! – Она положила ладонь ему на плечо и слегка потрясла. Крепкая рука тут же сжала ее запястье. – Ой!

– Ты чего? – окликнул от порога Солома.

Дальше он не решался зайти, опасаясь упреков хозяйки за нанесенный в дом снег.

– Медведя поймала! – неуверенно ответила Зарина.

– Ну, тащи его сюда! – обрадовался Солома.

Зарина потянула на себя свою руку и попыталась разогнуться – напрасно.

– Да он не идет! – огорченно доложила девушка.

– Так хоть сама иди! – позвал Солома.

– Да он не пускает! – жалобно протянула Зарина.

И тут наконец все в избе засмеялись: Вестим смеялся неожиданно тонким голосом, а Ракита – густым, почти мужским. Вскоре она закашлялась и гневно замахала на молодежь руками. Громобой, тоже смеясь, выпустил руку Зарины и сел, потянувшись, стряхивая дрему.

За общим смехом хозяева не сразу заметили, что в избе появились гости.

– Здравья хозяевам, богатства дому! – Через порог шагнул сосед, Овсень. Роста он был невысокого, ниже собственных сыновей, а лицо его до самых глаз заросло русоватой бородой, в которой смущенно прятались мелкие черты лица. – Хорошо, застали мы вас!

– Да где же теперь и быть? Только дома! Вот как праздники кончатся, опять работа пойдет... – Вестим вздохнул. Грохот собственного железного молота по наковальне казался ему не менее надежным средством отогнать нечисть, чем огненный меч самого Перуна. – Когда у нас молотки не стучат, тогда нечисть и гуляет! А вы-то чего по темноте бродите?

– Дело мы задумали... – смущенно начал Овсень и просительно посмотрел на Вестима: – Завтра поутру пойдем-ка с нами. Сын вот мне покоя не дает: жениться да жениться. Пойдем да пойдем! Уж иди, так со старостой – а то не будет уваженья...

– Да вы свататься собрались! Матушка Макошь! Неужто взаправду! – изумленно закричали разом Ракита, Зарина и даже Смиряка, который успел залезть на полати, пригреться и задремать. – Да нет, не шутя собрались?

– Какое шутя? – Овсень, неуверенно мигая, вертел головой от одной женщины к другой, словно не знал, которой ответить. – Уж сколько собираемся... Почитай...

– Собираетесь-то давно! – выразительно подтвердила Ракита, сурово глядя на Беляя.

Войдя, он так и встал возле двери и не произнес еще ни слова, а на его лице застыла такая решимость, словно он шел биться с Зимним Зверем.

– Да вы садитесь! – спохватился ошарашенный Вестим, но гости едва ли его услышали, потому что одновременно продолжала говорить Ракита.

– Свататься! Люди, да вы глядите на них! Свататься! – выкрикивала она, потряхивая разведенными руками, как будто прямо здесь, в полутемной избе, на них смотрел весь Пряничев. – Ну вы и время выбрали – поплоше не могли дождаться! Свататься! – с изумлением и возмущением, как будто было задето ее собственное благополучие, восклицала Ракита. – Врагу не пожелаешь! Чудища днем и ночью по городу ходят, всякое навье, самое малое пока в избы не лезет, скоро будем ли живы – а им свадьбу! Да ты в уме ли, старик? Молодому не терпится, а ты-то что думаешь?

Беляй поднял на нее глаза. От этой пылкой речи в его лице не дрогнула ни одна жилка: он был тих, но упрям и очень хорошо знал, чего хочет. Сознывая, что он не самая подходящая пара для резвой Веселины, он все же не хотел отказываться от нее, пока она прямо и ясно не отказалась от него сама.

– Ты, тетка, верно сказала – времени похуже дожидаться не будем, – негромко ответил Беляй. – Что же теперь, всему роду людскому сидеть да гибели ждать? Сейчас самое время жениться – потом-то еще невесть что будет. Может, потом будет поздно. А сейчас надо. Пока живы, жить надо. Так что просим тебя, Вестим, завтра с нами к Хоровиту.

– К Хоровиту! – фыркнула Зарина и покосилась на Громобоя.

Она-то знала, отчего Беляю не везет, но не хотела говорить вслух.

А Громобой и ухом не повел. С приходом гостей он снова опустился на свою сенную лежанку и сейчас то ли дремал, то ли смотрел в потолок. Разговор о Веселине и даже о сватовстве за нее его вроде бы и не касался.

Беляй и Овсень тоже посмотрели на него. Посмотрел на сына и Вестим. Безразличие Громобоя всех успокоило.

– Ну, что ж... – Вестим развел руками. – Раз уж вам так хочется... Помогай нам Макошь и Лада!

У него не лежала душа к этому сватовству, но отказать Овсеню в помощи нельзя. Кончанский староста для посадских жителей то же самое, что глава рода в лесных огнищах – без него не обходится ни одно важное дело.

– Надо поторапливаться! – поспешно заговорил обрадованный Овсень. – А то потом Хоровит ехать соберется, и до Медвежьего дня его не увидим. А без хозяина какая свадьба?

– Да куда уж он поедет? – мрачно буркнула Ракита. – Я бы своего и за ворота не пустила по такому-то времени!

Когда гости ушли, в избе стало тихо. Вестим молчал, постукивая пальцами по столу, Ракита время от времени бормотала что-то неодобрительное. А Зарина, наоборот, повеселела и в мыслях уже примеривалась, как бы завтра понезаметней ускользнуть вслед за мужчинами и побежать следом, потолкаться с народом под воротами купца. Уж как ни таись от дурного глаза, а о сватовстве мигом узнает вся улица. Думая об этом, Зарина прятала улыбку и игриво вертела в пальцах кончик своей косы. Мысль о чьей-нибудь свадьбе всегда радует девиц, какие бы страшные волки ни выли по ночам вдалеке.

* * *

Следующее утро выдалось чуть яснее, и Чистец увел всех мальчишек, кроме самых младших, к Ветляне кататься с гор. В избе Хоровита горели лучины в двух светцах: один – у стола, где хозяин с товарищем Нахмурой, тоже купцом, толковали зачем-то о числе волокуш – хватит, не хватит? – и в самом дальнем углу, возле скамьи с прялками, где сидела Веселина. Сегодня она приободрилась и с новым нетерпением выслушивала шаги и голоса во дворе. Если сегодня «медведь» все-таки придет, она уж непременно уприсит мать и пойдет со всеми! Когда же погулять, как не в праздники!

Уж как ягодка красна,
Земляничка красна!

– напевала она себе под нос, словно приманивала к себе веселое гулянье и подмигивала холопу, сидевшему за жерновами. Вращая каменный круг, парень улыбался ей в ответ. Приятно было посмотреть на девушку, которая даже среди мрачной зимы хранит в себе кусочек весеннего света.

Отчего она красна?
Во сыром бору росла...

Но уж в чем, а в способности предвидеть будущее боги Веселине отказали. Заслышав наконец в сенях шаги, она радостно вскочила с места и уже готова была бежать к дверям, но тут через порог вместо ожидаемого Громобоя шагнул его отец, и Веселина в растерянности села обратно, прямо на свое брошенное шитье. Следом за Вестимом показался кузнец Овсень, а потом Беляй.

Завидев Беляя, Веселина даже скривилась от досады. Сейчас ей хотелось видеть его еще меньше, чем во всякое другое время: его молчаливо обожающие глаза вытягивали тепло ее души, и потому он казался страшным, как сам Зимний Зверь. Только маленький.

Чего ему опять надо? И Овсень, и Вестим... И вдруг Веселину осенило такое нехорошее подозрение, что она вскочила с лавки и, даже не здороваясь с гостями, скользнула за занавеску, которая закрывала от двери их с Волошкой лежанку. И решила не показываться, пока не позвуют.

– Дому мира и богатства, хозяевам здоровья и довольства! – Вестим, вошедший первым, поклонился сразу в несколько сторон.

В потемках он плохо видел и не сразу разобрал, кто где.

– Заходите, будьте гостями! – удивленно, но приветливо отозвалась Любезна и мигнула Волошке подать гостям веничек – обмести снег с одежды.

– Чего это вы разоделись-то как? – не сообразив, удивился дед, с ног до головы осматривая гостей. – Прямо купцами глядите!

Отец и сын были наряжены в покрытые цветным сукном полушубки, с нарядными поясами, в шапки с шелковым верхом.

– Да у нас как-то... дело торговое! – Овсень смущенно хмыкнул.

– Мы к вам, купцам, с торговым делом! – начал Вестим, которому обряд сватовства был уже довольно привычен.

Усевшись к столу, он, однако, не притрагивался к пирогу и сметане, которые торопливо выложили Любезна и Волошка. Его озабоченность, которую он напрасно пытался скрыть за бодростью, его смущенно-торжественный вид ясно сказали Хоровиту, что кузнецы пришли не предлагать ему серпы и топоры.

– Мы к вам пришли торговать не рожь, не пшеницу, не лисицу, не куницу, а красную девицу. Вот кузнец Овсень, а вот сын его Беляй. – Вестим по очереди оглянулся к тому и другому, сидевшим по бокам от него. – Хотят сторговать твою дочь Веселину. Давай, подумай, как бы нам дело сделать в чести да в радости. Отдашь ли нам девицу, много ли за нее просишь?

Хоровит не сразу нашелся с ответом. Сватовство кузнецов не явилось для него полной неожиданностью, но сейчас его мысли были слишком далеки от чего-то подобного. Обычно разговорчивый, он растерянно молчал. Он знал, конечно, что Овсенев сын Беляй с радостью взял бы за себя Веселину, но знал и то, что Веселину его сватовство не обрадует. Вот если бы Вестим привел с собой не Беляя, а Громобоя...

В поисках помощи Хоровит оглянулся на жену. Любезна выглядела недовольной: она заметила поспешное бегство Веселины и достаточно хорошо знала свою дочь, чтобы не приписывать это радостному смущению.

– За честь спасибо, да уж больно время нехорошее! – прохладно ответила Любезна, напрасно стараясь казаться учтивой и радушной.

И она не кривила душой: независимо от того, хорош ли жених, время разгула зимних чудовищ не казалось ей подходящим для сватовства.

– Время теперь не молоком и медом течет, да как бы не было хуже! – заметил Вестим. В душе он был согласен с хозяйкой, но обязанность свата требовала настаивать. – Надобно жить, пока живется, да на богов надеяться. Наша судьба что дорога в лесу – крива, колдобиста, да до дому доведет. А жених у нас хороший, роду честного, достаточного, собой хорош, нравом ровен. И дочка ваша ему полюбилась – не обидит.

– Челядь есть, работой молодую не уморим, – подал голос Овсень. – Сын старший...

– А что, люди хорошие! – подал голос Нахмура. – Может, и сам еще парень в купцы выйдет!

– Отчего же не выйти? – Видя, что дело поворачивается неплохо, Вестим ободрился, перевел дух и стал держаться поживее. – Парень умный, толковый.

– Да что-то моя девка... – Хоровит неуверенно оглянулся в сторону занавески. – Веселина! Выйди-ка к нам!

Непривычно хмурая Веселина выбралась из-за занавески и встала, теребя кончик косы. На Беляя она подчеркнуто не смотрела. Сидя за занавеской, она, конечно, слышала все до последнего слова. Родичи не станут ее неволить, если к жениху не лежит сердце, но от самой мысли, что Беляй пришел свататься, ей делалось почти так же страшно, как вчера, когда санки несли ее прямо к белым клыкам Зимнего Зверя. Будто и здесь ей грозит черная пропасть, готовая поглотить... Веселина сама удивлялась своему страху. Никогда раньше она не мечтала о замужестве, но не предполагала, что возможность его повергнет ее в такой ужас. В этом тоже был виноват Зимний Зверь и та неясная тревога, что темной тучей висела над крышами. Ведь когда Байан-А-Тан звал ее к себе в терем, намекая, что «княгиней будешь», она только смеялась в ответ, но ничуть не боялась. А теперь... будто утопить грозят... Как будто согласись она, надломленная ось мира сломается окончательно и рухнет... Да чего вроде бы такого? Все замуж идут, каждой когда-нибудь придется... Но то, что для «всех» было обычным, Веселина не могла и не хотела применять к себе. И то, что Беляй так сильно не нравился ей, сейчас облегчало дело. Веселина не имела привычки задумываться над собственными чувствами и побуждениями, но сейчас явственно ощущала, что ее страх порожден не только неприязнью к Беляю. Что-то здесь не то...

Но сейчас не время было раздумывать над всем этим. В своем ответе Веселина не сомневалась, и дать его надо было как можно скорее. Чтобы они побыстрее ушли и оставили ее в покое...

– Ну, дочка, ты-то что нам скажешь? – окликнула ее Любезна.

Веселина открыла было рот, но закрыла снова. Не поднимая глаз и стараясь даже мельком не глянуть в сторону Беляя, она подошла к печке и села прямо на пол возле нее.

Это был ответ, переспрашивать не требовалось. Если невеста садится к столу – высматривает дорогу из дома. А если к печке – держится за чуров и дом покидать не хочет. Сваты и хозяева медлили взглянуть друг на друга.

– Недоброе время для сватовства! – прервала молчание Любезна. – И рад бы на мед, да пчелы жалят! Надо бы повременить. Волхвов порасспросить. В недобрый час дело начать – добра не видать.

– Может, не судьба... – вздохнул Овсень.

Веселина сидела у печки, спиной к гостям, и ждала, когда они уйдут.

– Ничего, – сказал Беляй, и даже звук его голоса причинял Веселине настоящее мучение. – Я обиды не держу.

Вот наказание! Веселина видела в этом только обещание и впредь мучить ее молчаливым обожанием и не могла даже пожалеть его. Что же это за человек, если он и обидеться толком не может!

* * *

Неудачное сватовство Овсенева сына Беляя за Хоровитову дочь Веселину было последней попыткой прямичевцев отмечать новогодние праздники весельем. В оставшиеся несколько дней на посадских улочках было тихо. Небо оставалось пасмурным, день и ночь шел снег, так что каждое утро хозяева начинали с того, что расчищали засыпанный за ночь двор. Снега набиралось по колено, кое-где оказывалось засыпанным и крыльцо; если бы не мудрость дедов, догадавшихся именно на такой случай делать дверь из сеней во двор открывающейся вовнутрь, то из домов было бы невозможно выйти. Мужчины и парни разгребали снег от крыльца к воротам, потом тропку вдоль своих ворот, и в то же время им на головы падали новые хлопья снега, на глазах уничтожая только что сделанную работу. От снега казалось трудно дышать, словно

сам воздух в нем путался. Серая тьма висела над Прямичевым в полдень, быстро переходя в сумерки. И сумеркам не предвиделось конца. В прошлом году в это время уже было заметно небольшое прибавление дня, а теперь из-за снегопадов ни прибавленья, ни хотя бы самого дня различить не удавалось.

– Снег – к урожаю! – утешали старики. – А облака – значит, молока будет много!

Но благоприятные приметы радовали мало. И каждый уже с нетерпением ждал, когда же закончатся долгие праздники, когда колесо нового года, перевалив самую трудную пору, закрутится быстрее и покатится к весне.

Последнюю ночь новогодних праздников Веселине предстояло провести в Велесовом святилище: весной в Лелин день ее выбрали «играть Лелю», и потому она как самая красивая девушка города в Велесов день должна была исполнять обряд вождения коровы. Когда вечером все семейство собиралось на покой, Веселина принялась одеваться. Хоровит с Милехой хотели ее проводить, но она отказалась: при мысли о святилище она испытывала трепет, и ей хотелось расстаться со всем домашним как можно скорее.

– Не ходи одна! – сердилась Любезна. – Сама ведь знаешь...

Зимний Зверь продолжал выть каждый вечер, но теперь уже никто в Прямичеве не смел называть его имя.

– Если встретится, отец не поможет, только сам даром пропадет, – без обычного веселья ответила ей дочь. – Я уж сама... Если судьба, так от нее не спрячешься. Да ничего! – Видя вытянутые лица родичей, она постаралась улыбнуться и махнула рукой. – В таком снегу и он не разглядит ничего.

Веселина улыбалась по привычке, но на самом деле ей было неуютно. Весь Прямичев с ужасом прислушивался к ночному завыванию Зимнего Зверя, а Веселина втайне была убеждена, что сын Зимерзлы приходил именно за ней. Как в кошунах: двенадцатиголовый змей требует дань – самую красивую девушку. А кто в Прямичеве самая красивая? Ну вот... Выйти одной в зимний вечер, идти по пустым улицам и ждать, что из разрыва серых туч вдруг выскочит жуткий зверь, было страшно, но непонятная сила тянула Веселину туда, в снега, под слепое неподвижное небо. Если Зимний Зверь – ее судьба, то она сама должна его встретить... Родичи здесь ни при чем. И в то же время в ее беспокойстве не было страха смерти: та же сила, что тянула ее из дома, охраняла Веселину. Это боги зовут ее... Это Велес, которому посвящены последние дни и последние обряды новогодних праздников.

И никто больше не настаивал на том, чтобы ее провожать. Даже Любезна молчала: в лице Веселины ей вдруг померещилось что-то особенное. Немногие последние дни переменяли ее: прежняя беспечность не так чтобы совсем ушла, но затаилась, уступила место новому чувству, как будто Веселина вдруг более пристально взглянула в мир, в котором прожила семнадцать лет, и теперь старается в него вникнуть. Во взгляде ее появились любопытство и удивление, словно через ее глаза в белый свет смотрит новое, чистое существо, впервые в него попавшее. Веселина выглядела спокойной, деловито собиралась, складывала в короб нарядную вышитую сорочку и вздевалку с отделкой красным шелком, чтобы надеть завтра; руки ее делали свое дело, а во взгляде была тихая растерянность, будто она не совсем понимает, где она. Было время, когда Любезна обрадовалась бы спокойной собранности своей резвой и легкомысленной дочери, но сейчас мать наблюдала за Веселиной почти со страхом. Ее как будто подменили. И в том был еще один грозный признак того непонятного и угрожающего, что ощущали по своему все.

– Велес уберезет, – шепнул жене Хоровит. – К нему же она идет...

Любезна промолчала. У нее было чувство, что дочь ее уходит не в святилище на другом краю улицы, где проведет всего лишь вечер и ночь, а прямо в Велесово подземелье на всю долгую зиму, как сама богиня Леля. Ну уж ее совсем, эту честь!

Волошка укачивала Досташку, сонным голосом тянула песню, с которой ее саму укачивала когда-то Веселина, будто нанизывала красивые крупные бусины одну за другой на длинную нитку:

Баю-бай, Досташенька, дитятко,
У нас у Досташеньки по локоть руки в золоте,
У нас у Досташеньки по колен ноги в серебре,
Во лбу солнце, в затылке месяц...
Ой ты будешь, девица, красотой красна,
Красотой красна и ростом высока,
Да лицо-то будет как и белый снег,
Да и щеки будут точно маков цвет,
Очи ясные, как у сокола,
Брови черные, как два соболя,
Как по улице пойдешь,
Ровно лебедь поплывешь...

Веселина слушала, опустив на колени платок и забыв о нем. Хорошо знакомая песня увела ее куда-то далеко: этой песней звал ее к себе светлый Надвечный мир, где обитают боги. Он всегда зовет к себе тех, кто может его услышать... Так поют издавна, это – только песня, но ведь где-то и в самом деле есть эта красота: белая, как снег, румяная, как алый цвет зари, с солнцем во лбу и с месяцем на затылке... Богиня Леля, Весна-Красна, живое воплощение всей красоты и юности мира... Сейчас она далеко, в Велесовом подземелье, и чтобы вызволить ее оттуда, сам Перун однажды возьмется за свои огненные стрелы-молнии и в битве грозы разобьет и прогонит темного Велеса... Но богу надо помогать. И ей, Веселине, сейчас надо встать и идти, чтобы Перун одолел Велеса в новой Битве Богов, чтобы расступились Ледяные горы, чтобы вышла в мир Леля-Весна... И где пройдет она, там тает снег и расцветают цветы, куда глянет – там поют птицы, и от рук ее исходит свет, озаряющий небо и землю...

Перечень будущих достоинств красавицы помалу перешел в невнятное бормотание: было похоже, что сама Волошка заснет раньше младшей сестры. Веселина опомнилась, оглядела привычную избу, и та, как увиденная впервые, показалась такой красивой и уютной, что ей стало жаль уходить. Но она только вздохнула и взяла короб. Пора.

Выбравшись со двора, Веселина быстро пошла вниз по улице к берегу Ветляны, к святилицу. Когда она вышла, ей показалось, что снег перестал, но потом она заметила, что он идет, но совсем мелкий, как невесомая пыль. Он был почти невидим, но так густ, что лицо постоянно холодили невидимые иголки. И когда он насыплет сугробы и толстым одеялом покроет все дневные следы, только удивишься: откуда взялся? Вместо широких посадских улиц теперь виднелись узенькие тропинки между сугробами, но и на этих тропинках цепочки следов уже были наполовину засыпаны. Идти было трудно, и Веселина скоро запыхалась. Путь к Велесову святилищу, который летом был коротким, теперь представлялся утомительно длинным.

А вокруг была тьма, густая, как глубокая вода. Темные, молчаливые избы дремали за тынами, ветер развеял запах дыма. Прямичев затаился и засыпал, постепенно погружаясь все глубже в последнюю ночь, когда с Явью соприкасается Навь. Было совершенно тихо, ворота не скрипели, собаки не подавали голоса. Многолюдный город казался вымершим, и Веселине было страшно ощущать себя последней искрой живого тепла, что еще смеет шевелиться среди застывшего безмолвия зимней ночи. Когда-то Сварог забросил в Бездну искры огня, из которых возник белый свет, – и как же, должно быть, страшно им было! Где-то за пеленой облаков катилась луна, но не могла найти ни единой дырочки, чтобы бросить на землю хотя бы луч.

В рассеянном свете белесых облаков снег отливало синевато-серым и слегка поскрипывало под ногами, так что хотелось обернуться и посмотреть, не идет ли кто следом.

Веселина шла как могла быстро, уже чувствуя, что ей не хватает дыхания, с трудом вытаскивая ноги из пушистого, но вязкого снега. Она не могла отделаться от чувства, что ее провожает бессмысленно-голодный взгляд. Спящий город, полный людей, был словно в другом мире, отделенном от нее прозрачной, но непроницаемой стеной, она была одна здесь, наедине с зимой и ее темными чудовищами. Хорошо знакомые улочки казались чужими, и Веселина шарила взглядом по тынам, как по деревьям в лесу, заблудившись. Она знала эти места и не узнавала их; город стал собственным призраком и зажил по другим законам. Казалось, она вот так и будет вечно идти во тьме по сугробам и никогда никуда не придет. Хотелось крикнуть, но было страшно подать голос. Веселина жалела, что пошла в святилище, и в то же время помнила, что иначе нельзя. Ведь утро проходит через ночь, а весна через зиму. Другого пути нет – но как страшно весне на этом пути!

Когда за углом тына показалась рослая фигура, Веселина ахнула, шагнула назад, наткнулась на сугроб и села на снег. Прямо на нее шел дивный великан – ночной жуткий морок, что душит спящих, огромный, темный, без лица. И он был на этих пустых заснеженных улицах гораздо более к месту, чем она. Теперь его время...

– Э, ты чего? – окликнул ее великан знакомым грубоватым голосом. – Утомилась? Да ты встань, а то того... Застудишься, никто замуж не возьмет.

Не дождавшись ответа, он подошел и легко поднял Веселину на ноги. Она вцепилась обеими руками в его руку и не выпускала: от облегчения ей было трудно стоять.

– Чего это тебя занесло в такую пору да одну? – небрежно полюбопытствовал «великан». – То на гулянье клещами не вытянешь, а то вдруг...

– Громобой! – выдохнула наконец Веселина. После затмения и ссоры они еще не виделись, и теперь она была и рада ему, и обижена на него. – Это ты, рыжий медведь! А я уж думала...

– А ты еще и думаешь иногда? – насмешливо осведомился Громобой. – Что-то по тебе не видно!

– Ты про Беляя? – Веселина не стала делать вид, что не поняла. – Это он не видно, чтобы думал. Моя мать говорит: какая теперь свадьба?

– А ты, значит, матери послушалась? – Громобой явно ей не поверил.

– Нет! – храбро и даже с вызовом ответила Веселина. – Мне, может быть, кто-то другой нравится.

Она не стала продолжать, и Громобой ничего не сказал.

– А ты-то откуда идешь? – снова заговорила Веселина. – Вроде для гулянья-то поздно.

– Какое гулянье? – Громобой показал ей топор, который держал в другой руке. – Вот, отец послал...

– Уж не на Зверя ли собрался? – Веселина усмехнулась и тут же закрыла рот рукавицей: называть Зверя по имени нельзя! – Давно пора! Кому, кроме тебя – ты же сын Перуна! Вот нам дед недавно кощуну рассказывал...

– Ты куда идешь-то? – перебил ее Громобой.

– К Велесу.

– Ну так пошли, – Громобой потянул ее из сугроба обратно на тропу. – Нечего тут сидеть, навий дразнить.

– Давно тебе пора! – продолжала Веселина на ходу. Наконец-то она нашла хоть кого-то, с кого можно спросить ответ. – Нам этот морок все праздники поломал, а ты то гуляешь, то спишь целыми днями. Спросил бы у Знея, чем его лучше взять, да и пошел бы...

– А ну его! – Громобой махнул рукой. Он-то совершенно не собирался отвечать за все беспорядки в мироздании. – На всякие драки князь и дружина есть. А тут за год молотом

намахаешься, так хоть бы в праздник поспать. И то не дадут. Что я, холоп вам достался, один за всех пахать?

– Ты сын Перуна или не сын? – не отставала Веселина.

– А я почем знаю? За этим делом, знаешь, не уследишь!

– Нет, сын! – настаивала Веселина, точно Громобой пытался уклониться от своей обязанности. – Вестим рассказывал, и волхвы сказали. Значит, с нечистью воевать – твое дело! А тебе бы только медведем рядиться да тыны чужие заваливать! А пока человек делом не занят, он дитя неразумное, а не человек! Понятно тебе?

– Чего ж тут непонятного?

Несмотря на всю горячность Веселины, в увлечении забывшей страх перед темнотой и Зимним Зверем, Громобой оставался спокоен. Внимательно поглядывая по сторонам, он, похоже, не очень-то ее и слушал. Идти вдвоем по узкой тропинке было невозможно, Громобой пропустил Веселину вперед, но она все время оборачивалась к нему, спотыкалась, садилась на сугробы, так что вскоре стала с ног до головы белой.

– Столько силы тебе дано, а ты с ней что делаешь? – приставала она. – Быка тогда заломал, а пока новый бык подвернется, что будешь делать?

– После праздников приходи к нам в кузню – увидишь.

– Молотком махать и Солома может! Для этого от молнии родиться не надо! Твой отец в небе громами гремит, нечисть бьет, а ты будешь за печкой сидеть тридцать лет и три года! Пока крыша на голову не упадет, и не почешешься! Ты с этим твоим топором не по улицам бродил бы, а пошел бы на гору к Знею, чтобы он тебе его освятил именем Перуна, и...

– Ох, краса ты ненаглядная! – Громобой перебил ее и вздохнул, как будто устал слушать. – Это не жизнь, а кощунство получится. Как княжич Заревик на Змея Горыныча ходил и Солнцеву Деву освобождал. Это мы все слышали, еще пока по малолетству без портков ходили. Пусть твоя малышня с деревянными мечами мечтает, что все так просто – пошел да победил. Сначала понять надо, кого побеждать, чтобы потом хуже не было. Ну убью я, допустим, Зимерзлиного волка, а потом что? Без зимы жить? Всегда осень будет? Или что? Расскажи мне, убогому, раз такая умная.

Веселина молчала. Она вспомнила, что дед Знамо Дело говорил то же самое, и теперь выходило, что умный как раз Громобой, а она не умнее Волошки, которая мечтала, чтобы всегда было тепло. Но Веселина сердилась на эту правоту: так хотелось, чтобы враг нашелся и был побежден одним могучим ударом! Чтобы все опять стало хорошо и спокойно!

– А что-то пока зима кончаться не хочет, – чуть погода негромко сказала Веселина. – Ты видел, старче мудрый, чтобы день хоть на волос прибавился? Теперь что, всегда зима будет? Что случилось?

Это был самый главный вопрос, с которого давным-давно надо было начать. Что случилось? Что сломалось в мироздании, что выгнало из норы Зимнего Зверя?

– А вот ты знаешь людей, кто поумнее меня, у них и спроси. – Громобой показал ей на ворота святилища, до которых они незаметно дошли. – А если по-моему...

– Что? – Веселина, уже шагнув к воротам, быстро вернулась и опять вцепилась в руку Громобоя, чтобы он не передумал и не убежал от ответа.

– То жить надо по-людски, свое дело делать, тогда и в небе все по порядку пойдет. А тебе надо не дурака валять, а замуж идти. Сватается за тебя хороший парень – так и иди, чего тебе еще надо? Не все же по роще в веночке бегать, надо когда-то и детей рожать. А то Звери всех поедят и род человеческий кончится. Ты вот меня все на дело призываешь, а на себя-то погляди! Если все, как ты, об одних плясках будут думать, вот тут волкам самое раздолье придет!

– Уж очень ты умный! – От негодования Веселина не нашла ответа получше. – О чем взялся рассуждать! Да какое твое дело, за кого я замуж хочу, а за кого не хочу! Ты мне не указ! Как мне жить, я сама догадаюсь, тебя не спрошу!

И не ожидая, придумает ли он что-нибудь, Веселина побежала в ворота святилища. Ей было так горько и досадно, что даже горло сжималось, как перед плачем. Все в ней бурлило, и она даже не знала, что разозлило ее больше: отказ Громобоя что-то делать ради изгнания Зимнего Зверя или его равнодушие к ней самой. Чтоб ему провалиться, рыжему медведю!

* * *

Двор Велесова святилища был даже больше княжеского; пустой и занесенный снегом, сейчас он казался огромным, как целое поле. Напротив ворот возвышалась просторная хоромина, по сторонам отходили две длинные пристройки, выгнутые вдоль внутренней стороны тына. В темноте было похоже, что большеголовый великан сидит на земле, обнимая весь двор огромными руками. В пасть великана – в двери хоромины – была расчищена тропинка. На дворе горел большой костер, который поддерживался все двенадцать новогодних дней. Возле огня сидел на охапке дров Моргун – блаженный дурачок, щуплый человечек непонятных лет, с невзрачным лицом и бесцветной бородашкой. Веселина кивнула ему, стараясь успокоиться и забыть о Громобое. Моргун радостно закивал в ответ, щуря глаза.

По пути через двор Веселина замедлила шаг: ей было неловко заходить в обиталище бога такой взбудораженной и сердитой. Тогда она свернула к хлеву, стоявшему позади святилища внутри ограды. Здесь среди прочих жила священная корова, вместе с которой Веселине предстояло завтра обходить улицы Прямичева.

В хлеву было темно, тепло и пахло навозом. Здесь стояло несколько коров, в основном черных с белыми пятнами, а в самом дальнем углу помещалась еще одна, крупная, совсем черная, с единственной белой отметиной на лбу, – Мать-Туча. Молоко ее считалось целебным, а рога у Матери-Тучи были развешаны на кольях тына, охраняя богатство и благополучие города.

Веселина бывала здесь нередко и ошупью пробралась к Матери-Туче. Корова лежала на соломенной подстилке и изредка вздыхала, помыкивала вполголоса, словно жаловалась на скуку. Черная, с раздутым, как мешок, огромным брюхом, она и в самом деле напоминала тучу.

– Здорова ли, матушка? – негромко приговаривала Веселина, присев возле ее головы и почесывая корове лоб. Рога у Матери-Тучи росли не как у всех, а были изогнуты лесенкой. – Застоялась ты здесь, заскучала. Завтра выведем тебя погулять.

Сунув корове печенье-коровку, захваченное из дома, Веселина поднялась и пошла наружу. После хлева на дворе было свежо, и теперь Веселина чувствовала себя свободной от страха и досады. Теперь можно идти.

Просторная хоромина сейчас была пуста, только перед идолом Велеса, перед черным камнем-жертвенником, поблескивал лепестками пламени небольшой костерок. Он освещал только подножие идола, обвитое вырезанным из дерева змеем, а верхняя половина с рога-той головой была совсем не видна. Бегло глянув вверх, в темноту, Веселина робко поклонилась. Перед мудрым богом, хозяином всех земных и подземных богатств, она чувствовала себя маленькой и глупой. Казалось, он знает про нее все, даже про ее ссору с Громобоем. И Веселина устыдилась: если взглянуть на дело сверху, как смотрят боги, то Громобой во многом прав... Хотя кто ему дал право ее учить? Если он сын Перуна, то это еще не повод...

Веселина просительно посмотрела вверх, но тут же отвела глаза. Смертоносный взгляд Подземного Пастуха прикрыт железными веками, но все же и на них лучше не смотреть. Не могут боги такого желать, чтобы она сама себя силой выдавала замуж! Если цветку не время цвести, то не надо отгибать ему лепесточки! Веселина всей душой верила, что мудрый Пастух

Подземных Стад знает какой-нибудь другой способ помочь мировому порядку. Ведь на нем, на его могучих выносливых плечах, этот порядок стоит.

И ей становилось спокойнее, словно покой, как тихая вода, струился оттуда, сверху, от невидимого лица темного бога. Велес – не Перун, пылкий и бурный, что летом громыкает громами и сверкает молниями, а на зиму укладывается спать в темную тучу и даже не видит, что творится на оберегаемой им земле. Велес – мудрый и спокойный бог. Его еще зовут Неспящим, потому что он с неизменным упорством делает свое дело – зимой и летом, днем и ночью. Он – корень мира, в нем собирается вся память предков, всех живших на земле людей. Он сам – как общий дед, все понимающий и способный дать мудрый совет. Веселина постояла с закрытыми глазами, стараясь услышать хоть что-нибудь. Но было тихо, и лишь спокойная, отрадная умиротворенность согревала ее душу. Сам этот храм был как подземелье, полное покоя, куда не достают ни ветры, ни громы, ни тревоги, где уставшая богиня может отдохнуть и набраться сил для новой весны...

Вдруг она заметила, что перед маленьким костерком сидит кто-то высокий, бородатый, и вздрогнула – сам Велес вышел из темных теней на ее мысленный зов! И тут же от сердца отлегло: Веселина узнала Щекату, волхва-кошунника.

– Напугал ты меня, батюшка! – ахнула Веселина, потом запоздало поклонилась. – Добрый вечер!

Щеката, высокий и худой человек лет пятидесяти, с длинной бородой песочного цвета, где мелькали нити седины, носил длинную, косматую, мехом наружу, медвежью шубу, а в руках держал высокий резной посох с медвежьей головой на конце. Когда-то в детстве Веселина думала, что это и есть сам Велес, и до сих пор представляла Подземного Пастуха таким же, как Щеката, только еще выше ростом, суровее и грознее. Сам же Щеката был добрым человеком, и к нему часто обращались, когда требовалось дать совет или примирить спорщиков.

Волхв молча кивнул ей. Веселина помедлила, но все же решилась заговорить: наконец-то перед ней был тот, кто может ей ответить.

– Может, ты мне расскажешь, батюшка, что же такое делается? Почему вдруг Зимний Зверь с облаков сошел и на людей стал кидаться? Люди говорят, что старый князь Молнеслав их разгневал, когда брата убил. Но это ведь когда было! Сто лет назад! Если он виноват, почему боги нас только теперь наказывают, когда сам князь Молнеслав уже лет пятнадцать как умер? Или здесь другое что-то? И почему столько снега? Почему не видно, чтобы день прибавился? Разве так бывало?

Щеката все молчал, лишь смотрел в огонь и пошевеливал в пламени тонкой веточкой. Конечно, Веселина знала, что не ее ума дело разбирать князей и богов. Но вокруг было тихо, как будто она сидит в самом сердце мира и мир прислушивается к ней; сам темный воздух храма был пронизан мудростью его подземного хозяина, и она верила: если Щеката что-то знает, теперь он ей скажет.

– Думается мне, что корень всех бед наших не здесь, – наконец сказал он. – И Зней знает, да молчит. А что молчать? Никого еще неведение не спасало. Я ему и говорил: чем раньше люди узнают, тем раньше думать начнут, как из беды выбираться. А корень-то не здесь...

– А где? – тревожно спросила Веселина, не совсем поняв, о чем он говорит.

Щеката опять помолчал.

– Знаю я одно, – сказал он чуть погодя. – Все, что в земном мире происходит, на Надвечном отражается. И наоборот. Что с людьми, то и с богами, что с богами, то и с людьми. Может быть, корень-то беды на небе, а стебелек у нас пророс.

– Как же это узнать? – прошептала Веселина.

Простые слова кошунника так потрясли ее, что она растерялась и как-то разом ослабела. Любая беда не так страшна, если надеешься на помощь богов. Но если сами боги в беде и ждут помощи... От кого? Как им помочь? Что могут сделать для них люди? И какая опасность может

грозить богам? Веселине уже представлялась черная пропасть, и из этой пропасти веяло мертвящим холодом. Туманная, непонятная беда, пугавшая зимними чудовищами и глядевшая ей в лицо глазами тьмы, выростала до огромных, вселенских размеров.

– Вот завтра будет Веверица в воду глядеть – может, и высмотрит чего. – Щеката кивнул в темную глубину хоромины.

– А я еще что подумала, – опять начала Веселина, и против воли говорила чуть слышно, будто боялась звуком голоса привлечь ту черную пропасть. – Я все думаю: ведь Громобой – сын Перуна. Может быть, он может чем-то помочь. Ведь Перун нечисть одолевает... Ему столько силы дано... Если что-то такое... – Она запнулась, не зная, какое название дать тому вселенскому страху. – Он что-то может сделать...

Она опять запнулась, потому что желать и требовать гибели зимних духов ей самой уже казалось глупым. А рядом с той пропастью, что ей мерещилась, и сам Громобой казался маленьким и слабым. Если сам Перун слаб, чтобы бороться с этой бедой, то что может Громобой, при всей его силе – просто человек?

– Громобой! – Щеката тяжело вздохнул, словно это имя уже стоило ему множества нелегких раздумий. – Сила-то в нем по жилочкам переливается, а к ней еще ум нужен. Чтоб подсказал, куда силу девать. А когда ум молчит, а сила наружу рвется, то много бед она натворит. Сила без ума – что бешеный бык. И себе не хорошо, и всем вокруг плохо. Да всегда так и бывает. Вот когда наоборот – об этом хоть кошуну складывай.

– Что ты там вещаешь, вещун? – поскрипел из-за идола недовольный старушечий голос.

Веселина подняла глаза: из-за Велеса, как из-за огромного дерева, показалась Веверица – ведунья, жившая в святилище столько, сколько Веселина себя помнила. Сейчас это была крошечная, высохшая старушка, при взгляде на которую делалось тревожно – упадет да и переломится. Но маленькое морщинистое личико ее дышало упрямством, острый нос охотно совался во все щели, быстрые глаза, выцветшие почти до прозрачности тающей льдинки, замечали любую мелочь. Несколько прядок тонких, белых, как болотный пух, волос висело из-под темного повоя. Вид у старухи был угрюмый, недовольный и вместе с тем усталый.

– Что случилось да что приключилось! – язвительно дразнила она, вспоминая вопросы, которые так часто задавали ей в последние дни. – Катится солнышко на самое доньшко, а пока до дна не донырнет, и наверх ему нет пути! Не дошли мы еще до дна до самого. Терпи! – строго велела она Веселине, будто той было предназначено какое-то особое испытание.

Веселина поежилась: ей было страшно смотреть на Веверицу. В ее морщинистом лице было что-то нечеловеческое, отстраненное, даже диковатое, как у Лесной Бабы, что съедает детей и девушек. В ней говорила та злая и непонятная судьба, которую Веселина пыталась себе объяснить. Катится солнышко... Белый свет катится вниз и до дна еще не достал... А так хотелось, чтобы самое плохое уже было позади, чтобы впереди виднелась ясная дорога вверх, чтобы светила надежда... Так бы и полетела сейчас к этой надежде, откуда бы силы взялись! «Терпи...» А Веселина уже не могла терпеть, все ее жизнерадостное существо изнывало и томилось жаждой света, воли, уже искало в небе ту молнию, что разобьет оковы зимы... И Веселина отвела глаза, будто пряча от Веверицы свои несвоевременные порывы к весне.

– Что-то ты, мать, сердита сегодня! – отметил и Щеката. – Не ко времени бранишься. Завтра – большой день. И тебе надо веселой быть, чтобы весь год был веселый.

– Веселый! – повторила старуха. – Какое тут веселье, когда сердце не на месте. Будто побили меня...

Зиму назад она тоже ощущала себя побитой – тогда была война и князь Держимир водил войско в поход.

– Ты чашу-то глядела? – спросил Щеката. – Не почернела?

Священная гадательная чаша, вылепленная по образцу Макошиной небесной Чаши Годового Круга, хранилась под замком и вынималась только раз в году – в зимний Велесов день.

Если ее глиняные бока оказывались почерневшими, это служило дурным знаком. В ту зиму перед войной она тоже оказалась черной.

По бокам идола стояло два ларя, окованных серебряными полосами и поднятых на высокие резные подставки. В одном хранились Щекатины гусли, а в другом – гадательная чаша. Горбясь больше обычного, Веверица подошла к своему ларю и стала дрожащей рукой всовывать железный ключ в прорезь бронзового замка. Веселина не удивилась, что ведунья не ждет до завтра: должно быть, даже ее сердце, твердое, как обожженная глина, больше не могло выдержать гнетущей тревоги. Ведунья привыкла жить у подножия идола; у нее не было никаких собственных забот, вся она была как бы одним ухом, чутко ловящим голоса земли и подземелья, пристальным глазом, находящим предвестья в полете облаков. Она видела и слышала гораздо больше, чем юная беспечная девушка, занятая простыми житейскими делами.

Веселина смотрела, как Веверица возится с замком, и при взгляде на ведунью у нее тревожно и больно сжималось сердце. Весь мир для нее уместился в этот темный храм, где были только они трое: она, Щеката и Веверица. Эта старая сгорбленная женщина казалась ей одной из последних опор мироздания – что будет, если она не выдержит?

Наконец Веверица попала ключом в прорезь и нажала. Раздался легкий скрип, один из двух бронзовых туесков замка опустился, освободив дужку. Старуха вынула замок из петель и положила на пол.

– Давай огня, – бормотнула она Веселине.

Веселина отошла к костру перед идолом, вытащила из связки лучину, зажгла ее и поднялась с колен. Позади нее вдруг охнула Веверица; голос ее показался странным, словно старухе на шею набросили петлю. Вздвогнув от неожиданности, Веселина обернулась: Веверица стояла над откинутой крышкой ларя, подняв руки, как в сильном испуге. Взгляд ее, устремленный внутрь ларя, застыл, как замороженный.

В груди у Веселины что-то оборвалось. Поспешно подойдя, она подняла лучину и заглянула в ларь. И чуть не выронила лучину из задрожавших пальцев. Широкая глиняная чаша лежала на дне ларя разбитая, так что каждый из знаков двенадцати месяцев оказался на отдельном осколке, а дно осталось, похожее на глиняную чашку с неровно обломанными краями.

Не веря своим глазам, Веселина отшатнулась, зажмурилась; во тьме плавали размытые огненные пятна. Переждав, пока они погаснут, Веселина осторожно открыла глаза, снова подняла повыше руку с лучиной. В это невозможно было поверить, даже стоя над осколками, но страшное зрелище не исчезало: священная чаша была разбита.

– Да как же... Да что же... – потрясенно и бессмысленно прошептала Веселина. – Заперто же было...

Щеката, подошедший вслед за ней, тоже смотрел в ларь и молчал. Все трое понимали: люди здесь ни при чем. Никакой озорник сюда не доберется, и не бронзовый замок охранял священную чашу. Ее разрушило мертвящее дыхание той самой Бездны, которая дала волю Зимнему Зверю. И это тоже был знак. Веселина смотрела на глиняные осколки, и на нее все тяжелее наваливалось ожидание, что сейчас сам небесный свод вот так же расколется прямо у нее над головой.

Веверица тяжело опустилась на скамеечку. Не окажись скамейки позади нее, она могла бы сесть и на пол. Лицо старухи было таким бледным и мертвенно спокойным, словно у нее остановилось сердце. И Веселина подумала, что ведунья, служившая священной чаше, с ее гибелью тоже должна умереть.

– Что с тобой, бабушка? – умоляюще воскликнула Веселина, словно просила старуху взять себя в руки и не лишать ее надежды. – Не надо, еще обойдется... – как неразумного ребенка, принялась она утешать старуху, не прислушиваясь к своим словам, и тронула Веверицу за плечо.

– Ох, Вела матушка! – наконец выдохнула Веверица. Но лицо ее оставалось таким же неподвижным, а взгляд не отрывался от стенки ларя. – Сколько лет живу, а такого не видала. Я думала, мало ли чем не угодили... Кто же думал, что всему свету конец...

– Какой конец? – в бессознательном несогласии воскликнула Веселина. – Не говори так.

– Да что же говорить? – уныло и безнадежно отозвалась Веверица. – Я свое пожила, а вот тебе, голубка моя, поседеть, видно, не придется.

– Но как это могло быть? – наконец спросила Веселина.

Старуха оторвала взгляд от ларя и подняла на нее глаза. Но взгляд ее оставался пустым, как у рыбы, и у Веселины похолодело в груди. Весь облик старухи был полон такой безнадежности, что Веселина не могла собрать в себе сил, чтобы надеяться. Лучше бы ведунья причитала, бранилась, грозила клюкой небу и земле; это спокойствие говорило о том, что теперь все бесполезно.

– Не знаю, – тяжело, по-старушечьи вздохнула Веверица. – Чего мы там раньше знали, то теперь не пригодится. Мудрость наша теперь без надобности, теперь сила нужна... Да где ее взять?

Никогда раньше она не вздыхала так. Ее маленькое тело, как железное, не знало усталости. А теперь она вдруг показалась такой же утомленной, больной и слабой, как все старухи. Ее знание бесполезно... Веселина прижала руки к груди, словно хотела проверить, не убавилось ли чего-нибудь в ней самой.

– Так и выходит, как я тебе говорил, – негромко сказал у нее за спиной Щеката. – Раз чаша разбилась – значит, корень нашей беды у богов. Да только без чаши нам туда не заглянуть. Закрылось наше окошко.

– А без чаши нельзя? – с детской верой во всемогущество волхвов спросила Веселина.

Ум ее отказывался принять бессилие этих мудрых людей. Но Щеката покачал головой, Веверица никак не ответила.

Некоторое время в святилище было тихо: молчали люди, молчал идол Велеса, и маленький огонек перед идолом казался единственным здесь живым существом.

– Нельзя корову завтра водить, – шепнула Веверица, и Веселина не столько услышала, сколько угадала смысл ее бессильного, чуть слышного шепота. – Нельзя... Нет больше нашего счастья...

– Как – нельзя? – возразила Веселина. Ей было страшно так, что казалось, темный свод святилища вот-вот обрушится на нее, но все ее существо упрямо противилось страху и безнадежности. – Нет, нет! – крикнула она, не замечая, что спорит с ведуньей. – Нет! Ведь ты, батюшка, – она требовательно повернулась к Щекате, – сам говорил, что все, что на земле делается, на небе отражается. Надо жить, надо все обряды исполнять, надо жизнь налаживать, тогда она наладится! Надо водить корову, обязательно водить, и песни петь, и жертвы приносить, и нечисть гнать, и верить, что все будет, что все устроится! А если сесть и над обломками заплакать – и то потеряем, что осталось! Надо жить!

Веселина говорила быстро, горячо, захлебываясь словами и сама не зная, откуда их берет. Она плохо понимала себя, но откуда-то в ней было убеждение, что каждое слово – правда. Слезы небывалого волнения сжимали ей горло, мешали говорить и сверкали в глазах, но она все говорила и говорила. Изумленные лица Веверицы и Щекаты придавали ей сил: они были не возмущены, а потрясены, и на их старых усталых лицах появился какой-то отсвет, точно она светила и освещала их.

Но Веселину это не удивляло: все в ней вдруг стало другим, она сама стала другой – внутри себя она ощущала яркий, согревающий, чистый свет. Он плескался в ней, как вода в ключе, он искал выхода наружу. И она видала перед собой что-то небывало прекрасное: темная хоромина исчезла, даже пол под ногами растаял, но и не был нужен. Она парила в потоках густого плотного ветра, стремительного и радостного, что в солнечный весенний день носится

по просыпающемуся березняку и колышет тонкие ветви с набухшими почками. Она дышала запахом тающего снега и мокрой земли; все ее существо наполнилось восторгом освобождения от зимнего плена. Та надежда, о которой она так мечтала, засияла перед ней, распахнула ворота к радости, дала золотые крылья, и Веселина летела навстречу воле и свету. Зимняя тьма больше не имела над ней власти, она покинула страх и слабость, как птенец покидает скорлупу. Все в ней было обращено в будущее, где-то в вышине над головой погромыхивал далекий гром. И он так радовал ее, что она бежала ему навстречу – прямо вверх, прямо в небо, и ноги ее были легки, как сам ветер... Ее несло неуклонное движение от темноты к свету, от холода к теплу, движение, которое нельзя ни задержать, ни остановить, потому что оно – часть годового круга, судьба мира.

– Проснись, Перун, восстань из тучи темной, разлей силу твою по облаку, раскати гром гремучий по небеси! – кричала, молила и пела в ней эта пробужденная сила. – Не спи, Воин Небесный, время твое приходит! Я жду тебя, Гром Гремучий, я иду к тебе через солнце красное, через месяц светлый, через звезды частые...

А потом она снова ощутила себя, как обычно, и собственное тело вдруг показалось Веселине маленьким, тесным... тесным для чего? Собственная кожа словно бы отделяла ее внутреннюю суть от внешнего мира, и это удивило ее. Сердце колотилось, будто стремилось в те ворота к свету, что раскрывались перед ней вот только что. Но теперь вокруг опять была темная хоромина, впереди – маленький, угасающий костер перед идолом, а возле костра – два человека, сгорбленная старуха и худощавый мужчина с длинной полуседой бородой...

Кто это? Где она? Веселина не сразу все это вспомнила. И потрясенные лица Веверицы и Щекаты только сбивали ее с толку: что могло так их поразить?

– Что это? – тихо, робко спросила она, точно боялась, не станут ли ее бранить. – Я чего-то такое наговорила?

– Боги через тебя говорили, – негромко ответил Щеката. Он видел, что Веселина пришла в себя... вернее, из нее вышли те силы, которые только что в ней были. – Боги говорили. Мы, глупые, сели слезы лить, а боги нас на ум навели. Значит, мать, сделаем, как велено. – Он обернулся к Веверице. – Корову будем водить, и песни петь, и все прочее. А что чаша твоя... – Он запнулся и помолчал, потому что разбитая чаша оставалась разбитой. – Пока не говори людям. А потом, как все соберутся, скажем, и пусть народ решает...

Веселина опять села на скамеечку. Настроение у нее было какое-то опасливое: она осторожно как бы осматривала себя изнутри, как жилище, где без ведома хозяев побывали чужие, – все ли на месте? Сейчас она уже была прежней, помнила все, даже ссору с Громобоем. Но и те ощущения весеннего ветра, который вдруг стал ее душой, она тоже помнила, и так же ясно.

А темнота навалилась и придавила ее сильнее прежнего; не только высокая крыша храма, но и сам небесный свод тяжело навис над ее головой, и она всей кожей ощущала тяжесть всей громады темного воздуха над землей, черной покласти без тепла и света.

«Что же это такое? – опять, в который уже раз, спрашивала себя Веселина. – С ума я сошла, что ли? Стала вещуньей?» От этой мысли сделалось неуютно: тщеславие Веселины никогда не заходило так далеко, и о славе пророчицы она никогда не мечтала. Даже в голову не приходило. Но, может быть... Ее уже три года по весне выбирали представлять богиню Лелю и доверяли водить корову зимой; уже три года она принимала почести, на самом деле предназначенные богине... Выходит, это не прошло для нее бесследно?

А может быть, и выбирали именно ее не случайно?

Веселина и побаивалась той силы, что вдруг проснулась в ее душе, и в то же время радовалась. Страх и уныние ушли и не вернуться. Лишь ненадолго ей померещилось, будто движение мироздания остановилось. Оно не может остановиться. Оно – как река, что сквозь любой завал проложит себе дорогу – не прямо, так в обход! В сердце Веселины бил родничок, река мироздания нашла новый путь, и теперь он проходил через ее душу. Сила потока еще так мала,

незаметна, о нем знает во всем мире только она одна, но он уже лется, он существует, он живет! Было удивительное ощущение, будто она сама – драгоценная колыбель, в которой спит будущий расцвет земли.

Глава 3

В последний, двенадцатый день новогодних праздников Веселину разбудили голоса. Резковатые, пронзительные и протяжные, они текли неровной волной, догоняя друг друга, и выпевали древнюю песню пробуждения новорожденного солнца:

Из поднебесья жавороночек
Вылетает, вылетает,
Красно солнышко, красно солнышко
Закликает, закликает.
Не довольно ли красну солнышку
Почивать, почивать?
Не пора ли ясны очи
Открывать, открывать?
Не пора ли лицо бело
Умывать, умывать?
Не пора ли златы косы
Расчесать, расчесать?
Не пора ли темны тучи
Проводить, проводить?
Не пора ли чисто поле
Осветить, осветить?
Не пора ли белы снега
Растопить, растопить?
В сине море, в сине море
Укатить, укатить?

Голоса отдавались звоном, стучались в ее тяжелый глубокий сон, а Веселина не могла даже понять, где она, на каком свете. Она знала, что эта песня призывает именно ее, она хотела подняться, но не могла: душная тяжесть мешала ей открыть глаза, даже проснуться по-настоящему. Было холодно, и себя саму Веселина ощущала застывшей, замороженной, и ей было так страшно от этого чувства, будто оно грозило ей немедленной смертью.

На нее упали какие-то холодные влажные брызги, она разом приподнялась и села на лежанке. Тесная, темная, нетопленная клетушка в глубине Велесовой хоромины наводила на мысль о подземелье. Возле ее лежанки стояла одна из посадских старух, держа чашу с водой, а две другие по сторонам выпевали «пробуждение солнца». Это и правда будили ее; сегодня она как бы солнце, которое наконец-то встает, возрожденное, над земным миром.

Поспешно выбравшись из-под медвежьей шкуры, Веселина запрыгала на месте, чтобы согреться. Старухи подали ей умыться, усадили, сами расчесали ей косу, украсили голову серебряным венцом и покрыли красным платком. Веселина волновалась, как невеста в день свадьбы. Третий раз она участвовала в этом обряде, но теперь все было не как в былые годы. Тогда она радовалась всему этому, как небывалой и значительной игре, а теперь ей казалось, что все это правда. Старухи, их коричневые руки, морщинистые лица, темные платки и черные овчинные безрукавки казались ей тенями подземного мира мертвых, которые умывают новорожденное солнце, чтобы выпустить его наконец-то из подземелья, и Веселина трепетала от каждого их прикосновения. Ей опять, как в первый день нового года, хотелось скорее на воздух, но место прежней беспечной радости заняла решимость, будто ей предстояла борьба. Веселина помнила все: и страх перед Зимним Зверем, и свое вчерашнее озарение. И после

ночи она уже твердо была убеждена: это не случайность и не наваждение. Сами боги указывают ей путь, и путь этот начинается прямо отсюда, из задних помещений Велесова святилища, а уходит далеко, далеко...

Старухи вывели ее во двор, нарядную, как невесту: с цветными лентами и звенящими подвесками в косе, с серебряным венцом под красным платком на голове. Другие девять старух всю ночь сидели в хлеву на заднем дворе святилища, по очереди и хором распевая заговоры возле Матери-Тучи. Для сегодняшнего торжества ее рога были украшены сухими цветами и яркими лентами, увешаны бубенчиками, звеневшими при каждом движении коровы.

Еще не светало, над землей висела ночная тьма, на небе сияла огромная полная луна, и в ее серебристом лике виделось уверенное торжество, точно она почитает себя новым солнцем земного мира и не думает даже уходить на покой. И Веселине подумалось: должно быть, Велесово подземелье, где живут умершие и где солнце проезжает во время земной ночи, выглядит вот так же – темнота и блестящее светило на темном небосводе, которое не в силах осветить эту вечную тьму.

– Ну, Велесе-боже, благослови начинать! – сказала Веверица.

Веселина пристально глянула на нее: ведунья выглядела почти так же бодро, как обычно, только в особом беспокойном проворстве сказывалось вчерашнее потрясение. Никому из старух она не сказала о том, что чаша разбита.

Было холодно, мороз за ночь окреп и пощипывал щеки, снег громко скрипел под ногами. Ведя за собой корову, Веселина вышла со двора святилища. Сзади Мать-Тучу подгоняла Веверица, а следом старухи правили тремя или четырьмя санями, светили факелами.

Стоит вокруг города железный тын,
Да железный тын, верей медные!
Верей медные, колья булатные!
И чрез тот тын ни зверь не перескочит,
Ни птица не перелетит,
Ни злой недуг не пройдет!

– тонкими и пронзительными голосами запели старухи, давая посадку знать, что начинается последний, важнейший обряд Велесовых дней.

Изо всех дворов посыпал народ; все проснулись и собрались загодя, но раньше условленного знака выходить было нельзя. Вышедшего за двери раньше Матери-Тучи могут унести навьи; помня о Зимнем Звере, в этот год ни одна самая отчаянная голова не посмела сунуть нос наружу. Мужчины и парни собирались в начале каждой улицы с факелами и кнутами, возле них скакали дети и подростки, напаялив страшные личины, с рожками и трещотками в руках. Завидев огни, освещавшие девушку с коровой, мужчины кидались вдоль улицы, хлопая кнутами и плетьюми, криком гнали нечисть, затаившуюся по углам. А следом Веселина вела корову: где прошла Мать-Туча, там не пройдет ни Коровья Смерть, ни Невея-лихорадка со своими сестрами. Женщины выносили из ворот узелки и с поклонами вручали Веверице и ее старушечьей дружине приношения: караваи хлеба, лукошки яиц, горшочки масла и меда, связанных кур и уток, мешочки проса, ржи, гороха. Дети прыгали вокруг священной коровы и выкрикивали:

У нашей-то матки
Телятки-то гладки,
Скачут через грядки!
Как по воду идут —
Так помыкивают!
Как обратно бредут —

Так поигрывают!

А старухи позади тянули свое, семена рядом с санями:

У железного тына, у ворот медных
Стоит Велес-бог, Лесной Пастух!
Он свой медный лук натягивает,
Он железны стрелы накладывает,
Он стреляет да отстреливает
Всяки скорби и болезни...

Старухи нарядились в шубы, вывороченные мехом наружу, иные намазали лица сажей, и дети не узнавали знакомых, взвизгивали от страха, веря, что к ним пришли на праздничное угощение умершие прабабки.

В Кузнечном конце Веселина заметила среди мужчин медведя: держа в одной лапе огромную железную сковороду, а в другой – колотушку, он без устали гремел, рычал, вертелся, приседал, прыгал – в общем, ломался. Смотреть на него было жутко и весело: любая нечисть испугается!

Он стреляет, приговаривает:
«Ох вы, сестры-лихорадки,
Щипота и Ломота,
Корчиха и Знобиха,
Огневица, Трясовица,
И Невея, и Коровья Смерть!
Здесь нет вам ни чести, ни места,
Ни поживы, ни покою!»

– широко шагая возле отяжелевших саней, грубым низким голосом выкрикивала Жаравиха – рослая, толстая, сама похожая на Мать-Тучу. Ее потомство, с детьми и внуками, насчитывало тридцать восемь голов; такая женщина очень даже годится оберегать благополучие города в новом году!

От шума, движения, мелькания огней в утренней полутьме у Веселины кружилась голова. Она выступала впереди неспешно шагающей Матери-Тучи, иногда подсовывала ей кусочек хлеба, смотрела вокруг, и ей казалось, весь мир со всем, что его составляет: огнем и снегом, светом и тьмой, живым и умершим, молодым и старым, человеческим и животным, земным и подземным – все кружится вокруг нее, помогая движению застрявшего годового колеса. Свет пляшущих факелов, рвущий в клочки неподатливую зимнюю тьму, детские прыжки и старушечьи заклятья, хлопанье кнутов и ломанье «медведя», звон бубенцов и крики, оживление народа, собравшегося, чтобы словом и делом заклинать общее благополучие, – во всем этом ей тоже виделась река мироздания, та самая, которую она вчера ощутила в своей душе.

И она, Веселина, была сердцем общего порыва, на нее с коровой смотрели как на самую богиню Лелю, издалека несущую в род человеческий здоровье и изобилие. Перед этим порывом ничто не устоит; скоро, скоро поредет тьма, а потом растают снега, отступят холода, и все беды разлетятся в пыль, освободят роду людскому дорогу к счастью. Она шла, и ее оевали теплые ветры; они с Матерью-Тучей словно бы пахали поле земли и сеяли весну, которая когда-нибудь взойдет. Ей мерещился свежий дух тающего снега, и она несла его за собой. Казалось, стоит оглянуться – и увидишь позади мокрую, оттаявшую землю, зеленеющую траву, полураскрытые головки цветов... Хотелось смеяться, но она только улыбалась в ответ на каж-

дый взгляд и казалась такой красивой, что даже старики подталкивали друг друга и что-то говорили, провожая ее глазами. И с каждым из этих взглядов в ней крепло ощущение теплого внутреннего света, она как бы собирала в себе искры человеческих глаз, чтобы нести их, как огонь в священном сосуде, через долгую зимнюю тьму.

Постепенно рассвело; на западе, на лиловом небе, почти свободном от облаков, виднелись темно-розовые полосы и по-прежнему сияла полная, круглая луна, бледная и чуть-чуть зеленоватая, рассылая вокруг себя серебристое сияние. А с другой стороны, на востоке, уже вставало солнце и бросало вверх свои лучи; на розовом поле рассвета лежали густые золотые пятна. Солнце посылало лучи вдогонку за луной, а прямичевцы вертели головами, недоумевая: не так-то часто удается увидеть луну и солнце на небе одновременно. А старухи и старики неодобрительно хмурились: не предвещает добра, если солнцеворот совпадает с полнолунием. И хотя солнцеворот уже миновал, но прибавления дня еще не было заметно, и нынешнее небесное видение показалось всем дурной приметой, даже солнечные лучи, много дней не виденные, не обрадовали. И старухи еще громче пели, призывая Велеса отгонять от города всевозможные несчастья:

И отсылает он их вспять, откуда пришли:
Во мхи, во болота,
На воду студену,
На коренья на сырое,
На дерево на сухое!

* * *

Рассвело, но мороз продолжал крепчать. Уже хотелось под крышу, в тепло. Дети прыгали и скакали не только от радости, но и желая согреться; взрослые тоже переступали с ноги на ногу, топтались, толкали друг друга. Разговаривая, прикрывали рты рукавицами, шмыгали покрасневшими носами, выдыхали, пуская изо рта густую и плотную струю пара.

По мере того как Мать-Туча и провожавший ее «медведь» обходили все улицы посада и детинца, а Веверица со своей старушечьей дружиной собирала всю положенную празднику дань, людской поток и шум помалу смещались обратно к Ветляне, к Велесову святилищу. Огромное, широкое пламя костра во дворе взвивалось уже вровень с дверями хоромины и было видно издали, звало, манило, тянуло к себе замерзших, утомленных прямичевцев.

Внутри хоромины тоже былолюдно и тепло, теперь она совсем не напоминала промерзшее, пустое и темное подземное царство, в котором Веселина проснулась сегодня утром. Обе длинные пристройки были освещены костерками, разложенными прямо в углублениях земляного пола, женщины раскладывали по длинным столам разнородные угощения, собранные за утро. Каждый очаг, как наседка цыплятами, был обсажен горшками: красными, бурными, желтоватыми, серыми и совсем черными, большими и поменьше, и в каждом булькала каша. По хоромине разносился теплый дух вареного гороха и ячменя, везде слышался говор, смех. Точно проснувшись после этих странных праздников, прямичевцы вздохнули легко и свободно.

Двенадцать старух сидели полукругом перед Велесовым идолом. Теперь огонь перед ним горел ярко, освещая идол целиком, и голова бога с двумя изогнутыми по-коровьему рогами, его бородатое лицо с плоским носом и низко опущенными железными веками были хорошо видны. В сложенных на животе руках Велеса был зажат пастушеский посох.

Горят огни калиновы,
Калиновы, малиновы,

Середь огней котлы кипят,
Котлы кипят кипучие,

– пронзительно пели старухи. У подножия идола были сложены пять черных баранов со связанными ногами. Щеката сказал, что нынешние смутные праздники требуют более основательной жертвы. Трех баранов прислал князь Держимир, еще двух в складчину дали детинец и посад. Жертвенный нож Щекаты уже был готов, ждали только князя.

Поставив Мать-Тучу назад в стойло, Веселина вышла назад на вымол, где сейчас веселились дети и молодежь.

Уж как я ли тому горю помогу, помогу,
На дорожке я мосточек намошу, намошу!

– пели где-то неподалеку, рядок нарядных девушек двигался к ряду парней, Веселине махали руками, приглашая к себе. Она закивала: дескать, сейчас иду, – а сама все вертела головой, выискивая «медведя». Даже если он уже снял косматую шкуру, его и так ни с кем не спутаешь! В ней бурлило беспокойное веселье: было смутное предчувствие чего-то страшного, как если бы она шла по тонкому льду и все время помнила о глубокой ледяной воде у себя под ногами, но от этого ощущения опасности только еще больше хотелось двигаться, кричать, хохотать. А еще хотелось увидеть Громобоя. Вчерашняя ссора уже забылась: это была такая мелочь по сравнению с тем, как переменилась с тех пор сама Веселина! По сравнению с этим гуляньем, широким, как весь белый свет, шумным, огромным...

Мимо нее промчался Солома, везя на плечах мальчишку лет шести, а мальчишка размахивал палкой, тлеющей на конце, выписывал в потемневшем воздухе огненные кольца и восторженно вопил. Заметив эти огненные кольца, Веселина сообразила, что уже почти стемнело. День пролетел – и не заметила. Ее переполняли разом возбуждение и усталость, она задыхалась, но дышать было трудно из-за мороза, и она закашлялась, прикрыв рот рукавицей. Хотелось в тепло, в хоромину, к людям. В последний раз оглянувшись, Веселина повернула к краю вымола, к огню в раскрытых воротах святилища, который был виден издали и тянул к себе. Праздник будет еще долгим, и она еще успеет всех найти и все сказать...

Мальчишка, скакавший на плечах Соломы, внезапно замолчал, а потом завопил вдвое сильнее, но уже не от радости, а от страха. Над заснеженной горой на другом берегу Ветляны, над неподвижным лесом темнота вдруг сгустилась в огромную фигуру, костлявую и изломанную. Какой-то черный провал в темно-синем воздухе зимнего вечера вдруг распахнулся от земли до неба. Две исполинские руки распростерлись, будто хотели обнять вселенную... головы у великана не было...

Резкий холод вдруг пал откуда-то сверху и пронизал до костей; перехватило дыхание, трудно было двинуться. Разом на вымоле смолкли крики и смех. Порыв холодного, ледящего ветра накрыл берег и пригнул пламя костров. Черный безголовый великан надвигался, был все ближе; на него смотрели, не веря своим глазам, не в силах взять в толк, что же это такое. Внутренний порыв толкал бежать, спастись, но ледяной холод сковал руки и ноги, даже кожа на лице казалась оледеневшей.

– Костяник! – свистящим шепотом выдохнул старик Бежата рядом с Веселиной. – Он! В хоромину, живее!

Костяник, брат Снеговолока и второй сын Зимерзлы, дух леденящих, губительных морозов, быстро рос и приближался, точно его несло ветром. Он заслонял уже полнеба, его изломанная фигура, дышащая ледяным, костенящим холодом, уже нависала над вымолом. Миряшка, подруга Веселины, застывшая было возле нее, вдруг покачнулась и упала на снег, как подрубленная березка.

– Костяник! – крикнула вслед за стариком и Веселина, точно хотела именем чудовища разбудить стоявших вокруг и подтолкнуть их бежать.

Именем того, о ком все знали, но кого впервые видели наяву!

И вместе с ужасом она ощутила ненависть к этому существу, точно к ней шел ее собственный непримиримый враг. Это он хочет загасить все искры живого огня, которые она с такую любовью и радостью собирала, хочет навек закрыть те золотые ворота весны... хочет погубить все то, чем она жила и что придало смысл и надежду ее новой жизни... Чтобы на земле осталась одна снежная пустыня...

– Чтоб ты провалился, ледяная голова! – возмущенно крикнула она.

В горло ей хлынул ледяной воздух, она закашлялась, но ненависть кипела в ее крови и согрела так, что она шагнула вперед и грозно взмахнула рукой.

– Чтоб тебя громом разбило!

Она огляделась: вокруг нее стояли люди, парни и девушки в застывшем хороводе, растерянно опустившие руки, дети с забытыми снежками в руках и открытыми ртами, женщина с корзиной, два старика с посохами... Все не отрывали глаз от Костяника, на лицах были ужас и недоумение. И все были неподвижны, как деревья в застывшем зимнем лесу... Веселине хотелось каким-то одним порывом души столкнуть их всех с места и единым махом перенести к святилищу, к яркому и жаркому огню на дворе, под защиту божества... Но все стояли, и она стояла, как деревце среди деревьев, а Костяник был все ближе, и ледяные оковы мороза становились с каждым мгновением все крепче. Сам воздух леденел и густел, как замерзающая вода; вот-вот он совсем застынет, и тогда уже нельзя будет двинуться, и все они погибнут, как рыбы, вмороженные в лед... Веселина уже не чувствовала своих рук и ног, только сердце, как отдельное живое существо внутри мертвого дома, билось сильными и отчаянными толчками, пытаясь дать телу силы для собственного спасения.

– Бежим, бежим! – невнятно, отрывисто выкрикнула она, взмахами рук стараясь пробудить застывших людей вокруг себя. – Скорее, скорее!

Крик ее сорвался на хрип, она сухо закашлялась опять и едва могла вдохнуть. Молодежь и дети дрогнули, с трудом оторвали коченеющие ноги от земли и нестройной волной качнулись в сторону святилища. Нагнувшись, Веселина схватила за руку упавшую Миряшку, но та была без сознания. Поднять ее Веселине было не под силу, и тогда она просто поволокла подружку к воротам святилища. Подросток лет пятнадцати, пробегая мимо, схватил вторую руку Миряшки, и вдвоем они потащили ее по вымолу, везя ноги по снегу. Волоча за руки ревущих младших, парни и девушки бежали на огонь, спиной и затылком чувствуя, что вот-вот зимний великан накроет своей мертвящей тенью – и конец. И, как в мире мертвых, было тихо: никто не кричал, потому что каждое движение давалось с трудом, руки и ноги были тяжелыми и бессильными, как в кошмарном сне.

– Давай, дед, давай! Поспешай! – Солома, одной рукой придерживая за ногу мальчишку у себя на плечах, второй тащил Бежату, даже не оглядываясь, так как ледяной ветер слишком больно сек лицо.

– Догонит! Смешно! – беспокойно бормотал дед, изо всех сил передвигая ноги. – Да ты мальчика-то тащи, а я поспею...

– Давай, дед, давай! Ты молодой еще, не пожил!

– Костяник, Костяник!

Толпа с вымола ворвалась в святилище, растеклась по средней хоромине и пристройкам, сминая столы и лавки. Поднялся крик и визг, покатались опрокинутые горшки, Щеката замер с окровавленным ножом и в изумлении обернулся. Князь Держимир и Байан-А-Тан, с двух сторон державшие очередного, третьего жертвенного барашка, поднялись на ноги. На лице князя был гнев, но уже готовые сорваться слова замерли на губах. Женщины звали своих,

визг и разноголосые вопли оглушали. Бывшие внутри хоромины решили, что опять объявился Зимний Зверь. Только Велес оставался так же бесстрастен.

Двери еще не успели закрыть, как вдруг внутри душевной и дымной хоромины стало ужасающе холодно. Крики захлебнулись, как будто железные пальцы мороза каждого схватили за горло. Каждый замер, где и как был, и набитое людьми строение внезапно показалось совсем пустым. Огонь перед идолом резко опал, стало темно, как в подземелье. Ни вдоха, ни взгляда – гулкое невидимое пространство было полно мертвецами, стоящими и сидящими, с изумленными лицами, открытыми ртами и поднятыми руками.

А потом огонь рванулся к кровле и выхватил из тьмы лик Велеса с железными очами. И ледяные оковы спали; все разом вздохнули и закричали почти животным криком, забыв слова, желая выразить только одно: живы! Живы, побывав недолго в смерти – это поняли все. Запричитали женщины, мужчины кашляли и бранились, дети плакали. Щеката кричал что-то, потрясая в воздухе окровавленным ножом, но никто не разбирал слов.

– Вот они, Зимерзлины дети! – пронзительно кричала Веверица. – Зимнего Зверя Снеговолока видали мы, теперь и Костяник явился! Чаша разбита! Круг годовой разбит, небо разбито, земля разбита! Зима теперь будет бесконечная, Снеговолок и Костяник будут нами править, в ледяную пустыню всю землю обратят!

– Я пойду! – еще не до конца опомнившись, неизвестно кому сказала Веселина. – Посмотрю...

У нее было странное ощущение: сильно замерзшие руки и ноги начали слегка отходить и болели, но казалось, что сама она сейчас растает от тепла хоромины и улетит легким облачком под кровлю. А в душе прежний страх сменился другим: а вдруг кого-то забыли на вымоле? Вдруг кто-то не успел добежать? Это – смерть, тут ничем не поможешь... У ног ее лежала бесчувственная Миряшка, бледная, как снег; Веселина и сама сейчас не помнила, как дотащила ее сюда и как бросила. Потом ей пришла на ум Мать-Туча. Она хранит благополучие города, но кто хранит ее саму?

Пробравшись через толпу, Веселина толкнула дверь и первой выбралась во двор. Черный призрак костенящего мороза исчез. Костры на вымоле погасли все до одного, над миром царила синяя зимняя ночь. На снегу здесь и там виднелось что-то темное. Сперва Веселина подумала, что это дрова для костра, и только когда бабка Жаравиха у нее за спиной громко и горестно вскрикнула и бросилась вперед, Веселина сообразила, что это люди. Те самые, кто не успел добежать... По-прежнему было ужасающе холодно, но все же вздохнуть было можно и грудь не спирало, как тогда, когда Костяник чернел над лесом... Он все еще был где-то здесь, но только не показывался больше на глаза. И Веселина шла по отчаянно скрипящему снегу, точно с каждым шагом одолевала сопротивление мертвящего мороза: он думал, что убил все живое, а вот нет же!

Держась поближе к стене хоромины, Веселина пробралась к хлеву. В кольце у двери догорал факел, оставленный, когда корову возвращали в стойло. Мать-Туча лежала на соломенной подстилке и изредка вздыхала, отдыхая от утомительного обхода улиц. Весь ее вид, гладкая шкура, огромное, как мешок, горой лежащее брюхо, влажные глаза говорили о здоровье и изобилии. И у Веселины полегчало на сердце: если корова жива, значит, и эту беду пережили.

– Здорова ли, матушка? – дрожащим голосом приговаривала Веселина, присев возле ее головы и почесывая корове лоб. – Ах, голубушка ты моя, какой же страх смертный нам достался! За что же на нас так боги огневались?

– Ох, нехорошо тут моим теляткам! – вдруг произнес старушечий голос совсем рядом с Веселиной.

Вздрогнув от неожиданности, она поспешно обернулась. В глубине хлева, у самой стены, стояла небольшая ростом, согнутая старуха. И облик ее, и голос были Веселине незнакомы, и она настороженно поднялась на ноги. Как старуха туда попала? Когда Веселина входила в хлев,

здесь не было ни одного человека, пропустить ее мимо себя и не заметить она тоже не могла. Изумленная Веселина таращила глаза в полутьме, пыталась рассмотреть старуху получше, но не получалось: мешала темнота, мешал черный платок, низко надвинутый на лоб, мешала сама старуха, клонящая голову вперед. И факел замерцал вдруг так боязливо и робко, замигал, как будто отступая, свет затрепетал и попятился. Старуха принесла с собой темноту, и эта темнота, как живая тень, разливалась по хлеву и властно подчиняла себе пространство.

– Ты... кто? – бессознательно спросила Веселина.

Не зная ответа, она всем существом ощутила главное: отсюда надо уходить, и как можно скорее. Как угодно, хоть через стену, лишь бы подальше! Вид старухи не казался угрожающим, но во всей ее сгорбленной и размытой фигуре было что-то настолько нечеловеческое, что каждая частичка живого тела кричала, стремясь избавиться от соседства с неживым существом: «Прочь отсюда! Берегись!»

– Ах, бедная ты моя! – приговаривала старуха, и вся она, как один огромный глаз навьего подземелья, была устремлена к лежащей Матери-Туче. – И Зверь на тебя зубы скалил, и Костяник морозом дышал – нехорошо тебе здесь! Заберу-ка я тебя к себе! У меня тепло, покойно, не светло, да сытно! И злыдни не достанут. А здесь ты ненадобна, все равно здесь весны более не будет, на лужок тебя погулять не поведут. А у меня луга добры, широки, травянисты, шелковисты – гуляй да молока набирай! А коли кому коровка понадобится – пусть приходит.

Старуха вдруг обернулась к застывшей на месте Веселине, и сама душа ее тихо поплыла куда-то вниз, в темноту. У старухи не было лица. Была темная, туманная дыра в никуда, и сама старуха утратила черты человеческого существа и стала темной бездной.

«И ты ко мне придешь!» – мягким, гулким, обволакивающим и жутким голосом шепнула тьма.

Голос ее пронзил Веселину и черной волной разлился по каждой жилочке, и она невольно ухватилась за жердь стойла, чтобы не упасть. Бездонная бездна была прямо под ногами, была вокруг, готовая сомкнуться и поглотить.

«И ты ко мне будешь! Ожила ты, душа моя, новое пристанище себе нашла, новым имечком прикрылась, ишь, косу до пояса опять отрастила! Ты себе новое место нашла, да и я не проста – и я тебя нашла! Корову я возьму, а ты сама придешь! Дорожка твоя изведана, исхожена: Черный тебя усыпит, Красный разбудит, ключ железный тебя замкнет, золотое копьё выпустит. Тот тебя на волю выведет, у кого руки по локоть в серебре, ноги по колен в золоте... – десятками догоняющих друг друга голосов гудела темнота. – Кто три пары железных сапог стопчет, три железных посоха изотрет, три каравая железных изложет, кто пройдет леса дремучие, горы толкучие, болота зыбучие...»

Голоса слились в низкий гул, слова пропали. Все стихло. Веселина очнулась: она лежала на соломе возле пустого стойла Матери-Тучи, и ей казалось, что она пролежала без сознания сто лет, а за это время вокруг нее двигались и гибли целые вселенные. Но хлев был все тот же, у дверей по-прежнему горел факел. Ни старухи, ни коровы не было. Веселину трясло от жуткого ощущения, что она лежит на самом краю пропасти, которую чудом миновала, не сорвавшись. Хотелось скорее отодвинуться от пропасти, хоть ползком, раз нет сил встать, но голова кружилась и непонятно было, куда двигаться, черный провал мерещился повсюду.

Коровы в стойлах вздыхали и помыкивали. Говорящая тьма не тронула их. Веселина уже знала, кто пришел к ней и увел Мать-Тучу, она задыхалась в этом воздухе, убитом прикосновением Велы. Сама душа молила: скорее, скорее отсюда, на волю, в тепло, к живым людям! Она даже не помнила, что привело ее сюда. Цепляясь за жердь стойла, Веселина поднялась на ноги и побрела к дверям.

Во дворе мелькали огни факелов, костер опять горел, сновали туда-сюда темные человеческие фигуры. При виде ночного неба Веселина вспомнила Костяника; эти два ужаса придавили ее разом, и она замерла, прислонившись спиной к дверям хлева. Все ее силы разом кон-

чились, на миг показалось, что сердце не хочет больше биться: невозможно выдержать столько сразу.

Перед святилищем раздавалось множество тревожных и горестных голосов, люди сновали через двор, поднимали со снега неподвижные тела, несли их в хоромину и клали перед священным огнем. Старухи принимались хлопотать, растирать снегом, Веверица выкрикивала заговоры, искусно повышая или понижая голос, кропила жертвенной кровью.

Помалу опомнившись, Веселина пробралась в хоромину. И первой же она увидела свою мать: не утирая слез, бегущих по щекам, Любезна хлопотала над неподвижным телом Яровода. Мальчик был бледен, неподвижен, и в его лице появилось что-то особо тонкое, прозрачное, как будто это была лишь кукла, искусно вылепленная из снега. Веселина заметила брата, но не сразу сообразила, что это значит: слишком она была полна увиденным в хлеву, ни для чего другого в ее душе не оставалось места.

– Люди! – закричала она, едва показавшись на пороге. И голос ее был таким, что погасил общий гомон и заставил обернуться к ней. – Люди! Мать-Туча! Вела украла ее! У меня на глазах забрала!

– Мать-Туча? – повторило несколько голосов.

– Вела? – К Веселине шагнул Щеката.

Веверица вскрикнула и бросилась в хлев, толпа окружила Веселину. Теперь уже никто не кричал: все были придавлены ужасами, сыпавшимися со всех сторон, и просторная хоромина, вместившая несколько сот человек, сейчас казалась крохотной искоркой жизни среди безбрежного моря холодного мрака.

– Вела сказала: корову вернет... – Веселина хотела рассказать по порядку и не могла, голос темноты отдавался в ее памяти и сбивал с толку, слова путались. Из всего сказанного Велой она поняла меньше половины, и непонятое уже рассыпалось, забылось. – Она сказала, что забирает нашу корову от беды, от Зимнего Зверя и Костяника. И что вернет ее тот... тот...

Смутные речи о руках по локоть в золоте казались и важными, и неуместными. «Это не жизнь, это кошуна получается...» Про железные сапоги... толкучие горы... Не то, все не то! Веселина хмурилась и готова была расплакаться, как маленький ребенок, который очень сильно хочет что-то выразить, но не умеет говорить. Она шарила взглядом по толпе, точно искала помощи.

Рыжеволосая голова Громобоя заметно возвышалась над толпой, а лицо с упрямым лбом и настороженными светло-серыми глазами выглядело замкнутым и почти ожесточенным. Медвежью шкуру, в которой проходил весь день, он спустил с плеч и теперь казался до пояса человеком, а ниже – медведем.

И лицо Веселины прояснилось. Это был тот, кого она искала, и она торопливо шагнула к Громобою, не видя всех тех людей, что стояли между ними.

– Ты! – крикнула она с мольбой и отчаянием, с дикой надеждой, будто его-то она и искала так долго, что стоптала три пары железных сапог. – Громобой! Она о тебе говорила! Это ты нашу корову вернешь! Я не хочу к ней идти! Это ты черную тучу разобьешь и меня на волю выпустишь! Она о тебе сказала! Помоги мне! Это ты можешь, только ты можешь!

Никто не понял, о чем Веселина говорит, да и сама она не понимала. У нее было то же чувство, что и вчера вечером: она не сознавала своих слов, но знала, что каждое из них – правда. В ней говорил кто-то другой и обращался не к Громобою, а к кому-то другому, кого он скрывал в себе. Ужас перед Матерью Засух обострил ее внутреннее чувство, которого она сама еще не понимала, и оно выбрало того единственного, кто мог ей помочь.

Вся толпа в хоромине молчала и смотрела на них двоих. На бледных лицах отражались ужас и растерянность. Она обезумела, та, что прямичевцы называли своей Лелей!

Громобой молчал, и вид у него был сосредоточенный и недоумевающий разом: он понимал, что это не шутки, но больше он ничего не понимал!

– Что скажешь-то, княже? – обеспокоенно спросило сразу несколько голосов.

Князь Держимир стоял перед жертвенником, уперев руки в бока, точно спорил с кем-то. И так-то не слишком дружелюбный, сейчас он выглядел мрачнее тучи. Этому способствовала и темная борода, и черные брови с широким и заостренным книзу внутренним концом, что придавало взгляду синих глаз остроту и строгость. Но сейчас князь Держимир в досадливом недоумении покусывал нижнюю губу. Он не привык отступать, не привык быть в растерянности, но в этот страшный священный вечер под сотней встревоженных, молящих взглядов не знал, что сказать. Прискачи гонец с вестью о новом набеге рарогов, личивинов, о грабежах заморянцев на побережье Полуночного моря – тогда он знал бы, что делать! Тогда он сумел бы и успокоить, и распорядиться, и быстро снарядить дружину и встать во главе ее, чтобы вернуть земле дрёмичей мир и покой. Но сейчас, когда над Прямичевым нависали мертвящие тени зимних духов, он чувствовал себя таким же беспомощным, как последний холоп.

– Не по-доброму начался нынешний год, а продолжается так, что куда уж хуже! – бросил он наконец. – Это не меня, это богов надо спрашивать. Что скажешь, Щеката?

– Я говорил и еще скажу! – Щеката пристукнул концом посоха об пол. – Боги хотят на беду указать, значит, надо нам за собой вину поискать. Чем-то мы их не уважили. Жертву забыли, обряд нарушили.

Толпа загудела.

– Мы приносили жертвы по обычаю, – ответил князь, перекрывая голосом общий гул, и кивнул на черных барашков, все еще лежащих у подножия идола. – Ты сам сделал все, что положено.

– Слышали мы уже сию кощуну! – густым голосом сказал Зней, волхв Перунова святилища.

Выбравшись из толпы вперед, он сразу показался огромен, как туча. Если бы не жреческий посох с бубенчиками, его можно было бы принять за воеводу – это был рослый и могучий мужчина с густой темной бородой и решительным лицом. Бросив на Щекату один презрительный взгляд, он дальше обращался только к князю.

– Никогда такого не было, чтобы Прямичев богов не почитал! Сколько лет стоит земля дрёмичей, сколько лет живет стольный город – таких напастей мы не знали. Беду на нас ветром несет из иных земель, а мы перед богами ни в чем не виноваты.

– Из каких иных? – быстро спросил князь. – Рароги? Заморянцы? Речевины? Они на нас и в прошлое лето ходили, однако волки солнце не ели.

– Дайте я скажу! – Купец Нахмура, товарищ Хоровита, вылез вперед. Сейчас он казался составлен из двух разных частей: так малонарядный полушубок, покрытый коричневато-красным сукном, и синяя шапка на соболе подходили к бледному, испуганному, растерянному лицу. – У тебя, Вестим, – купец нашел взглядом старосту кузнецов, – сынок твой старший сыном Перуна зовется. Кому же нечисть одолевает, как не Перуну? Не всяк город так богат, что сына его держит в кузницах. Позови-ка ты, княже, – Нахмура развернулся в другую сторону и обратился к князю, – Громобоя сюда да спроси: не возьмется ли он Зимерзлиных детей истребить и прочь от нас прогнать? А если не возьмется, так нечего его Перуновым сыном славить!

– Чужих сыновей каждый на рать посылать горазд! – горячо ответил Вестим. – А мне его боги не на то дали, чтобы я его нечисти в пасть пихал!

– А другим сыновья на то даны? – не сдавался Нахмура. – У меня двое, у Хоровита вон семеро, у воеводы Добромира вовсе один! Они для волчьей пасти рождены-выкормлены? А твоего медведя никто не побивал еще! Кому сила дана, с того и спрос!

Вестим ответил не сразу: на это совестливому человеку возразить было нечего. Свои сыновья каждому дороги.

– Княжич наш тоже не промах! – без прежнего ожесточения сказал наконец Вестим и кивнул на Байан-А-Тана. – Он уже однажды Зимнего Зверя одолел. Нет бы ему опять взяться...

Байан-А-Тан лишь усмехнулся под десятками обратившихся к нему взглядов. Усмешка вышла неуверенная и невеселая. Сейчас его лицо утратило обычную живость и сразу показалось очень некрасивым: смуглое, скуластое, с резкими чертами и крупным носом.

– Сокол-то наш только до девок ловкий... – проворчал себе в бороду воевода Добромир.

В самом деле, при всей своей удали легкомысленный Байан-А-Тан с большим трудом представлялся на месте витязя из кошуны, одолевающего разную нечисть.

– Перун, не Перун – это все в решето против солнца видано! – проворчал Вестим. Сам он нисколько не сомневался в происхождении Громобоя, но сейчас было не время вспоминать об этом. – Чего там есть... это еще все в скорлупе. А вот ты, княже, сколько раз дрёмичей от напастей защищал, на кого же нам и надеяться, как не на тебя?

В ответ на эту похвалу князь Держимир помрачнел еще сильнее. Он и сам знал свою обязанность и не раз думал о том, как защитить Прямичев от разгулявшейся зимней нечисти. Думал с того вечера, когда Баян, обсыпанный по уши снегом и нервно хохочущий, примчался на своих тройках домой за полночь и со смехом рассказывал в княгининой горнице, как чуть было на санках не въехал в пасть Зимнему Зверю. И этот рассказ не дал Держимиру заснуть всю ночь, хотя сам Баян спал сладко, усталый и почти счастливый небывалым приключением. За неимением других виноватых Держимир делал вид, что сердится на самого Баяна, а думал только об одном: что делать? Это только в кошунах берут меч и выходят к Калиновому мосту дожидаться трехголового змея. Стоило ему упомянуть о чем-то подобном, как Баян, единственный собеседник для обсуждения сомнительных мыслей, издал короткий дребезжащий смешок и искоса поглядел на брата (у него это означало почтительное несогласие). «И как тебе это видится? – осведомился он. – Ну берешь ты меч, вот выходишь ты...» И Держимир вообразил себя на заснеженном берегу Ветляны: темнеет, дует холодный ветер, насколько хватает глаз все бело, пусто, скучно. А он идет с мечом в руке, поглядывает сверху на лед и выкрикивает: «Снеговолок, а, Снеговолок! А ну вылазь, биться будем!» Смешно и досадно. Князь Держимир не умел смеяться над собой, и от этого воображаемого зрелища ему стало просто противно.

– А что вам князь сделает? – подал голос воевода Добромир. – Это ж не личивины, не заморянцы! Против Зимнего Зверя другая сила нужна! – Он махнул рукой в сторону Знея с посохом и Веверицы с клюкой. – Вот если бы был у князя меч Буеслава...

Князь Держимир бросил на него яростный взгляд, и воевода осекся, сообразив, что этим упоминанием ухудшил дело. Меч древнего князя Буеслава, который первым собрал всех дрёмичей под свою руку, хранился в княжеском роду несколько веков и считался оберегом всего племени. Рассказывали, что он был выкован из железа, которое упало с неба, из кузницы самого Сварога, и одно его прикосновение обращает в прах любую нечисть. Но меч Буеслава пропал неизвестно куда в тот злосчастный день полвека назад, когда князь Молнеслав убил своего брата и захватил власть над Прямичевым. Меч исчез прямо у него из рук, словно не стерпел на себе крови братоубийства, и это исчезновение приписали тогда гневу богов. Долго после этого Прямичев считал себя проклятым и ждал наказания. Но ничего... Как говорится, обошлось вроде бы. Тот меч, что висел у князя на плече сейчас, был изготовлен по памяти, по образцу прежнего, и выглядел точь-в-точь так же. Вслед за отцом князь Держимир сам создавал славу нового меча в битвах с врагами племени. Он был так же грозен и красив, но все же это не был меч Буеслава. И теперь, нехстати вспомнив об этом, воевода Добромир как бы указал недоумевающему Прямичеву виновника бед. И этот виновник был как раз тот, кто обязан защищать дрёмичей, – княжеский род Буеславичей.

Держимир гневно кусал губы, чувствуя, что со всех сторон на него направлены сотни тревожных, выжидающих, осуждающих взглядов. В хоромине было полутемно, тесно, душно, пламя перед Велесом неровно освещало лица. Женщины в платках, бородатые мужчины, старики, дети, молодые безусые парни – словно весь род человеческий собрался тут, спасаясь от

чудовищ, и ждет защиты от него, Держимира Молнеславича, которого признает своим князем. А что он может сделать?

– К мечам еще руки нужны! – сказал наконец Держимир.

Пошарив взглядом по толпе, он легко нашел Громобоя, как будто сам огонь очага старался высветить его лицо.

– Если Перун дал Прямичеву своего сына, значит, не напрасно. Завтра приходи ко мне. И пусть Зней спросит Перуна, для чего он тебя предназначил.

Громобой встретил его взгляд, но ничего не ответил. Теперь его лицо выражало мрачную замкнутость.

Огонь догорал. Родичи застуженных Костяником все еще сидели над телами, причитая и все не веря, что эти глаза больше не откроются. А остальные, собираясь кучками, стали понемногу расходиться. Дети чуть ли не спали на ходу, на лицах взрослых была равнодушная усталость: сегодня они уже не способны были думать о том, что ждет Прямичев завтра.

Любезна сидела возле Яровода, Хоровит собрал вокруг себя остальных детей, чтобы идти домой. Братья и сестры оглядывались на Яровода, но боязливо молчали, не спрашивая, что с ним и очнется ли он когда-нибудь. Почти все понимали, что он умер, хотя самые младшие по настоящему не осознавали, что это значит.

Отец потянул за рукав Веселину. Мимо нее просеменил старик Бежата, бормочущий себе под нос:

– Сын Перуна! Супротив такой нежити какой сын Перуна нужен! Смешно!

* * *

Рассвет подходил медленно-медленно, точно крадучись, да так и остался где-то за воротами, боязливо заглянул в Прямичев, а войти не решился. Но прямичевцы, не дожидаясь света, еще в сумерках разошлись по кузницам и мастерским. По общему молчаливому мнению, праздники слишком затянулись. И обошлись они дороговато: в городе набралось несколько десятков умерших, все те, кого Костяник застал под открытым небом. Не помогли им ни растирания снегом, ни горячая баня, ни заговоры. На каждой улице имелось по два-три двора, откуда теперь доносились погребальные причитания: по отцу, по матери, по молодому парню, по девушке, по ребенку... Собирая свою дань с города, Костяник не разбирая молодых и старых. Внизу у вымола, подальше от крайних домов, поднимались к небу столбы дыма от сжигаемой соломы, на которой обмывали покойников. Мужчины из пострадавших семей с утра уехали в лес за дровами, а в двух-трех местах на дальнем поле за городом, где среди княжеских курганов хоронили и простых прямичевцев, тоже дымили костры: счистив снег, огнем оттаивали землю, чтобы можно было выкопать могилу.

А те прямичевцы, кого эта беда миновала, больше обычного спешили взяться за повседневную работу. Каждый в душе надеялся, что останутся позади эти недобрые праздники – и их губительные чудеса растают, как дурной сон. С трудом, но все же годовое колесо перевалилось на новый оборот, самое трудное время позади, и солнце теперь смотрит на весну.

Перед полуднем на Велесовой улице зазвенели бубенцы и упряжь. Но домочадцам Хоровита было не до того, чтобы смотреть за ворота: мужчины с утра ушли готовить место для могилы, а в избе женщины провожали на тот свет Яровода. Тело уже обмыли и солону вынесли; на подростка надели лучшие праздничные рубашки, подпоясали цветным пояском и до пояса укрыли полушубком. Светлые волосы умершего расчесали, а лицо его было так светло и строго, как никогда при жизни. И собравшиеся соседки причитали, подхватывая одна за другой древний напев проводов:

Отлетел ты, маленькая пташечка,

Ты от бабушки, от матушки,
Ты на чужедальнюю сторонушку,
Ты на веки да вековечные...

За причитаниями Веселина даже не услышала шума перед воротами и вздрогнула, когда в сенях вдруг хлопнула дверь и в избу ворвался Байан-А-Тан.

– Мир и довольство дому... – во весь голос начал он, но тут же охнул и осекся, увидев на столе тело подростка, окруженное огоньками лучин и горестными женскими лицами.

– Ты чего? – Веселина вскочила и бросилась вперед, будто хотела поскорее убрать отсюда этот неуместный шум. – Чего орешь?

– А... – растерянно отозвался Баян. На его смуглом лице оживление сменилось озадаченностью. – И у тебя тоже... того? – Он кивнул на тело покойного.

– Чего тебе надо? – сердито повторила Веселина. С опухшими веками и покрасневшим от слез кончиком носа она выглядела совсем не красивой, но сейчас ей не было до этого дела. – Опять кататься, что ли, в голову влезло? Накатались уж, хватит с меня!

– Княгиня за тобой прислала. Хочет про вчерашнее расспросить.

Веселина помолчала: ходить по гостям ее сейчас не тянуло.

– Ну, пойдём, сделай милость! – принялся упрашивать Баян и взял ее холодную руку. – Поговори с ней, ей ведь больше нашего страшно! Я за тобой на тройке приехал, на вороной, с бубенцами! Покачу тебя, как Перун на громовой туче, с громом и молнией! Пирожком угощу! Ну, поедём!

Веселина вздохнула и сняла с деревянного гвоздя шубу; обрадованный Баян тут же помог ей одеться и даже платок подал. Ее не слишком прельстили обещанные езда и пироги, но ее звала княгиня Смеяна, а нельзя отказывать в чем-либо женщине, ожидающей ребенка.

За воротами стояла знакомая Веселине тройка вороных с лисьими хвостами на дугах. Подумать только! Всего несколько дней назад Веселина была так горда и счастлива, что княжич вот так приехал за ней на тройке, сам приехал, к восторгу всей улицы и зависти прямичевских девиц. Но с тех пор все так переменялось, что прежние радости ее не радовали. Беспечность в ней сменилась настороженным ожиданием новых бед. Даже смерть одного из братьев, красивого, смышленного мальчика, поразила ее не сама по себе, а как знак той беды, что подошла к дому и уже ступила на порог. Ждать больше нельзя, надо что-то делать. День за днем, думая обо всем этом, Веселина как будто поднималась все выше и теперь уже смотрела на Прямичев с высоты, видела не только свой привычный дом, но и все улицы, все избы и терема; в каждом жилище горели три, четыре, пять, десять искорок живых человеческих душ, и все они были близки и дороги ей. А ведь спасение непременно должно быть, нужно только понять, в чем оно! И поездка по городу укрепила Веселину в этих мыслях: тут и там ей бросались в глаза плоски с водой на крылечках изб и повешенные рядом полотенца – душе умершего умытья и утираться. В Прямичев пришла смерть, перед ней оказалась бессильна даже благодетельная сила Матери-Тучи. Нужно искать нового покровителя... Но где же его найдешь?

Задавая себе этот вопрос, Веселина с надеждой думала о той, к кому сейчас ехала, – о княгине Смеяне. Супруга Держимира была в своем роде чудом, и ее появление показало Прямичеву, какие неожиданности порой преподносит человеку судьба, а он сам – окружающим. До того князь несколько лет безуспешно присватывался к глиногорской княжне Дароване – знатной, красивой, умной, гордой, обученной всем женским искусствам и любимой богами. Но, отправившись прошлой зимой в последний поход за Дарованой, князь Держимир неожиданно для всех (да и для себя, как намекал Баян) привез Смеяну, простую девушку из лесного огнища, из соседнего племени речевинов¹. Ее нельзя было назвать красивой, зато она была

¹ Подробно об этом – в романе «Утренний Всадник».

проста, приветлива, весела. Прямичевцы еще не успели как следует удивиться выбору князя, как по городу пополз некий слух. Род молодой княгини был не так прост, как сказали сначала. Поговаривали, что ее отцом был не человек, а лесной оборотень, Князь Рысей. С тех пор в ее желтых глазах стали замечать что-то нечеловеческое и при разговоре о ней значительно переглядываться. Раньше Веселина думала о княгине, как и все, с простым любопытством и не раз приставала к Баяну с расспросами. Но теперь любопытство сменилось горячей надеждой на помощь: если Смеяна и правда дочь Князя Рысей, то она должна знать и понимать побольше, чем простые люди! Это знание было бы так драгоценно, нужно, спасительно, что Веселина по пути ерзала от нетерпения, хотя Баян и гнал, по обыкновению, во всю мочь с гиком и свистом.

Когда Баян и Веселина поднялись в горницы, княгиня лежала на широкой лавке, обложенная со всех сторон пышными шелковыми подушками. Ее округлое лицо выглядело отекавшим и нездоровым, широкий рот не улыбался, желтые глаза смотрели с тоской, и она казалась старше своих двадцати лет.

При виде гостей княгиня улыбнулась и попыталась приподняться, но улыбка вышла невеселая, даже жалкая.

– Здорова будь, матушка! – приветствовала ее Веселина и поклонилась.

Увидев княгиню нездоровой и несчастной, сама она вдруг воспрянула духом.

– Ах ты, солнышко ясное! – Смеяна улыбнулась, увидев первую красавицу Прямичева такой же румяной после скачки по морозу, такой же улыбчивой и говорливой, как всегда. – Тебя-то Вела не утащила? А то этот нараскажет всякого... – Она глянула на Баяна. – Ну, садись!

Княгиня показала Веселине на маленькую скамеечку возле лежанки. Баян поспешно сел на эту скамеечку – это было его обычное место, – глянул на Веселину и приглашающе хлопнул себя по колену. Веселина возмущенно открыла рот, но постеснялась княгини и смолчала.

– Уйди, Летучий Медведь! – Княгиня махнула на него длинным концом полотенца. – Дай девице сесть! Выгонию!

– Ой, сурова ты, матушка! – Баян страдальчески вздохнул и неохотно сполз со скамеечки на пол, на пестрый шерстяной ковер. – Не любишь ты меня, сироту, не жалеешь! А я-то для тебя с самого рассвета стараюсь, бегаю... Как ты сказала вчера, что хочешь Веселину повидать, так вот мы перед тобой, как лист перед травой...

– Пряничка хочешь? – Княгиня вынула из-под изголовья пряник в виде свинки с чуть погрызенной головой и снисходительно протянула ему. – Дитя малое! Еще тебя мне не хватало утешать! И так ночь не спала!

– А что? – Баян, взявший пряник и было понесший его ко рту, остановился и озабоченно взглянул на нее. – Нездоровится?

– Всю ночь он мне спать не давал – то ворочался, то толкался! – Сморщив курносый нос, усыпанный веснушками, княгиня обиженно кивнула на свой живот. – Я спать хочу, а только задремлется – он опять плясать пошел! Ногами бьет, толкается! Умучил!

– А ты чего хочешь? Он ведь, матушка, уже не ты. Он совсем другая душа. Чего хочет, то и делает.

– Душа? – Княгиня перестала морщиться и посмотрела на Баяна серьезно и настороженно. – А будет у него душа? Я все думаю...

– И-и, думать тебе нечего! – прервал ее Баян, уже знакомый с этими мыслями. – Тебе думать не положено. Пусть другие думают, кому делать нечего. А ты лежи да отдыхай. А потом как родится, так будет не до отдыха.

– Да ну его! Родится – под тын выброшу! – с досадой пообещала княгиня и покосилась на окно, где сквозь желтоватые пластинки слюды еле-еле мерещился серый зимний свет.

– Выбросим, выбросим! – выразительно играя угольно-черными бровями, Баян с мстительным удовольствием потер руки и тоже покосился на окно. – Пусть там валяется, никому-то он тут не нужен! Противный такой!

Веселина тоже покосилась на окно, готовая увидеть вештиц – злых духов в виде облезлых ворон, что охочи до новорожденных младенцев. Они, мерзавки, давно уже поглядывают на окошко княгининой горницы и все ждут, когда тут запахнет тепленьким, вкусеньким младенчиком, облизывают клювы тонкими и длинными красными языками. Только вместо младенца им под тын бросят полено, завернутое в пеленку. Пусть-ка долбят его клювами, пока не сдохнут!

Баян негромко смеялся, и Веселине представилось, как он с заливистым ржанием мчится по двору, а на плечах у него сидит мальчишка с желтыми глазами и широким веснушчатым лицом, как у Смеяны... И на сердце у нее стало легче: вопреки всем буйствам зимних и подземных чудовищ, в этой полутемной душноватой горнице упрямо теплилась жизнь, и то, что должно развиваться и родиться, развивалось и ждало своего часа. Мать Макошь все-таки делает свое дело, и ни Вела, ни Зимерзла со всеми ее порождениями бессильны ей помешать.

– Пойдешь к нам в няньки? – страшным шепотом, ладонью заслоня рот от окна, обратился к Веселине Баян. – Ты поешь хорошо, будешь заодно и меня убаюкивать...

– Не слушай его! – вмешалась княгиня. – Он за день так набегается, что потом валится и спит, и хоть крыша над головой гори. Жена не всегда добудится... А ему двух мало! Ты мне лучше вот что скажи! – Смеяна вспомнила, зачем позвала дочь Хоровита. – Ты, говорят, вчера саму Велу видела? Что она тебе говорила?

Веселина принялась рассказывать о вчерашнем. Княгиня слушала молча, лицо ее выглядело встревоженным и сосредоточенным, и даже Баян не улыбался, а слегка покусывал белым блестящим зубом нижнюю губу, отчего лицо его стало непривычно страшноватым. Но теперь Веселину не напугать было внешним сходством с черной нечистью – она насмотрелась нечисти настоящей. Про погубленных Костяником людей Веселина рассказывать не стала, но княгиня и без того была потрясена и бессознательно прикрывала руками живот. Все ее мысли были с ребенком, которому уже скоро предстояло выйти в этот страшный свет... Если... Если он... Княгиню мучили мысли, о которых Веселина не догадывалась, и от страха ей становилось почти дурно: она тяжело дышала, подняв одну руку к лицу, точно хотела от чего-то спрятаться. Самый главный ее страх был внутри нее.

– Так она что... так и сказала, что это Гро... Громобой должен быть? – с трудом выговорила княгиня, когда Веселина рассказала все до конца. – Что это он...

– Так не бывает! – вставил Баян. – Всякого там княжича Заревика, чтобы он Змея Горыныча или кого там еще победил, долго искать приходится. За морями дремучими, за песками толкучими... как ты там говорила? Да и с детства он хуже всех бывает, только и знает, что в золе копаться. А ваш рыжий еще мальчишкой троих взрослых одной рукой... Не он! – И Баян решительно затряс своей черноволосой, гладко причесанной головой.

– Как это – не он! – возмутилась Веселина. – А кто же тогда! Ведь он – сын Перуна! Не зря Перун Прямичеву своего сына дал, не зря он у нас вырос! Боги заранее знают, что на земле случится! Перун нарочно для того нам своего сына дал, чтобы он нас защитил! Знать бы только, в чем дело! Щеката говорит: в небесах корень беды, а у нас только стебелек пророс. Матушка! – Она с мольбой глянула на Смеяну. – Матушка, может, ты знаешь, в чем дело? Ведь ты – дочь Лесного Князя, внучка Велеса! Кому же знать, как не тебе!

– Не знаю я ничего! – с тоской ответила княгиня. – Он сам... Сам Громобой должен знать.

– Он придет сегодня! – подал голос Баян. – Князь ему прийти велел.

– Придет? – Княгиня встрепенулась. – Нет, нет!

Она замотала головой и шевельнулась в постели, будто хотела отодвинуться подальше.

– Нет, нет! Не пускайте его! – жалобно, с каким-то детским страхом забормотала она.

Баян и Веселина в едином порыве встали со своих мест и шагнули к ней; лицо княгини застыло и стало почти бессмысленным, в глазах заблестели слезы.

– Не пускайте его... не пускайте... Я боюсь, боюсь его... Меня молнией убьет...

Княгиня всхлипнула и спрятала лицо в подушке. Баян застыл с открытым ртом, удивленный и напуганный этим странным приступом. При всей его любви к невестке он не решался к ней подойти, поскольку, как мужчина, к ее положению относился с суеверной боязнью.

Веселина оттеснила его и присела на край лежанки. Поглаживая Смеяну по голове, по вздрагивающей от рыданий спине, она бормотала, как ребенку:

– Тихо, тихо, маленькая, не бойся! Никто тебя не тронет, я с тобой, тут все тихо, хорошо... Пошел котик на торжок, купил котик пирожок... Уж как свиночка сива на дубу гнездо свила, поросенок вывела... Поросенки пестреньки, хвостики все востреньки...

Постепенно дрожь прекратилась, княгиня повернулась лицом к Веселине, и та взяла ее за руку.

– Что? Как? – беспокойно расспрашивал Баян. – Может, бабок позвать? Тут в сенях, я мигом...

Но Смеяна покачала головой.

– Не хочу я никаких бабок, – с тоской ответила она. – Никого я не хочу... У меня вот здесь... – Она положила руку на грудь и сжала кулак, будто хотела удержать что-то. – Царапается... Рвется, на волю рвется...

– Кто? – шепнула Веселина, думая, не о младенце ли Смеяна говорит.

– Душа моя лесная! Рысь моя! Боюсь я ее! А то родится... Я его во сне вижу – маленький котенок пятнистый, головка вот такая, глазки зажмурены, ушки прижаты, а зубы... Зубы острые...

– Не родятся с зубами... – возразил Баян, но на его смуглом лице был ужас, говоривший, что он этого рысенка видит не хуже самой княгини.

– Не может этого быть! – как заклинание, сказала Веселина, но сама не очень-то верила. – Не бывает так. Все уладится... И корова наша вернется... И... Как весна придет, так вернется...

И сама испугалась при этих словах: а вдруг без коровы не будет весны?

– Слушай! – Княгиня вскинула голову от подушки и крепче сжала ее руку. – Ты лучше меня все знаешь. Не зря на тебя Зимний Зверь кидался и Вела тебе показалась. Не другому кому, а тебе! Ты все правильно про Громобоя думаешь. Пусть он... Если говорят, что он сын Перуна, значит, он... Мы – лесные звери, мы ничего не можем. А он – сын небесного бога, у него дорога в небо есть. Он и не знает, а она есть. Пусть думает, пусть ищет. Пусть ищет! – с мольбой повторила княгиня, тревожно глядя в глаза Веселине. – А не то рысенок родится. Я не хочу рысенка. Я человечка хочу. Пусть я – зверь лесной, но только пусть он человеком будет. Иди, скажи ему! – Смеяна порывисто оттолкнула руку Веселины. – Иди и скажи! Пусть он ищет... Он может, ему сила дана... Я боюсь его... Велес во мне боится, зверь лесной боится грома небесного... Только пусть он сделает что-нибудь, я не за себя прошу, за *него*, за моего... Иди, иди!

Княгиня говорила с лихорадочным беспокойством, ее глаза заблестели каким-то нехорошим желтым блеском. Веселина поднялась, чтобы не раздражать ее, а в глубине души шевельнулся страх. В княгине Смеяне жил лесной зверь, и теперь, когда зимние чудовища получили волю, он тоже рвался на свободу. И Смеяна ничего не могла с ним поделать.

Баян взял Веселину за руку и потянул к двери.

– Пусть полежит, – шепнул он уже на пороге. – А я тут...

В просторных верхних сенях сидели девушки и несколько отроков из младшей дружины, болтая шепотом; при виде выходящих Баяна и Веселины они умолкли и настороженно посмотрели на них. Баян сделал свирепый знак бровями и даже оскалил зубы, словно грозил загрызть болтунов. А кое-кто с ужасом глянул за дверь горницы: в их представлении зверь был там.

– А что князь хочет сделать? – вполголоса спрашивала Веселина по пути в нижние сени. – Зачем он Громобоя звал?

– А мы почему знаем? – Баян пожал плечами. – Он на меня до сих пор сердит за то катанье, как будто я виноват, что Зимнему Зверю приглянулся. А может, и правда: не я, а ты ему приглянулась. А я только так, рядом случился...

Дойдя до нижней ступеньки, Баян остановился и обернулся, не снимая руки с перил. Веселина отстранилась, потому что он загородил ей дорогу, и улыбнулась: даже сейчас он оставался верен себе.

– Где князь-то? – спросила Веселина, стараясь его обойти.

Баян кивнул на двери гридницы.

Как наш князюшка по гриднице похаживает,
Он сапог-то об сапог да поколачивает,
Он руками-то могучими размахивает,
Сам такие речи поговаривает:
«Уж как вы моя дружинишка хоробрая,
Уж вы мои бояре-то честные...»

– запел он по пути через нижние сени к крыльцу.

Веселина заглядывала ему в лицо, стараясь угадать, почему он поет: прячет тревогу или с него все как с гуся вода? Все, что происходило вокруг, скользило по поверхности его души, не проникая вглубь. Он просто знать не хотел никаких бед, даже после того как встретился с ними лицом к лицу. Жизнерадостность и легкомыслие составляли его счастье: он твердо верил, что как-нибудь все образуется, и потому ни о чем не тревожился всерьез. Совсем недавно Веселина была такой же, и на миг она позавидовала Баяну. Сама она больше не могла жить с закрытыми глазами, и все эти заботы были так тяжелы, что она уже изнемогала под их грузом.

Глава 4

В Кузнечном конце с утра застучали молотки, и праздничный запах пирогов сменился едковатым дымом, медленно ползущим из окошек кузниц.

– Ну, жизнь пошла! – приговаривала вдова Пепелюха, семена с коромыслом к проруби. – Зима на мороз, а солнце на лето! Посветлеет скоро, все веселей!

Тетка Ракита поначалу была довольна: ее мужчины ушли в кузницу самыми первыми и подали знак к началу работы всем остальным. Хлопоча по хозяйству, она прислушивалась к железному перестуку в кузнице, и привычные звуки радовали, успокаивали, настраивали на обычный порядок. Но к обеду она забеспокоилась. Подавая на стол, Ракита вопросительно поглядывала то на мужа, то на старшего сына. Оба выглядели обыкновенно: в меру усталые, в меру довольные. И все. А вчерашнее как будто примерещилось глупой старухе!

– Что-то непохоже, чтобы они куда собирались! – шепнула Зарина матери.

– Ты, сокол, идти-то думаешь? – наконец не выдержала Ракита, когда Громобой после лапши и каши с той же охотой принялся за овсяный кисель. – Или память отшибло?

– Да ну его, ходить! – невразумительно пробурчал Громобой, не поднимая глаз. По его помрачневшему лицу было видно, что ничего-то он не забыл. – Чего пристали? Работать надо. А то без хлеба будем.

– Ишь, заботник ты наш! – Ракита уперла руки в бока, живо настроившись спорить.

– Надо идти! – подала голос Зарина. – Ведь сам князь велел.

– Вот и я ему говорю! – добавил Смиряка. – Сходил бы уж, раз звали, ноги-то не отвалятся.

– Да ну их всех к лешему! – отрезал Громобой. – Чего сразу я? Как бревна на стену таскать – я, где кого побиили – я, где тын завалился – опять я, мимо шел, плечом задел! Что я, Святогор, что ли? Один за всех поворачиваться должен? Уж я им один раз говорил...

– То-то и оно, что говорил! – вздохнула Ракита. – Один раз тебя звали добром, второй раз зовут, а в третий позовут уже не добром. Насидишься в яме! Не дразнить бы тебе волков. Пошел бы ты к князю, хоть узнал, чего хочет! Отец, а ты что молчишь? – напустилась Ракита на мужа, видя, что от Громобоя ей ответа не дожидаться. Все семейство хорошо знало у него это замкнутое выражение лица и нарочито хмурый взгляд исподлобья, при которых упрямство его было крепче каменной горы. – Хоть бы он тебя послушал! Мать старая, глупая, что говорит, что пестом стучит – чего ее слушать! Наш сокол сам умный-разумный!

– Да ладно тебе! – с досадой огрызнулся Громобой и бросил деревянную ложку на стол. – Ну чего я к нему пойду? Чего я там сделаю? Что я им, пастух достался? Нанимался коров краденых искать? Он мне скажет: иди на Костяника! А что с ним сделаешь-то? Видел я вчера этого Костяника, чтоб его перекожеило! Голова под облака, а шеи нету! На него не сила нужна, а умение! Его ни кулаком, ни мечом не возьмешь! Поди-ка с мечом против метели! Пусть бы князь сам шел, раз такой умный! Пустое дело!

– Пустое! – поддержал Долгождан, старший из родных сыновей Вестима и Ракиты. Он и раньше был согласен с Громобоем, но молчал из уважения к матери. – Князю надо кого-то найти, чтобы народ успокоился, вот он и нашел. Вот вам, дескать, сын Перуна, с него и спрашивайте. А чтобы самому пойти Буеславов меч поискать, и в мыслях нет!

– Так Вела же велела! – напомнил Смиряка. Он не мог забыть Веселины, ее странно изменившегося лица и сбивчиво-многозначительной речи. – Что, дескать, Громобой должен...

– Мы у нее в долг не брали! – возмущенно отозвался Долгождан.

– Так что скажешь, отец? – не отставала Ракита.

Вестим тяжело вздохнул. Он не любил вступать в споры между женой и старшим сыном, которые по упрямству стояли друг друга, но если их спор заходил в тупик, что случалось почти

всегда, решать приходилось ему. Обычно житейская правда была на стороне Ракиты, но Вестим хорошо помнил, как нашел новорожденного мальчика в стволе разбитого дуба. Трудно поверить, что этот вот парень, легко достающий до потолочных балок и в двери проходящий боком, и был тем самым младенцем, которого он нес из леса, завернув в свиту. Ракита не видела младенца в обугленном дупле, а Вестим видел, и остатки давнего потрясения, осознания, что перед ним – дитя самого бога, доверенное его воспитанию, всегда жили в его душе. Глядя в хмурое, упрямое лицо Громобоя, Вестим с трудом собирался с духом для возражений. «Кто ты такой, кузнец посадский, чтобы учить сына Перуна? – шептал голос из глубины души. – Он лучше вас всех знает, как ему быть». Вот только в том беда, что знание его где-то в небе, а жить приходится на земле.

– Сходить бы надо! – все-таки выговорил кузнец. – Уж если князь звал – не комар, не отмахнешься!

Громобой молчал, и угрюмая решимость на его лице была такой несокрушимой, что даже лоб, полуприкрытый рожими кудрями, казался отлитым из меди.

Несколько мгновений в избе стояла тишина.

– Ох, дожدهшься ты! – с отчаяньем предрекла наконец Ракита. – Князья и не такие дубки обламывают! Один раз он тебя звал в дружину добром, второй зовет. А ты все упираешься! Дождешься! Ты упрямый, да и наш Крушимир – тоже не мед липовый! Рада бы курица нейти, да за крыло волокут!

Сила ломит солому, но капля камень долбит. После полудня Громобой неохотно, нога за ногу, брел по улочкам детинца вверх, направляясь к князьему двору. Ракита все же уговорила его, «заела», как выразился он сам, выходя в сени и уже на дворе вдевая в рукав полубубка вторую руку. Сходи да сходи! Громобой отлично осознавал всю меру правды, которую содержали рассуждения родных, но все-таки к детинцу он сам себя тащил как на веревке. Ему нестерпимо досадна была мысль, что он все-таки поступает так, как хотели от него все – и Веселина, и князь Держимир, и Ракита, и даже Вела. Короче, весь белый и небелый свет, кроме него самого. А Громобой не выносил подневольности. Если бы Перун хотел, чтобы он служил князьям, то и в стволе громобоя его нашел бы не Вестим, а сам старый князь Молнеслав. Не жди, пока дружину пришлет! Честно говоря, Громобой предпочел бы иметь дело с дружиной. Вон, кстати, и оглобля подходящая валяется... Но Ракита была все равно что житейски умная часть его самого, и на этот раз Громобоем не удалось ее переспорить.

– Ты ему так все и скажи, – сочувственно советовал ему Долгождан, не меньше самого Громобоя раздосадованный этой уступкой и вышедший его проводить. – Если князю дружины мало, пусть своего брата ненаглядного пошлет. Сокол-то удалой одним криком любое чудюдо побивает.

Громобой молчал в ответ и даже не очень прислушивался. Он никогда не думал заранее, что и как будет делать.

* * *

Выйдя во двор, Баян повел было Веселину к ожидавшим коням, но она остановилась.

– Хватит мне кататься, не княгиня. Пройдусь лучше.

Ей хотелось обдумать то, что она здесь слышала, неспешно бредя по улицам, и лихая езда на княжеской тройке ее больше совсем не прельщала. И впервые в жизни ей хотелось остаться одной.

– Давай я с тобой. Ну хоть до Щитных ворот! – попросил Баян, видя, что она хочет отказаться. – Думаешь, мне весело там сидеть? – Он вдруг что-то вспомнил и помрачнел. – Я тебе еще что расскажу... Видела, как ее леший корежит? – Баян мотнул головой в сторону терема, имея в виду княгиню. – Тогда, утром, как Зимний Зверь хотел солнце пожрать, собаки

завыли... А в нее как леший вселился: визжит, о стену бьется, руки себе кусает. Девки от нее бегом прочь, вопят, я хотел подойти – она меня так швырнула, что я к стене отлетел... Чего смеешься, не вру! Синяк на все плечо, не на улице, так показал бы... Держимир ее едва-едва унял, а она ему чуть глаз не выцарапала. Не видела вчера у него царапины на лбу? Уже поджило, а то он до Велесова дня со двора не показывался. Это все она... рысь. Как Зимний Зверь показался, так ему все и откликнулось. И правда поверишь, что у нее котенок с зубами родится. Пятнистый такой...

– Да ну тебя! – невежливо отмахнулась Веселина. – Накличешь еще!

Баян не обиделся, а только вздохнул. При всем его легкомыслии он любил и брата, и его жену и вовсе не хотел, чтобы их ребенок родился лесным зверьком.

Они вышли за ворота. Казалось, только-только миновал полдень, а уже темнело, воздух был серым, и серое облачное небо низко, тесно нависало над землей. Снег поскрипывал под ногами, мелкие сухие снежинки покалывали лицо. Маленькая внутренняя площадь детинца, на которую смотрели боярские дворы, была почти пуста, только холопы волокли в ворота воеводы Добромира волокушу со здоровенной бочкой воды, а соседские, боярина Угрюма, подшучивали над их лошадь. Красные резные ворота Перунова святилища, что стояло прямо напротив княжеского двора, были закрыты; огромный священный дуб, видный над тыном, дремал, не шевеля ни одной веткой. Снег засыпал его, и казалось, сама душа Перунова дерева ушла в небесные заоблачные леса, а здесь осталось только бесчувственное тело в глухом доспехе коры.

– Да, я тут слышал кое-что! – За воротами Баян отвлекся от тревожных мыслей, оживился и значительно подтолкнул Веселину в бок. Она обернулась к нему. – По городу слух идет, будто тебя за кузнеца какого-то посадского сватали? – Баян подмигнул. – А ты вроде как не пожелала? Правда это?

– Похоже на правду, – неохотно ответила Веселина. Ей сейчас совсем не хотелось вспоминать о злосчастном сватовстве Беляя. – Глупости только выдумывают! Какие уж теперь свадьбы?

– И правильно! – одобрил Баян и опять подмигнул. Причину ее отказа он понимал по своему. – Не выходи за мужика посадского, я тебе получше жениха найду!

– Да ну! – недоверчиво отозвалась Веселина, поддерживая эту игру скорее по привычке, чем из желания. – Ты найдешь, как же! Дождешься от тебя!

– Не веришь? Да хоть завтра! – воодушевился Баян. – Любого у меня в дружине выбирай! Плохих не держим! А хочешь, – он приобнял ее за плечи и склонился к самому ее лицу, – сам посватаюсь?

– Да ну тебя! – уже с досадой повторила Веселина и отстранилась. – Не болтай! У меня брата хоронят, а ты...

Она замолчала, заметив, что Баян ее не слушает, а смотрит мимо, куда-то на нижний край площади. Там, где на площадь детинца выходила улица, называемая Посадский Воз, стоял Громобой. Узнав его, Веселина внезапно испугалась и ахнула.

– Он, что ли, за тебя сватался? – Баян мельком глянул на нее и, не дождавсь ответа, двинулся вперед.

– Что ты, нет! – крикнула Веселина ему вслед и тут же заметила, что и Громобой идет навстречу Баяну.

– Долго ждать тебя приходится, Гром Громович! – задорно окликнул Баян. – А мы уж хотели за тобой посылать. Думали, дорогу позабыл. Или матушка не пускала?

– А ты встречать вышел! – неприветливо отозвался Громобой. Смуглый, с длинной черной косой, с блестящими угольными бровями и бездумной белозубой улыбкой, князев брат вдруг показался ему таким чужим и неприятным, что даже смотреть на него было противно. – Без встречальщиков обойдусь! Тебе-то не до того – за всеми девками бегаешь, небось ноги

уже стер по колени! Нет бы князю тебя на Волка послать – ты ж одним криком любого зверя одолеешь!

Веселина застыла, не веря своим ушам: Громобой и раньше не отличался особой вежливостью, но это уже было чересчур! Во всех воротах уже толпился народ, с княжеского двора показалось несколько отроков.

– Да ты мухоморов объелся! – ошарашенно воскликнул Баян, скорее изумленный, чем возмущенный. Сам он редко с кем-то ссорился и не мог понять, ради чего Громобой так явно нарывается на ссору. – Кулаки с молоток, а голова – пустой горшок! Тебя от невестиных ворот проводили, а ты теперь на людей кидаешься! И поделом тебе! Такому вежливому не до девок: ступай в лес и там с медведицей обнимайся!

Веселина поспешно догнала Баяна и взяла за локоть, словно пытаясь удержать. Замкнутое, вызывающее лицо Громобоя напугало ее и внушило самые нехорошие предчувствия; ей хотелось как-то побыстрее развести противников в разные стороны, но своим приближением она только ухудшила дело. При виде ее встревоженного лица Громобой вдруг ощутил такую ненависть к Байан-А-Тану, что захотелось разом стереть его в мокрое место!

– Я тебя научу за нашими девками бегать! – многозначительно пообещал Громобой и тут же, шагнув вперед, быстро и точно ударил Баяна в челюсть.

Сила удара была такова, что Баян, ничего такого не ждавший, не успел от него уйти, и кулак Громобоя отшвырнул его на несколько шагов назад. Падая, он чуть не опрокинул стоящих позади отроков, но кое-как они сумели его подхватить. Раздался дружный крик, изумленный и возмущенный разом; Веселина взвизгнула; двое отроков поддержали Баяна, а остальные, трое или четверо, разом бросились на Громобоя.

В следующий миг они уже летели в разные стороны, как сухие листья. Сейчас его одолела бы разве что сотня. Никогда еще Громобой не переживал такого буйного воодушевления, такой дикой ярости, которая удесятерила все силы, такой жажды схватки. Казалось, вот только что он плелся к детинцу нога за ногу, убежденный, что не хочет искать драки ни с зимними чудовищами, ни с кем-то другим, а хочет только вернуться в кузницу и спокойно заниматься своим делом. Он себя обманывал; уже много дней, с самого затмения, впервые напугавшего Прямичев, в нем зрело сознание, что именно ему-то и предстоит избывать беду, а вместе с сознанием созрели и силы. Споря с Веселиной, с матерью, со всем белым светом, он и сам в глубине души был убежден, что от битвы ему никуда не деться. Но он слишком плохо представлял себе эту битву, и оттого сами мысли о ней казались нелепыми. А силы копились; он пытался жить как жил, но не вышло: задавленная битва отомстила, прорвалась в самое неподходящее время.

Нет, Баян сам был виноват! Когда Громобой вышел на площадь и увидел у княжеских ворот его, черного, как навь, с грачиным носом, а рядом с ним Веселину, белую и румяную, как солнышко, с мягкими кудряшками на лбу, выбившимися из-под платка, все его глухое томящее раздражение обрело причину, а тем самым нашло и выход. И он бросился на Баяна как на виновника всего; того виновника, на поиски которого его, Громобоя, посылают «туда, не знаю куда».

И вот сейчас Баян сидел на земле, держась руками за свою черноволосую голову; вид алой крови на белом снегу еще больше разъярил и раззадорил Громобоя. Он был даже рад, что княжеские отроки набросились на него целой толпой; жажда битвы бушевала в нем, как гроза. Он должен был дать выход этой дикой силе, иначе она задушила бы его; правы были все те, кто подозревал в нем эту силу и требовал применить ее для общего блага. А теперь она пошла вразнос, каждый удар доставлял ему дикую радость. Хотелось, чтобы отроков было больше и больше, чтобы они лезли валом, чтобы ему было куда девать свою кипящую мощь, которая уже не помещалась внутри него. Вся многолетняя выучка отроков оказалась бесполезна перед кипением этой стихийной силы, и они разлетались по двору, не понимая даже, как это случается.

В детинце поднялся шум, отовсюду сбегался народ, истошно вопили холопы, в ужасе визжали женщины. С княжьего двора поспешно выбегали все новые отроки, полуодетые, вооруженные кто чем, не понимающие, что происходит: не то мятеж и смута, не то новое буйство нечисти. Не Зимнего ли Зверя бьют там, на площади перед Посадским увозом? Уже бежала и челядь с дубьем, но пока не решалась вступить в схватку. Разъяренный Громобой казался злым духом в человеческом обличье. Вот он где, Зимний Зверь!

Перед глазами Громобой остро заблестели наконечники копий: отроки поняли, что голыми руками им его не взять. Как медведь, осаждаемый лающими собаками, Громобой постепенно отступал к воротам Перунова святилища. Не оглядываясь, он чувствовал, что пятиться больше некуда, но это его не беспокоило; он ни о чем сейчас не думал, будущее существовало для него не дальше следующего удара. А отроки, видя, что он уперся спиной в ворота святилища, разом кинулись, норовя прижать его к воротам и свалить. На свою беду, один из них на полшага опередил остальных, а Громобой вдруг сам подался вперед. Схватив отрока за пояс и за плечо, он рывком поднял его над собой и, как бревно, швырнул на других. Все кубарем полетели под ноги товарищам, а Громобой вдруг спиной ощутил позади себя пустое пространство.

– Сюда, живее, гром тебя разрази! – рявкнул грозный голос, и Громобой попятился.

Перед его глазами мелькнули две широкие спины младших Перуновых жрецов, закрывавших ворота. Опомившись, Громобой обнаружил себя стоящим перед закрытыми воротами и не сразу понял, откуда они взялись – как будто с неба упали, отгородив его от всех противников. Он совершенно забыл и про святилище, и про княжеский двор, и вообще забыл, с чего все началось. С двух сторон на него смотрели изумленные и отчасти растерянные лица младших жрецов, но и он не меньше был изумлен, не понимая, как сюда попал.

– Отвори! Отворите! Отдайте! – раздавались крики из-за ворот, но звучали они недружно и без особой уверенности.

Позади послышался отчасти знакомый звон. Громобой обернулся и увидел Знея с его звенящим священным посохом, знаком власти верховного волхва.

– Вот ты ко мне и пришел, сын Грома, – с каким-то мрачноватым торжеством сказал Зней. – Я же тебе говорил: все равно придешь. И не захочешь, а все равно придешь. Ведет тебя твой отец небесный, и мимо него тебе дороги нет.

Громобой провел ладонью по лбу. Он был весь мокрый, но теперь вдруг стал зябнуть. Постепенно осознавая случившееся, он все больше дивился собственному буйству: ничего такого с ним раньше не бывало. Конечно, ему и в прежние годы случалось иной раз разойтись в поединках посадских концов, когда вся ватага парней-кузнецов идет на кожевников или гончаров; и раньше бывало, что он унимался не прежде, чем все бойцы супротивной ватаги лежали, знаменуя тем самым, что бить больше некого. Но чтобы расшвырять княжескую дружину... И самому княжескому брату в зубы съездить... от всей широкой души... Громобой осторожно несколько раз сжал и разжал ободранные кулаки, пошевелил плечом, словно проверяя, он ли это, оставил ли его злой дух, его руками все это натворивший...

Перун... Отец небесный... Упоминание священного имени сейчас казалось неуместным и нелепым. Перун, может быть, спас от неминуемой расправы своего непутевого сына, но не Перун толкнул его на это безобразие, никак не Перун! Это кто-то другой постарался... Ох, добраться бы до этого «другого»!

* * *

Недолго постояв перед закрытыми воротами святилища, народ стал расходиться. Двое отроков подняли с земли Баяна и повели на княжий двор: от сильного удара у него кружилась голова и в глазах было темно. Кровь из разбитых губ срывалась с подбородка и густыми темно-

красными каплями падала на промерзшую землю. Перепуганная ключница шепотом бранилась и приказывала дворовым соскрести кровь с земли, чтобы княжича не сглазили.

Все произошло так быстро, что Держимир только и успел, заслышав шум перед двором, спуститься из горниц жены и уже в сенях наткнулся на брата. Увидев Баяна, с пятнами крови на груди и с перекошенным лицом, князь застыл и вытаращил глаза, ничего не понимая. Шум на площади и разбитое в кровь лицо Баяна не вязались у него в голове – настолько невероятным было то, чтобы кто-то из прямичевцев поднял руку на любимого княжьего брата!

– Ты что? – изумленно выговорил Держимир. – С коня, что ли... навернулся?

Баян молчал, кривясь от боли и пытаясь сообразить, не сломана ли челюсть и все ли зубы на месте.

– Что такое? – Князь окинул отроков настороженно-вопросительным взглядом, в котором уже разгорался гнев. – Что там, леший подери?

Но они молчали: ни у кого не поворачивался язык рассказать, как было дело. В гриднице Баяна посадили на лавку; сенная девушка сунула ему в руки полотенце, и тот осторожно провел им по подбородку, потом скривился и с явным отвращением посмотрел на кровь, оставшуюся на полотне.

В гридницу вбежала молодая жена Баяна Томислава, всплеснула руками и запричитала.

– Ой я бедная, горемычная! – вопила она, сжимая голову ладонями и покачиваясь, так что ее расшитые золотом широкие зеленые рукава мотались, как березовые ветки на ветру. – Все гуляешь ты, вот догуляешься! И голову-то сломишь, за чужими девками бегаючи! Во вдовах горьких я останусь век вековать! Ой, матушка родная, погубила ты меня, что за такого мужа выдала непутевого!

Вслед за ней вошла и Смеяна. Чутье ей подсказало, что тут случилось что-то нехорошее; одета она была кое-как, из-под второпях напяленного повоя висели прядки рыжих волос. И увиденное тут же подтвердило ее опасения: Баян сидел на лавке, как-то странно сторбившись, и прижимал к подбородку полотенце. На белой ткани тревожно краснели размазанные пятна свежей крови. Смуглая кожа Баяна побледнела, на висках проступили зеленоватые тени, крупный нос стал казаться еще больше, все лицо стало злым и некрасивым.

– Да кто же тебя так? – ахнула княгиня и бросилась к нему.

В голосе ее было не меньше изумления, чем сострадания – она тоже не могла вообразить, что веселый Баян возбудил в ком-то такую сильную вражду. Удрученное молчание и вытянутые лица отроков говорили о том, что ни конь, ни другие животные тут не виноваты.

– А ты зачем вышла? Зачем встала, кто тебе велел? – накинулся князь на жену. – Да уймись хоть ты! – рывкнул он на невестку, и Томислава, как самая в семье послушная, умолкла на полуслове. – Как по покойнику причитает! Сдурели вы все разом! Что тут происходит, леший вас во...

Но тут даже князь прикусил язык: при всей своей несдержанности он слишком боялся за жену и даже в гневе не мог послать ее к лешему, который вполне мог забрать ее вместе с будущим ребенком.

– Что стряслось, я вас спрашиваю! – Держимир окинул отроков нетерпеливо-злым взглядом. – Языки проглотили? Дозор, хоть ты скажи! Ну!

– С кузнецом он подрался! – отозвался наконец Дозор, один из самых старших оружников. – С Громобоем, Вестимовым сыном.

– Как это – подрался? – Держимир не сразу смог уразуметь значение этих простых, но невероятных слов и потому казался почти спокойным.

– Что там? Кости целы? Зубы? Из носу кровь не идет? Челюсть не сломал? – тем временем расспрашивала Смеяна, отобрав у Баяна полотенце и осторожно ощупывая его лицо. – Скажи чего-нибудь! Говорить можешь?

– Да нет вроде, – невпопад ответил Баян, имея в виду вопрос насчет сломанных костей, но княгиня осталась очень довольна ответом. – Зубы вроде все. Сидят крепко, – добавил он, пробуя зубы языком, и попытался усмехнуться, но скривился от боли. – Чтоб ты сдох, леший!

Со вздохом облегчения княгиня обняла его черноволосую голову и прижала к себе. Баян спрятал лицо у нее на груди и стал ждать, что боль уймется. Велес вложил в свою внучку столько стихийной жизненной силы, что одним прикосновением рук она лечила успешнее, чем мудрые старухи травами и заговорами.

– Что случилось-то? – Поверх головы Баяна Смеяна с тревожным любопытством оглядела отроков. – Что за драка? Ты чего говорил, Дозор? Про Громобоя? Это он?

– Да ни с чего! – растерянно ответил кто-то из отроков. – Громобой-то к нему подошел и говорит: «Ты чего к нашим девкам подбираешься?» Как будто только сейчас увидел! А Баян ему: «А ты мне не указ!» Вот и все...

– Он же вроде за нее сватался... Там Веселина была Хоровитова, с Велесовой улицы, – не самым внятным образом добавил еще кто-то. – А теперь он ее с ним увидел – ну и обида взяла...

Томислава опять запрочитала вполголоса, Смеяна вопросительно оглядывала остальных, но все кивали или пожимали плечами. Разговор Громобоя и Баяна перед дракой помнился очень смутно, поскольку ничего значительного в нем сказано не было. А плоды недолгого происшествия казались громом с ясного неба: брат князя побит на глазах у дружины, а обидчик скрылся в Перуновом святилище.

Уразумев, как было дело, князь пришел в такую ярость, в какой его не видели очень давно.

– Где он есть? Холоп, мужик посадский! На моего брата! Рыло немытое! Сюда его! В землю вобью! – неразборчиво и свирепо выкрикивал Держимир, то сжимая, то разжимая кулаки. – Собачий сын! Как посмел! Почему не привели?

Глаза князя горели черным огнем, брови дергались вверх-вниз, мелкие шрамы на висках налились кровью. При виде этого каждый понял бы, почему прямичевского князя прозвали когда-то Крушимиром. Сейчас он был готов голыми руками свернуть шею обидчику.

– В святилище он Перуновом, – ответил Дозор. – Зней его к себе забрал.

– Сюда его, ко мне! – требовал князь, и на его лице отражалась такая свирепая ярость, что всем вокруг было страшно. Он даже не вслушался в полученный ответ. – Где он есть? Чтоб сейчас передо мной был!

– Да как же его взять? – отозвался Дозор, поскольку никто другой не смел подать голос. – Говорю же: Зней его забрал к себе. Оттуда его не взять. Из святилища-то.

– Как это – Зней забрал? – Держимир постепенно осознал смысл слов, но ни имя Знея, ни название святилища не способны были укротить его яростный порыв. – Куда забрал? Да как он посмел? Я его не из святилища, я его из-под земли достану и в клочья порву!

С этими словами он стремительно бросился из гридницы во двор, и большинство отроков по привычке всегда быть рядом потянулось за ним, хотя многим было страшно подумать, во что выльется ссора князя с волхвом. Зней ведь впустил Громобоя в святилище не затем, чтобы выдать князю, а Держимир никогда еще не отступал.

– Разнесет, – заметил Баян ему вслед.

Сейчас он уже скорее удивлялся тому, что посадский парень его ударил, чем злился. Ни к кому не питая злобы или вражды, он ни от кого не ждал враждебного отношения к себе.

– Пусть разнесет, – сердито ответила Смеяна. Сейчас она была похожа на кошку, у которой пытались отнять котенка. – По-другому он не уймется. А тому рыжему и поделом!

– Я бы тоже не унялся, – обиженно буркнул Баян и еще раз с осторожностью подвигал нижней челюстью. – Если бы ему кто ни с того ни с сего в зубы копытом. Сдурел парень! А зубы потом метлой мести придется...

Беседа князя Держимира со Знеем велась через закрытые ворота, поэтому получилась достаточно громкой. Слухи мгновенно скатились вниз по Посадскому увозу и разлетелись по всем концам Прямычева. В Кузнечном конце началось волнение. Женщины причитали, мужчины переглядывались, молчаливо спрашивая друг у друга совета. Парни собрались кучкой, но только переминались с ноги на ногу: уже лет восемь Громобой был их вожаком, но святилище – единственное место, откуда они никак не могли его выручить. То и дело кто-то бегал в детинец за новостями или прибегал оттуда, то и дело прежние слухи сменялись новыми. То говорили, что Громобой все-таки взят княжеской дружиной и посажен в поруб, то вдруг приходила весть, что за обиду своего брата князь наложил виру на весь Кузнечный конец. В этом не было ничего удивительного, но числа при этом назывались страшные – то сорок гривен, то восемьдесят, что превышало годовые подати со всего Кузнечного конца.

– Поди, отец, поди! – причитала Ракита. – Узнай, где он хоть, твой жеребец непутевый!

– Не ходил бы ты, Вестим! – одновременно советовал осторожный Овсень. – Как бы и тебе под горячую руку в поруб не ссыпаться. Знаешь ведь, к кому идешь. До завтра-то он поостынет...

И даже назвать князя по имени Овсень боялся, как боялся упоминанием призвать нечисть. Князь Держимир в гневе был немногим лучше Змея Горыныча.

– Иди, иди! – настаивали другие. – А то сейчас дружину пришлет, всех подряд похватают, да всех в поруб! Хорошо, если весь конец не спялят! Ты у нас старший – иди, разговаривай. Скажи, что мы к тому буйству непричастные и княжий род завсегда уважаем...

– Вот, помню, в тот год, когда Молнеслав княжить начал... – заводил какой-нибудь старик.

Но на него досадливо махали руками: кровавые и смутные события полувековой давности не хотелось вспоминать, как не хотелось допустить мысли, что нечто подобное может повториться.

– Ой, пропал сын, пропадет и муж у меня! – вопила Ракита, уже забыв, что сама вытолкала Громобоя на княжий двор чуть ли не силой. – Посадят моего старика, с него все взыщут! Ой, Матушка Макошь, Перун Праведный! Улада Благодетельница!

– Сама ведь Громобоя к князю посылала! – отворачиваясь, ворчал Долгождан, ее старший родной сын. – Весь день гудела!

– Посылала-то не на драку! – шипела в ответ Зарина. – Кто его просил княжича бить? Хоть бы ты удержал! Глядел, рот разиня!

– Как же, удержишь его! – отвечал ей за брата Смиряка. – Кто бы сумел!

Стемнело, близка была ночь, но о покое оставалось только мечтать. Во всем Кузнечном и во всех соседских концах скрипели двери, поблескивали огоньки лучин, поскрипывал снег под ногами, тянуло дымом и слышались негромкие, возбужденные и приглушенные тревогой голоса.

– Да в святилище Громобой! – прямо посреди улицы рассказывал Солома, только что прибежавший из детинца. Несмотря на поздний час, его обступила плотная толпа мужчин, женщин, даже детей. – Сам Зней его укрыв и князю не отдает. Не отдам, говорит, сын Перуна тебе, княже, неподсуден! Говорит, он должен Перуну служить, а не тебе, потому его Перун сюда призвал, а тебя наказал, что ты его против судьбы хотел толкнуть! Во как сказал!

– А князь что?

– А князь что? Ну что... Из святилища-то он не возьмет.

– Зней не отдаст! Уж сказал, так это как гора каменная! – обрадованно говорили одни.

– А нам-то за него теперь отвечать? – возмущались другие. – Его Зней укрыв, а нас кто укроет?

– А ему теперь так до седых волос в святилище сидеть? – вздыхали женщины. – А про виру-то правда?

– Так князь сказал, – удрученно подтвердил Солома, поскольку с этой новостью даже его веселый нрав ничего не мог поделать. – За обиду...

– Да мы за два года восемьдесят гривен не платим!

– Закон такой! – вздохнули старики. – Еще при князе Остромысле вече решило: если посадский князьего человека побьет, то платить десять гривен.

– Так десять! Не восемьдесят! – гудели кузнецы. – Нет такого закона, чтобы две годовых подати драть!

– А княжеских братьев бить закон есть? Ты мне скажи – есть?

До ночи кузнецы так и этак толковали, но идти к князю прямо сейчас духу не хватило. Лучше завтра. За ночь княжеский гнев хоть немного поостынет, а тем временем может явиться хоть какое-то средство поправить дело.

Наутро в посаде царило бурное оживление. Еще затемно к каждому из кончанских старост, богатых купцов или уважаемых стариков прибежали княжеские отроки с приглашением: князь хотел собрать как можно больше народа. За ночь его ярость уступила место твердой решимости во что бы то ни стало наказать дерзкого кузнеца, посмевшего поднять руку на его брата. Держимир не был особенно честолюбив сам по себе, но очень высоко ценил и ревниво оберегал княжеское достоинство вообще. Обида всему княжескому роду и кровь обожаемого брата сделали его жажду расплаты такой решительной, что Громобой даже нарочно не придумал бы средства возбудить в князе более сильную вражду.

К Хоровиту тоже прибежал отрок из княжеской дружины. Но еще раньше явилась тетка Нарядиха.

– А правда, что говорят? – затараторила от порога. – Правда, что вашу Веселину за Громобоя просватали, а Баян ее чести лишить хотел? Правда?

– Да ты сдурела, кума! – Изумленная Любезна выронила из рук горшок, и остатки остывшей каши потекли по полу, к радости собаки и двух котов.

Трехлетний Взамен на четвереньках проворно подбежал к горшку вместе с ними и стал подлизывать кашу, оттирая пушистых товарищей, иногда мяукая для пущего сходства. Но никто из взрослых даже не заметил его проделок.

– Да кто же такую дичь несет?

– Люди говорят!

Оказалось, что так или примерно так говорят все окрестные улицы. Расходились в мелочах: одни считали, что Веселину просватали за Громобоя, другие – что не за Громобоя, а за его брата Долгождана. Не зря же он там рядом случился. Что? Он женат? Да нет, это другой брат женат. Да нет же, этот. Ведь что-то же такое там было! Зная любвеобильный и не слишком совестливый нрав Байан-А-Тана, никто из прямичевцев не находил подобный оборот невероятным. Его много раз видели на гуляньях с Веселиной, и разговоры о неудачном сватовстве Вестима в доме Хоровита опять вспомнились. Лада их разберет, кто там кого любит, но только в том-то все и дело! При одном упоминании Хоровитовой дочери собеседники начинали с жаром кивать, уверенные, что теперь-то они все понимают.

– Ох, народил девок! – горестно приговаривал Хоровит, сжимая руками голову и покачиваясь. – С одной-то наплачемся, а ведь еще две растут! Ох, Матушка Макошь!

– Ты хоть у князя-то расскажи, как было дело! – наставляла его Любезна. – Не бесчестил нас никто, пусть не болтают!

Но и после того как Хоровит рассказал у князя о неудачном сватовстве Баяна, слухи не прекращались. Повод к драке выглядел слишком легковесным и недостоверным.

– Что-то темнят! – украдкой перешептывались старейшины. – Дочку-то позорить жаль, известное дело! И князю-то брата выгородить охота, вишь, обрадовался! Что-то тут не так!

– Не так! – с горькой насмешкой воскликнул старик Бежата, услышав возле себя подобный же шепот. – А как вы хотели-то? Будто драки по-умному бывают! Смешно! Да какую драку ни возьми – глупая и есть! Дурное дело нехитрое!

Однако часть слухов оказалась недалеко от истины – та, что касалась виры за обиду. Князь поставил условие: или Кузнечный конец берется доставить ему самого Громобоя, или платит двадцать гривен. Кузнец, ударивший княжьего брата безо всякой вины, да еще и на глазах у дружины, подлежал строгому наказанию, с этим спорить не приходилось. Старейшины Кузнечного конца могли призывать князя Держимира не к справедливости, а только к милосердию. Даже разложенные на все двory, двадцать гривен были огромными деньгами.

– Дай срок, княже! – просили старики. – Хоть на полгода. Иначе не собрать. Не детьми же отдавать!

– Сроку вам три дня! – жестко отвечал князь. – Через три дня мои отроки будут у вас серебро принимать. Не хватит серебра – давайте зерном, полотном. Скотиной возьму, кузнечным товаром. Холопами возьму. Парень за пять гривен пойдет, девка за шесть. Сами решайте. Жребий мечите. А через три дня не представите все сполна – на четвертый возьму сам.

Прямичевцы знали своего князя, поэтому расходились удрученные.

– Работай на него теперь! – вполголоса бранились кузнецы по пути домой, стараясь не смотреть друг на друга. – Крушимир! Да хоть бы тому упырю черному вовсе шею свернули! Товаром возьмет! Смиловался! А жить мы чем будем?

Кое-кто из самых осмотрительных попытался было отослать сыновей и дочерей на время прочь из города, подальше от беды, но дозорные у ворот завернули сани оглоблями назад: князь не велел никого выпускать.

– Вот так вот! – возмущались неудачливые беглецы. – У себя дома как в полоне! Да когда ж такое было?

Прочие посадские жители тоже вздыхали. Каждому не так уж трудно было вообразить на месте Громобоя своего собственного сына или брата, а долг Кузнечного конца – своим собственным долгом.

– Это все за князя Молнеслава! – твердили старухи. – За то, что братьев погубил! Пропадем, все пропадем! Всех нас Зимний Зверь пожрет, Костяник закостенит! Гибель наша пришла!

Сразу после княжеского совета Нахмура и несколько других купцов зашли к Хоровиту. Им решение Держимира тоже не обещало ничего хорошего.

– Серебра у кузнецов нет, откуда им взять? – рассуждали купцы. – Значит, все, что за зиму наработали, князю пойдет. А мы-то чем торговать будем? С чем весной поедем? Лучше бы уж ему Громобой достался. И кузнецам, и нам всем легче бы было.

– Отдали бы вы им свою девку, когда сватались, – ворчал Нахмура, вдвойне недовольный, что его советов в этом деле не послушали. – Ничего бы и не было...

– Теперь, знамо дело, что толковать? – вздыхал дед. – Если бы да кабы...

– Мы за дураков не в ответе! – досадливо защищала дочь Любезна, с беспокойством думая, что женихов теперь поубавится. – Пусть болтают! Всех слушать – ушей не хватит!

– Ох, да о чем же вы говорите! – восклицала Веселина. – Батюшка! Да опомнитесь же вы! У нас нечисть по улицам гуляет, Костяник сколько народа погубил, а вы с князем ссоритесь, какие-то гривны считаете, про серпы толкуете! Разве об этом надо думать!

– Приходится и об этом! – отвечали ей хмурые старшие. – Тут тебе, краса-девица, не хоровод на Лелин день!

– Так ведь Зимний Зверь...

– Нам бы со своим зверем разобраться, а с Зимним уж потом как-нибудь! Не встревай, и без тебя в голове все путается!

Веселина уходила к себе за занавеску и там мучилась от беспокойства в одиночестве. Ни к какому делу не лежала душа, веретено падало из рук. Никто не хотел ее слушать, да она и сама не знала, как объяснить. Ничего хуже, чем поссориться, Громобой и князь даже нарочно не смогли бы придумать. Именно сейчас, когда в Прямичеве буйствует зимняя нечисть, когда на каждой улице есть убитые этой нечистью, те двое, на которых надеется город, передрались между собой! Все вокруг толкуют про какие-то двадцать гривен, про какой-то кузнечный товар, как на торгу! А про Зимнего Зверя и Костяника никто не помнит! Беспокоятся, что весной купцам будет не с чем ехать, когда весны, может быть, и вовсе никакой не будет! Эта беспомысленность, озлобленность, направленная не туда, ужасали Веселину, казались каким-то дурным сном, сквозь который вот-вот должна прорваться ясная и здравая явь, но не может, никак не может! За эти дни у нее как будто открылись глаза и она научилась видеть жизнь дальше, гораздо дальше завтрашнего дня. Это умение пришло к ней теперь, когда над всем будущим Прямичева нависла угроза, и вместо пользы приносило ей только лишний страх. Хотелось зажмуриться, спрятать куда-нибудь голову и ждать, что все само собой как-нибудь образуется... Но какой-то внутренний голос твердил ей, что само собой ничего не делается, что нужно что-то делать. Что? Этого она не знала, но внутренний голос не унимался, заставлял искать выход.

Под вечер второго дня к ней пробралась Зарина. Она прибежала украдкой, в темном платке, точно ей было опасно ходить по улицам.

– Помоги нам хоть ты! – плача, умоляла она Веселину. – Из-за тебя все затеялось! Ты его на Зимнего Зверя хотела послать, из-за тебя он и в драку полез!

– Кто же знал! – пыталась оправдаться Веселина и сама едва сдерживала слезы. – Я его вовсе не на Баяна посылала! Что ему в голову ударило, я совсем не виновата! Мы с ним перед этим виделись, он сам меня за Беляя уговаривал идти – кто же знал, что он меня с Баяном увидит и взбесится! Сколько раз видел – и ничего!

– То ничего, а теперь чего! Поди к нему, к княжичу! Попроси, чтобы он его простил! Пусть он князю скажет, что не сердится, тогда князь нас простит!

Веселина качала головой, совершенно не веря, что заступничество Баяна что-то изменит. Тот был незлобив и немстителен, уговорить его попросить за собственного обидчика было бы нетрудно. Но в этом деле князь едва ли его послушает.

– Княгиню попроси! – сквозь слезы умоляла Зарина. – Она тебя любит, она поможет!

Веселина вспомнила Смеяну: нет, той не до Громобоя! Но и совсем отказать рыдающей Зарине у нее не хватало духу.

– Ладно, пойду! – ответила она и потянула с гвоздя полушубок. Ее и саму что-то манило туда, поближе к происходящим событиям, к тому месту, где сосредоточилась сейчас, может быть, судьба всего племени. – Не реви!

Расставшись у ворот с Зариной, Веселина направилась к детинцу. Едва ли сам князь согласится ее слушать, но к княгине Смеяне она сумеет пройти. Нужно, чтобы хотя бы княгиня и Баян услышали ее: раздор между князем и Громобоем, между князем и городом, пойдет на пользу одному только Зимнему Зверю. Только Зимерзла и обрадуется, если столкнутся лбами те, кто должен бороться со Снеговолоком и Костяником.

А сыновья Зимерзлы были здесь: весь день, как и вчера, держался мороз, всю ночь выла метель, и идти по засыпанным снегом улицам было трудно. Следы от множества ног, проходивших за день по Посадскому Вozу, уже замела метель, и Веселина шла по нетронутomu снегу, как первый человек на пустой земле. Темнота уже сделалась привычной, немножко сероватого света в полдень стало лишь узеньким мостиком между двумя морями тьмы, одна ночь быстро переходила к другой, и казалось даже, что промежуток между ними продолжает сокращаться... Если бы князь понял, что только Громобой может здесь сделать, что-то такое, чего не заменят двадцать гривен... Он и сам не знает что!

Думать обо всем этом было так же трудно, как одолевать ногами сыпучий глубокий снег. Запутавшись, Веселина остановилась и подняла голову, стараясь отдышаться. Она была на площади детинца, там же, где вчера произошла эта странная, безобразная и беспричинная драка. Ворота княжеского двора и Перунова святилища молча смотрели друг на друга закрытыми створками.

* * *

Мстительный пыл князя Держимира поубавился бы, если бы тот узнал, что избежавший поруба Громобой в святилище чувствует себя не намного лучше. Остыв после драки и поняв, что Зней намеревается оставить его под защитой Перуна неизвестно на какое время, Громобой пришел в недоумение: что ему здесь делать?

– Пришел твой срок послужить Отцу Грома! – объявил Зней. – Я тебя всем премудростям обучу: будешь ты облакам повелевать, реки смирать, дожди заклинать. Тебе отец твой небесный великую силу дал, а если силу наукой подкрепить, то любое дело тебе будет по плечу. Такое, о каком другой и помыслить не смеет.

Громобоя это не слишком вдохновило: вообразить себя волхвом-облакопрогонником, заклинающим дождевые облака, он никак не мог. Пока же вся его служба выражалась в том, что ему доверили поколоть дрова. Вечер он провел скучно, а к ночи навалилась тоска, огромная и серая, как ночное облачное небо. Само святилище казалось каким-то ненастоящим. Впервые в жизни Громобой попал сюда зимой; у него было то же чувство, что и в тех нелепых снах, где заходишь в собственный дом, а видишь там все совсем другим и незнакомым. Он привык видеть Перуново святилище оживленным, под голубым летним небом, осененное тенью от огромной зеленой кроны священного дуба и полным разряженного народа. Летом, когда Перун правит небом, сюда во множестве приносили жертвы, сюда на Перунов день сходились для поединков парни и мужчины из посада и даже княжеские отроки. А теперь сюда сходилась один снег, но зато со всего неба. Именно в святилище больше, чем в любом другом месте города, ощущалось, как далеко до лета. Все казалось дурным сном, обманом. Никогда еще, во сне или наяву, Громобоем не случалось так безнадежно заблудиться.

Внутри хоромины было не лучше, чем во дворе. Там лежал гладкий черный валун, который служил зимним воплощением бога-громовика, поскольку олицетворял тучу; вокруг него в углублениях земляного пола были разложены восемь маленьких костров, и младшие жрецы день и ночь подкладывали в них сухие дубовые дрова. Отблески огня играли на поверхности валуна и казались единственными здесь признаками жизни. Дальше все терялось во мраке, и обиталище небесного Отца Молний выглядело мрачной пещерой.

Про этот камень рассказывали, что когда-то в века незапамятные сам Перун сбросил его с неба и тем указал древнему князю Прямычу, сыну Буеслава, где ставить город. В те времена здесь, наверное, было вот так же пусто, тихо и безжизненно. И сейчас казалось, что те древние годы вернулись, что вокруг святилища нет никакого города, а только снег, пустые заснеженные пригорки и дремучие спящие леса... Что все нужно начинать сначала на земле, где до тебя еще никто не нарушал младенчески бессмысленного покоя природы...

Нигде не находя себе места, Громобой без цели то слонялся по хоромине, то выходил во двор и прокладывал там широкие круги из следов, которые быстро засыпало снегом. И мысли его вот так же текли бесцельно, бессвязно и бесплодно. Делать ему было совершенно нечего, и подумать в безделии оказалось не о чем. Теперь-то уж никто не позовет его в кузню работать, за стол есть кашу или на улицу гулять. Не зайвится сюда Солома, большой любитель отлынивать от наковальни, и не позовет к Пепелухе играть в «колечко». Князь оставил на площади перед воротами дозор – со двора было слышно, как отроки переговариваются, как трещит их костер.

Конечно, причины для драки с Баяном не было никакой – поостыв, Громобой вполне это осознал. Что он, в самом-то деле, впервые узнал, что князев брат с Веселиной хороводится? Это всему городу известно, в том числе глухим и слепым. Да и пусть бы себе гуляла, хоть обгулялась бы, ему-то что? Громобой пожимал плечами, но где-то внутри продолжало сидеть беспричинное убеждение, что все изменилось и Веселине больше нельзя гулять с Баяном. Нельзя, хоть дерись! Но князю этого не объяснишь: он и слушать не станет, даже если Громобой попытается ему рассказать. Князь его никогда не простит. Громобой смотрел на ворота святилища, и они казались ему запечатанными навек, как ворота Велесова подземелья мертвых, что пропускают только в одну сторону. Выхода отсюда нет. Весь мир Громобоя сжался до пустого заснеженного двора со спящим дубом, и даже мыслью Громобой сейчас не мог проникнуть за этот высокий тын с черепами жертвенных коней на кольях. Там, за кольями и черепами, было море мрака. Бездна, и больше ничего.

«Что же ты со мной сделал, отец?» – мысленно спрашивал Громобой, глядя на спящий священный дуб. Ответа не было, но Громобой ощущал непроходящее беспокойство. На дворе и в хоромине его все время тянуло обернуться и посмотреть, кто стоит позади. Чей-то пристальный взгляд упирался в спину. Кто-то неслышно ходил за Громобоем, невидимо заглядывал в лицо и чего-то ждал. Его не покидало ощущение, что от него чего-то хотят, куда-то зовут. Если он был в хоромине, его звал дуб во дворе, но стоило выйти во двор, как зов начинал исходить от черного валуна в хоромине. Громобой бесился, чувствуя себя глухим или чужеземцем, к которому обращаются на незнакомом языке.

Весь следующий день Громобой провел все так же: то бесцельно бродил по широкому двору, то прислушивался к голосам за тыном, но ничего не мог разобрать. Святилище, стоявшее в самом сердце многолюдного города, казалось ушедшим в другой мир, и вести из мира людей сюда доходили плохо. Вспоминая родичей, Громобой вдруг сообразил, что именно с них-то князь и спросит за его вину, и эта мысль так его поразила, что он чуть не бросился за ворота прямо в руки отрокам. Зней едва удержал его, пообещав, что завтра пошлет жреца разузнать, что князь решил. Громобой неохотно согласился подождать до завтра и при этом чувствовал разочарование: ему было так нестерпимо сидеть здесь, что княжеский гнев не пугал.

Но еще до завтра, поздно вечером, когда Громобой мрачно сидел у огня, его окликнул один из младших жрецов:

– К тебе гости пришли. Выйди во двор-то.

Гости? Громобой в недоумении встал с места: не верилось, что кто-то пришел к нему сюда, как из мира живых в мир мертвых.

По пути на двор он с недоверием ждал увидеть кого-то из родичей, даже видел мысленно нахмуренного Вестима и раздосадованную, встревоженную Ракиту. Но перед закрытыми воротами стояла Веселина. Сумерки сгущались, но было еще достаточно светло, чтобы он мог ее узнать: ее беличью шубку, крытую синим сукном, ее красный платок, ее кудряшки на белом лбу. Громобой смотрел на нее, не зная, верить ли своим глазам. Вот этого он никак не ожидал!

– А ты-то чего здесь забыла? – вместо приветствия спросил он.

– Я к тебе пришла, – просто, как о самом понятном деле, ответила Веселина. – Поговорить.

Громобой молча смотрел на нее, будто пытался разглядеть все то, что она собиралась ему сказать. Под его неприветливым взглядом Веселина терялась и не знала, как начать. Громобой был так мрачен и замкнут, что казалось, самим своим видом заранее отвергал все, что она хотела ему предложить. И Веселина робела перед ним даже больше, чем недавно перед князем.

Нет, с князем говорить было легко. Она сказала ему все, что хотела: что Вела и Зимерзла толкнули Громобоя на эту бессмысленную и безобразную драку, что только Снеговолк и Костяник обрадуются, если князь засадит в поруб того единственного человека, который может их одолеть. И ни двадцать гривен, которые он хочет взять с кузнецов за обиду, ни даже сорок

не помогут одолеть зимнюю нечисть. Князь Держимир колебался: как человек умный, он видел правду в ее словах, но его упрямое самолюбие не позволяло простить обиду.

Спас их Баян: при всем своем легкомыслии он был достаточно умен, чтобы его иногда осеняли удачные догадки. «Поди к нему в святилище и скажи: пусть Зней у богов спросит, нельзя ли меч Буеслава отыскать и назад вернуть! – предложил он Веселине. – И если Громобой меч вернет и нечисть одолеет – мы его простим. А, брате, верно я говорю?» И князь Держимир согласился. Упоминание Буеславова меча и сейчас его не порадовало, но никакого другого способа спасти свой город и свою честь он не видел.

По пути из княжеской гридницы Веселина была счастлива, как будто уже одержала полную победу над всеми злополучиями нынешней зимы. В глухой тьме смутно забрезжил первый лучик света, ненадежный и неверный, но он обещал действие, движение – счастье по сравнению с той беспомощной растерянностью, в которой они жили уже столько несчитанных дней. Но теперь, когда она оказалась лицом к лицу с Громобоем, ее воодушевление и вера поугасли. Зрелище драки было живо в ее памяти, и при виде Громобоя в ней вспыхнул страх перед той огромной силой, что дремала в нем и даже ему самому была неподвластна. Его мрачное, замкнутое лицо казалось темной тучей, а его молчаливое недружелюбие подавляло Веселину. Ведь он ее, пожалуй, считает виноватой в том, что сам он оказался здесь! Станет ли он ее слушать? Сейчас она ему скажет про меч Буеслава, а он ответит: «Бред собачий! Сама со своим чернохвостым иди добывай!» Захочет ли он что-то делать? Ведь его упрямство не меньше его силы – если он не захочет, то его, как говорила Жаравиха, «оглоблей не собьешь».

– Ты знаешь, что Вела у нас корову забрала, – начала Веселина.

Громобой неопределенно хмыкнул.

– Так что я вам, пастух достался? – буркнул он, глядя куда-то в сторону. – Я скотину покраденную не нанимался искать.

Веселина вздохнула, стараясь не дать воли досаде и разочарованию. Тут есть от чего вздохнуть! В Громобое так много силы и так мало желания применить ее на пользу! Но нельзя заставить человека сделать что-то хорошее, если он не хочет. А Громобой ничего не хотел.

Веселина посмотрела на священный дуб, словно просила помощи. Нет, священный дуб не умер на зиму, дух Громовика его не покинул. В неподвижном и тихом вечернем воздухе Веселина вдруг ясно ощутила, что огромное дерево дышит, что его тихое, ровное и чистое дыхание пронизывает весь воздух святилища, наполняет его особой силой и даже как будто согревает. Сила божества с каждым вдохом вливалась в ее грудь, и Веселина почувствовала себя увереннее. Боги были с ней, и даже сам Перун был на ее стороне в споре с его упрямым земным сыном.

– А еще в Велесовом годовая чаша разбилась, – добавила Веселина.

– Ну уж тут я ни при чем! – Громобой решительно покрутил головой, а Веселина вздохнула. Нашему бы теляти да волка поймати!

– Тебя никто не винит, с чего ты взял? Она сама разбилась! Щеката сказал – это значит, что в мире небесном какая-то большая беда случилась! Оттого и Зимерзлины дети на нас напали, оттого и раздоры эти глупые. Чего ты с Баяном сцепился, чего не поделил, голова дубовая?

Чем больше Веселина говорила, тем легче ей становилось. В конце концов, они с Громобоем знакомы чуть ли не с рождения, и не может такого быть, чтобы они друг друга не поняли!

– Молчишь? Сам не знаешь? – горячо продолжала она. – Все оттого! В Надвечном мире беда, а у нас только так, отголосья. А то ли еще будет! День ото дня все хуже. Если и дальше так – до весны не доживем. Если когда-нибудь будет весна... Понимаешь ты это? А тебе бы только кулаками помахать! Как малое дитя! Понимаешь ты?

– Понимаю? – Громобой поднял брови. – Я-то?

Чем дальше, тем больше Громобой удивлялся Веселине: он привык считать ее красивой и резвой, но довольно-таки пустоголовой девицей. Ракита, замечавшая, что Веселина на всех гуляньях вьется вокруг ее старшего сына, не раз намекала, что такая бездельница, мастерица только до пенья и плясок, ей в невестки не нужна. Как многие красавицы, Веселина была занята только собой, и Громобой не относился к ней всерьез: его внутреннее чутье говорило, что за ее красотой ни большого ума, ни горячего сердца не скрывается – так, пустой колодец без воды, хоть и обросший сверху цветочками. Теперь все было иначе: на дне пустого колодца вдруг забил могучий чистый источник, и Громобой всей полнотой души ощутил эту перемену. Молча, даже не очень вслушиваясь в смысл ее слов, он смотрел на нее во все глаза и чувствовал растерянность: это была совсем не та Веселина, к которой он привык. Или он раньше смотрел и не видел... да нет же, просто она стала другой! Это была другая девушка: ее нежное лицо, ясные глаза, румянец и золотистые кудряшки на лбу остались прежними, но откуда взялась эта пылкая тревога, горячее желание поскорее все исправить, такая готовность все для этого отдать и тоска оттого, что сделать это прямо сейчас невозможно? В нее вселился какой-то новый дух, словно через нее говорило божество... С каждым мгновением, с каждым ее словом Громобой все яснее ощущал близость этого безымянного божества, и от этого ощущения, нового, неожиданного и пронизывающе-сильного, у него шевелились волосы надо лбом и сыпались по спине мурашки.

– Ну а я-то что сделаю? – не сразу ответил Громобой, обращаясь не к той Веселине, которую знал, а к тому новому, что она принесла в себе.

– А я-то что? – передразнила Веселина. – Скажи мне наконец: ты сын Перуна или нет?

– Да не знаю я! – вдруг сорвался Громобой и стукнул кулаком по коре дуба. – Чего все привязались! Сын, не сын! Всякий людям на слово верит, чей он сын. Мне говорят, что я – Перунов. Какой есть, такой и есть, другим уж не буду!

– А кто же знает? – запальчиво и требовательно, словно он уклонялся от своей прямой обязанности, воскликнула Веселина. – Кому же и знать, как не тебе?

– А ты про себя все знаешь? – ответил Громобой и глянул ей в глаза. – Чего все к тебе-то вяжется, а не к Заринке нашей, не к... Мало в Прямичеве девок? А Зимний Зверь тебя чуть не съел, и Вела тебе показалась, и даже... И мне ты под руку подвернулась, не еще кто...

Веселина промолчала. Она и сама уже думала об этом, но ответа не нашла.

А Громобой смотрел на нее и думал, как идет к ее красоте этот новый умный свет в глазах, и даже озабоченная складочка между бровями ее красит. Красота и должна быть умной, иначе она навечно останется лишь пустым колодцем без воды. И если в Веселину и вправду вселился какой-то неведомый благодетельный дух, то понятно, почему он выбрал именно ее. Сама богиня Леля не постыдилась бы такого облика!

– Эх, душа моя! – вздохнул Громобой, не дождавшись ответа. – Где же есть такие люди, что все про себя знают? Дураки разве что. Чурбан все знает – у него в голове нет ничего, и знать нечего!

Веселина даже удивилась: таких здравых речей она никак не ждала от Громобоя и теперь обрадовалась, обнаружив, что небесный отец наделил его не только силой.

– Да ты, оказывается, и умным можешь быть, если захочешь! Послушай! – Веселина обошла его плечо, как угол избы, и заглянула в его опущенное лицо. – Я знаю, что делать. Ты должен у Знея спросить, где отыскать Буеславов меч. А если кто может его достать, то только ты. Больше никому, понимаешь! – настойчиво продолжала она, торопясь все сказать, пока Громобой молчит и не возражает. – Тебя небо породило, а земля вырастила. Ты должен суметь!

– Я должен... – Громобой не любил утверждений, что он кому-то что-то должен, но сейчас возмутился все же не настолько, чтобы спорить. Речь шла о чем-то большем, чем его желания и даже он сам. – Да я не знаю ничего, – растерянно признался он. – Миры небесные? Здесь

они... – Громобой повел рукой в воздухе и вспомнил тот взгляд, который все это время упирался ему в спину и толкал куда-то. – Искать их не надо. Они...

И он замолчал, не зная, как выразить словами те ощущения, которые жили в нем с детства. Та дикая сила, что проснулась в нем во время злосчастной драки, тоже пришла из высших миров. Они все время были рядом, были в нем самом, и дорога туда пролегает через его собственную душу. А Веселина не сводит с него горячего и требовательного взгляда, точно ждет, что он прямо сейчас, не сходя с места, сотворит что-то великое и важное. Душу щемило мучительное чувство: нужно было немедленно, не откладывая, сделать шаг, но куда? Надвечный мир, такой близкий и живой, прятался от него за невидимой гранью, избушка из бабкиной кощуны не хотела поворачиваться передом, и Громобой чувствовал нелепое и досадное томление, как будто был связан и не мог расправить затекшие руки и ноги.

Он провел ладонью по лбу и обнаружил, что вспотел, несмотря на зимний холод.

– Ты подумай! – неожиданно мягко попросила Веселина.

Она понимала, что в нем совершается какая-то тяжелая работа, в которой он и сам не может толком разобраться. И помочь ему нельзя: свою дорогу он должен найти сам.

– А что до Буюславова меча... – Громобой пожал плечами. Эта мысль его не воодушевляла. – Это опять кощуна получается, а не жизнь. Иди, дескать, за тридевять земель, добудь там меч-кладенец, а тем мечом одолеешь Чудо-Юдо и вызволишь Солнцеву Сестру... Что мы, дети малые, о чудесах мечтать?

– А по-твоему, в кощунах правды мало? – снисходительно, как неразумному ребенку, ответила Веселина. – Ведь и в кощунах – жизнь, только не сегодняшняя, а... всегдашняя. Каждому поколению и свое Чудо-Юдо, и свой меч-кладенец достается. Заревиков вот немного.

– Наш-то меч-кладенец еще деды потеряли.

– Деды потеряли, а мы-то на что? А мы найдем. Только надо к этому руки приложить. И в кощуне само собой ничего не делается. Ну, пойду я.

Веселина повернулась к воротам. Вроде бы она все сказала, больше ей незачем тут оставаться. Ноги несли ее прочь от Громобоя, но в душе было чувство, будто она никуда от него не уходит, что самая важная ее часть остается с ним, и все ее мысли, все ее беспокойное ожидание и все надежды оставались с ним и с тем делом, которое он должен был совершить.

Громобой молча смотрел, как она идет через двор, потом сообразил, что ей будет не под силу поднять засов на воротах, и шагнул следом. Скрипнул снег под сапогом, и внезапно Громобой осознал удивительную тишину, стоявшую вокруг. Они были как под водой; воздух был холоден и неподвижен, вокруг не раздавалось ни единого звука, ни одна веточка не шевелилась в темно-синем воздухе зимнего вечера. И Веселина невольно замедлила шаг: само ее движение казалось странным и опасным в этом заснувшем мире зимней тишины.

На створках ворот вспыхнули ослепительным белым огнем два продолговатых, узких глаза. Веселина ахнула и застыла, точно примерзла к месту, сразу со всей леденящей ясностью осознав, что это такое! Створки сами собой потянулись назад: казалось, что тяжелые ворота готовятся к прыжку. Их оттягивала жадная Бездна, распахнувшаяся позади них, – там, за воротами, не было ни дозорного костра, ни отроков, ни площади детинца, а была одна только пустая, холодная, затягивающая чернота. Слепое и давящее чувство близости Бездны уже было знакомо Веселине по встрече с Велой, и в душе мгновенно вспыхнул и забился порыв – бежать, спастись! Но куда бежать? Весь мир вокруг изменился: это был уже не тот двор святилища и не тот дуб... Все это находилось в другом мире, куда сама она пришла, того не заметив... Она находилась на самом дне чего-то необъяснимого, непонятного и не своего, она погружалась в это непонятное и не свое шаг за шагом, не замечая, а теперь поздно! Это началось давно... С тех пор как она заговорила с Громобоем... с тех пор как вошла в святилище... как увидела Велу... как проснулась утром нового года...

Не смея повернуться к *этому* спиной, Веселина сделала два шага назад. В мыслях ее был священный Перунов дуб как единственный возможный сейчас защитник. Но она не успевала никуда уйти: белый огонь жутких глаз жил и двигался быстрее. Вместо ворот перед ней зиял черный пустой провал в никуда, с неровными размытыми краями, провал в Бездну, которая неизмеримо далеко, но мгновенно окажется рядом, там, где почует себе поживу. Оттуда тянуло густым, ледяющим холодом, и в этом проеме преник к снегу огромный черный волк с железной шерстью. Белый огонь его глаз бросал отблески на ряд оскаленных зубов, и ледяный ветер выл над головами. Каждая шерстинка на шкуре Зимнего Зверя выла жестокими метелями, слепящими буранами, душащими морозами. Это была смерть: еще миг, и весь мир кончится...

Вот-вот он прыгнет; не думая, стремясь лишь уйти с того места, куда он приземлится, Веселина кинулась не назад, а вперед, к волку. Зимний Зверь прыгнул; мощный поток осязаемого холода промчался у нее над головой, как сплошная ледяная стена, и опрокинул ее на снег. В детском страхе Веселина закрыла лицо руками, съежилась и сжалась в комок, стремясь сохранить хоть капельку тепла, покрепче прижалась к снегу, чувствуя, что вот-вот буревой поток подхватит ее и унесет туда, в снеговую бездну.

Позади, там, где зимнее чудовище коснулось земли, коротко и горячо вскрикнул человеческий голос, мелькнул, как всплеск огня в снежном буране. И Веселина вспомнила Громобоя; все ее существо рванулось туда, к нему, к живому человеку; было чувство, что он нуждается в ее помощи, хотя что она могла бы сделать против чудовища? Не было сил шевельнуться, холод сковал ее железными цепями, и только в середине груди отчаянно бился какой-то живой и горячий источник – не сердце, нет, что-то другое.

Мир содрогнулся и упал куда-то вниз; земля под ногами растаяла и обратилась в пустоту. Мощный снеговой поток вертел, кружил и нес ее, в лицо било снегом, и каждая снежинка жалила ледяным жалом. Не в силах вынести этого ужаса, искорка сознания погасла, и последнее, что Веселина ощутила, было бесконечное падение в ледящую пустоту.

Глава 5

Очнувшись, Громобой удивился ощущению тишины и покоя вокруг. Было светло и тихо – ни вечерней тьмы, ни холодного бурана. Обеими руками он держал за уши огромного черного волка, пригибая голову того к земле, а шея зверя была зажата у него между ног, так что Громобой почти сидел на волке верхом. Изумленный Громобой попытался вспомнить, как это все получилось, – и содрогнулся. Позади был дикий, смертельно холодный буран, который боролся с Громобоем, как живое существо, неизмеримо сильное и неукротимо свирепое. Там был слепящий и душащий снег без просвета, хлещущий лицо и руки десятками ледяных плетей, ледяными когтями раздирающий горло, ледяными мечами пронзающий грудь; был полет через пустоту, которой не было предела нигде – ни наверху, ни внизу, ни по сторонам, и человеческое сознание замирало, отказавшись принять эту пустоту. Она-то и сожрала воспоминание, каким образом Громобой оказался верхом на волке, который там, во дворе святилища, почти одолел его. Двор святилища? А сейчас...

– Отпусти сынка! – прозвучал вдруг совсем рядом пронзительный женский голос.

Не выпуская волчьих ушей, Громобой поднял голову. Ни святилища, ни двора. Вокруг была бескрайняя снежная равнина. В нескольких шагах перед ним стояла высокая седая старуха, одетая в белую пушистую шубу с необычайно длинными и широкими рукавами. Голова старухи была непокрыта, белые космы густыми спутанными прядями спускались до самого подола. Черты лица ее были тонкими, острыми, бледная кожа плотно обтянула скулы, и морщинки казались ледяными трещинками. Бесцветные холодные глаза смотрели равнодушно и притом требовательно, ноздри острого сухого носа трепетали, словно от какого-то сильного сдержанного чувства. От всего ее облика веяло мертвящим стылым духом, и Громобой сразу захотелось отвести глаза, но он сделал над собой усилие и выдержал взгляд старухи. Она в ответ как-то странно затопталась на месте, словно разом хотела уйти и остаться, подобрала полы шубы, как от подтекающей воды. От ее движений в воздухе закружился рой легких мелких снежинок.

Волк негромко и жалобно заскулил. Громобой держал его безо всяких усилий и не мог представить, что в его руках тот самый буран, который чуть не растерзал его всего лишь... сколько времени назад?

– Отпусти, не мучь зверя неразумного, – повторила старуха. – Глуп мой сынок. Думал, затащит человечешку в свои поля, тут тебе и конец. Не разглядел, дурной, с кем повстречался. Отпусти его. Больше он тебя не тронет.

– Ты кто? – спросил Громобой и вдруг понял, что сам знает ответ. – Зимерзла?

– Да уж конечно, не Перуница огневая, – язвительно отозвалась старуха. – Пусти сынка, говорю! А то он в твоих руках растает, сам тогда, что ли, будешь над землей снегом веять? Пусти!

Громобой убрал руки и соскочил с шеи Зимнего Зверя. Тот больше не казался ему опасным. Куда девалась свирепая сила? Снеговолок шумно вздохнул, как собака, и пополз к матери. Зимерзла поспешно накрыла его рукавом своей шубы, и огромный зверь исчез под ним, так что даже кончика хвоста не было видно. То ли старуха на самом деле была больше, чем казалась, то ли Зимний Зверь уменьшился. Воздух на равнине странно дрожал и переливался снежным блеском, так что очертания этих двух фигур расплывались, искажались, меняли размеры. Воздух здесь утратил привычные качества: Громобой смотрел на Зимерзлу и не мог с уверенностью определить, велика ли старуха ростом, далеко ли она от него или близко – в сплошном ровном однообразии белого снега глазу было не за что зацепиться и не с чем ее сравнить. В глазах рябило, и уже мучило сомнение, не мерещится ли она ему... Громобой плюнул и отвернулся.

– А со своим добром сам разбирайся, – вместо благодарности неприветливо бросила Зимерзла и вторым рукавом махнула в сторону.

Взметнулась маленькая метель, а когда снежинки опали, Громобой увидел в нескольких шагах от себя полузасыпанную снегом человеческую фигуру. Взгляд Громобоя выхватил рукав и плечо смутно знакомого синего полушубка, – где-то он его видел совсем недавно! – яркое пятно красного платка, толстую светло-русую косу, припорошенную снегом... Веселина!

Первым чувством было изумление – как ее-то сюда занесло? – потом ужас. С негодующим криком Громобой кинулся к ней, подхватил – она не шевелилась, голова и руки ее висели, как у неживой. Громобой перевернул ее на спину – лицо Веселины было бледным до прозрачности, как у Ледяной Девы, на веках залегли синеватые тени, на ресницах белел иней. Платок сбился на затылок и едва держался, ко лбу прилипли кудряшки с набившимся снегом.

– Ты что это, тетка! – повернувшись к Зимерзле, яростно заорал Громобой. Ему хотелось потрясти ее за шиворот, но сделать это с девушкой на руках было никак невозможно. – Ты ее заморозила! Я тебе твоего сына живым отдал! Сделай ее живой, а то я твоему псу хребет сломаю! И тебе заодно! Слышала?!

– Ну, грозен! – Зимерзла усмехнулась, показывая белые, тесно сидящие острые зубы, которые странно было видеть во рту у глубокой старухи.

От этой ухмылки вдруг стало ясно, что возраста у нее нет, что молодой она никогда не была и старше не будет. Она не живет... Она – нежить, и Громобой вдруг ощутил, кроме негодования, гадливое презрение к ней.

– Тоже нашел живительницу! Сам ты ее и оживишь! Мое дело другое. Благодарю лучше, что мой сын тебя сюда занес по глупости. Сам бы ты еще когда добрался! Тоже ведь – не Сварог Премудрый!

Зимерзла усмехнулась еще раз и растаяла прежде, чем Громобой сообразил, что ответить. Очертания старухи расплылись и слились с белизной снежной равнины, черный волк с железной шерстью исчез вместе с ней. И в то же время они никуда не исчезли: вокруг был их собственный, родной мир, их леденящие глаза смотрели из каждой снежинки. Сам снег дышал тем же леденящим дыханием зимы. По ощущениям было не слишком холодно, но где-то внутри Громобоя крепло убеждение, что оставаться здесь долго людям не следует. Сколько бы живого тепла они ни принесли с собой, зимний холод сожрет его все без остатка, но останется таким же холодным.

Все еще придерживая голову лежащей Веселины, Громобой огляделся. Вот леший занес! Хоть бы пенек какой – присесть. Или веток – подстелить. Снег один, разрази его гром! Громобой был раздосадован и растерян, а бледное неживое лицо Веселины молчаливо требовало немедленно что-то сделать.

– Тоже, ведуна выискала! – сердито бросил он, обращаясь к исчезнувшей Зимерзле. Он был убежден, что старуха продолжает его слышать, и ему даже почудился невнятный ехидный смешок. – Да я крови-то заговаривать сроду не пробовал, а тут мертвого оживи! Погубила девку и рада! Гром тебя разрази! Эй! – позвал он, не надеясь придумать никаких более подходящих слов. – Девица-красавица! Проснись!

Свободной рукой он нерешительно похлопал по щекам Веселины, точно боялся разбить: ее тонкое бледное лицо казалось вырезанным из льда, а его рука рядом с ним была еще больше и грубее, чем всегда. На ощупь ее кожа была совершенно холодной. Снегурочка, да и только! Где-то в глубине шевелился ужас, что она замерзла и умерла насовсем, но Громобой гнал его прочь.

Глубоко вздохнув, Громобой постарался сосредоточиться. После всего случившегося он совершенно не чувствовал усталости, дышалось легко, сила бурлила в каждой жилочке, и откуда-то в нем была уверенность, что он может все. Грань миров, которая во дворе прямичевского святилища так мучила его своей недосыгаемостью, была преодолена, он открыл путь

к неисчерпаемым источникам своей собственной силы. Теперь ему все по плечу, нужно только взяться как следует. В лад с его дыханием от него распространялся во все стороны поток тепла, и этот поток растапливал, раздвигал плотный холодный воздух Зимерзлиных Полей. Этого тепла в нем в избытке, нужно только передать часть его застывшей крови Веселины. Ничего особенного не нужно делать. Только сосредоточиться. А это было нелегко: впервые в жизни Громобой сам пытался накинуть узду на собственный бурлящий дух и направить его в одну, нужную сторону.

Положив руку на лоб Веселине, Громобой думал о горячем солнце. Ему стало жарко, сам снег вокруг него начал потрескивать и плавиться. Лоб Веселины под его рукой быстро потеплел, она вздрогнула, потом глубоко вздохнула – так глубоко и долго, что Громобой, поспешно убрав руку, удивился, как это столько воздуха помещается у нее в груди. Потом Веселина выдохнула и открыла глаза, поморгала мокрыми ресницами, приходя в себя. По ее лицу текли капли воды от растаявшего в волосах снега. Громобой встретил ее взгляд – в ее глазах было удивление, но не растерянность. Она хорошо помнила, с чего все началось, и в лице ее промелькнул запоздалый испуг.

– Где он? – хриловатым, не совсем своим голосом воскликнула Веселина и рывком села, но тут же охнула, зажмурилась и откинулась назад – у нее закружилась голова.

– Тихо, тихо! – заботливо осадил ее Громобой. – Кого потеряла-то?

– Зимний Зверь где? – тревожно пояснила Веселина, недоумевая, как можно такое забыть. – Где он?

– Ты лучше спроси, где мы сами! – ответил Громобой и помог ей сесть, придерживая под спину. – Давай-ка вставай лучше, а то застудишься. Ну, на ногах устоишь?

Поднявшись, он поднял и Веселину, придерживая ее за локти. Она беспокойно огляделась, и он огляделся вместе с ней. Во все стороны простиралась пустая заснеженная равнина, без жилья, без стога, без деревца, без кустика, даже без сухой былинки, точно здесь от создания мира ничего не росло. На пределе зрения равнина сливалась с низким серым небом. Этого места Веселина не знала. Возле Прямичева таких полей не бывало... Да какой тут Прямичев! Само это слово отдалось далеким гулом и разбилось на мелкие льдинки.

– И где мы? – послушно, как маленькая девочка, спросила Веселина, не отрывая глаз от снежных далей.

– Была тут Зимерзла, так она сказала, что ее сынок Снеговолок нас сюда заволок, – неторопливо пояснил Громобой и усмехнулся: вот как, прямо песня получается. – Вон тут сидела.

Он кивнул в ту сторону, где видел Зимерзлу, и вдруг заметил на снегу какой-то красноватый блеск.

– Погоди, что это там? – Удивленный Громобой отпустил Веселину, убедился, что она стоит и не падает, и шагнул к искрам.

Красные искры на белом снегу были хорошо заметны и казались неуместными, странными – огонь на снегу не может гореть сам по себе!

Подойдя поближе, Громобой увидел, что на снежном поле, там, где сидела недавно Мать Метелей, полукругом рассеяно несколько осколков... чего? Они походили на глиняные, но на каждом из них, полусасыпанных снегом, горели пламенем какие-то черточки... вроде бы даже узоры. Нагнувшись, Громобой поднял один, повертел в руках. Обычный глиняный черепок, как от битого горшка. Только этот красный узор... Рисунок – частая косая сетка – казался смутно знакомым.

– Что это? – К нему подошла Веселина и заглянула в его ладонь.

Громобой показал ей осколок.

– Набросала тут старуха дряни какой-то... – начал он, но Веселина вдруг ахнула и схватила его за руку.

– Я знаю! Знаю! Ты посмотри: это же стужень-месяц!

– Чего?

– Знак месяца стуженя! Медведь ты неученый! Знак... Значит, выходит, это... Это... на гадательных чашах такие знаки!

– Зимерзла, что ли, гадала? – Громобой ухмыльнулся.

Все еще держа его за руку, будто он мог по небрежности выронить драгоценный осколок, Веселина огляделась. Вокруг, почти у них под ногами, поблескивали в снегу красноватые искры на таких же глиняных черепках. Веселина подняла еще один, дрожащими пальцами очистила от снега. На нее смотрела прочерченная красным огнем косая полоска – санный путь, знак месяца грудена.

– Держи! Крепче держи! – Веселина сунула осколок в ладонь Громобоя и кинулась собирать остальные.

Он усмехнулся: как будто землянику нашла!

Вскоре она держала в руках еще четыре глиняных осколка с красными пламенеющими узорами – знаками месяцев просинца, листопада, сечена и сухыя. Несмотря на долгое лежание в снегу, черепки были теплыми, линии их узоров излучали жар, согревая ладони Веселины.

– Шесть. – Веселина посмотрела на четыре осколка в своих руках и два – у Громобоя. – Почему шесть? Что это?

– Да что ты ко мне пристала? Что я в горшках должен понимать? Я тебе не гончар!

– Оно и видно!

– Видно тебе, как же! Ну и что теперь? – Громобой качнул ладонью с черепками. – Что теперь с ними делать?

– Не знаю.

Веселина вытащила из рукава влажный платок, которым недавно вытирала лицо, и завязала в него все шесть осколков.

– Там видно будет, – туманно пообещала она.

Где это «там», Веселина и сама не знала, и Громобой не стал спрашивать. Но это маленькое слово вдруг открыло ему, какой огромный путь им предстоит. Путь, который надо пройти, прежде чем хоть что-то станет ясно. Громобой понимал Веселину: ему тоже казалось, что эти шесть черепков означают что-то очень важное, но понятия не имел, что именно. Пока находка ничего не прояснила, и Громобой пожалел, что так легко отпустил Зимерзлу. Даже не догадался у нее спросить, почему ее сыновья-духи так разгулялись на земле.

– На, держи! – Веселина подала ему узелок, и Громобой сунул его за пазуху. – Куда мы теперь пойдём? Где мы?

Громобой огляделся, и Веселина с надеждой смотрела на него. Он выглядел спокойным и вполне уверенным, как человек, который или знает дорогу, или твердо верит в свою способность ее найти. Это был уже не тот драчливый молотобоец, который в святилище смотрел на нее замкнуто и почти враждебно; лицо Громобоя казалось открытым, ясным, как небо после грозы. Что бы это ни было за место, Громобоя оно переменяло к лучшему: даже взгляд его изменился, стал более осмысленным и живым, точно внутри этого же тела проснулся и выглянул совсем другой человек – умный, собранный, бодрый. Себя же саму Веселина, наоборот, ощущала растерянной, слабой и беспомощной: дух этого места заморозил и подавил все ее силы, ей хотелось уцепиться за руку Громобоя, как испуганной маленькой девочке.

– А вон, гляди! – Громобой что-то увидел. – Здесь куда пойдешь, там и найдешь. Проще даже. Вон вроде лесок чернеется! – Он показал куда-то за спину Веселины. – А раньше я смотрел – не приметил.

Обернувшись, Веселина и правда увидела вдали пригорок, на котором серел, дальним краем теряясь в туманной дымке, заснеженный лес. Громобой пошел вперед, и Веселина поспешила за ним. На ходу она оправляла платок на голове, убирала выбившиеся волосы, постепенно все больше приходя в себя. Оставшееся позади она забыла, вся душа ее устремилась вперед:

куда они придут и что их там встретит? Растерянность постепенно сменялась любопытством: Веселина больше не задавала себе вопроса, где они и вообще на земле ли, а просто готова была узнать и принять любой ответ, каким бы он ни оказался. Шагавший впереди Громобой излучал такую могучую силу и уверенность, что Веселина ни о чем не беспокоилась, кроме одного: как бы поспеть за его широким шагом.

* * *

По мере того как Громобой и Веселина приближались к лесу, его очертания все яснились, из гущи выступали деревья, заснеженные кусты, зеленые еловые лапы. Вершины уносились под самые облака, стволы стояли плотно один к другому, кусты кое-где росли так густо, словно леший устроил здесь плетень от незваных гостей. Издали лес выглядел сплошной стеной, снег перед ним громоздился крепостным валом, и Веселина беспокоилась, что им не пробраться через такую чащу, да еще и по колено в снегу. Но едва они ступили на опушку, как из-за ближайшей коряги выскочила тропинка. Она была утоптана довольно плотно, а посередине валялась распотрошенная клестом еловая шишка.

– Ой, смотри! – Веселина обрадовалась тропинке, как знакомому лицу в чужой толпе. Страшно было идти через снеговые Поля Зимерзлы и не знать, есть ли в этом мире еще хоть кто-то живой. – Выходит, и здесь люди ходили!

– Если это люди, – поправил Громобой, но тут же пожалел, что зря напугал ее, и бодро добавил: – Пошли.

Пройдя по тропинке несколько шагов, Веселина обернулась, чтобы еще раз увидеть Поля Зимерзлы. Но напрасно. Сквозь переплетение стволов и ветвей она смутно различила лишь маленькую полянку, нехоженный снежный лоскут, а дальше белел тонкими стволами редкий березнячок. Безмолвная снеговая равнина растаяла, уступила место чему-то другому. Веселина немного постояла, стараясь обрести устойчивость в этом странном подвижном мире, но потом спохватилась, что и Громобой исчезнет, если уйдет от нее слишком далеко, и пустилась его догонять.

Поначалу Веселина старалась идти с Громобоем след в след, не отставая, и с опаской поглядывала по сторонам. Ей, родившейся и выросшей в Прямычеве, во всяком лесу делалось немного не по себе, а в этом и подавно. Но ничего страшного не происходило, напротив, довольно скоро Веселина успокоилась и повеселела. Лес оказался приветливым хозяином и радушно улыбался гостям. Небо было чистым, голубым, лучи солнца свободно проникали сквозь ветки, наполняли весь лес живым радостным светом, бросали в сугробы сотни горячих искр. Эти золотые лучи напоминали о лете, и снег своим блеском словно подтверждал, что и он не враг солнцу, а друг. Свежая зелень елей и сосен сильнее бросалась в глаза, стволы и ветки чернели резче на белом снегу, и все в этих лесных палатах казалось более живым и внушительным, чем обычно. То ли в этом было виновато сильное здешнее солнце, то ли особенно прозрачный и свежий воздух – так или иначе, но этот мир говорил с Веселиной на понятном и приятном ей языке. Вскоре она забыла все свои страхи и с радостью поглядывала вокруг. Впервые ей открылось, что зима может быть такой красивой: с таким по-летнему чистым и светлым воздухом, с синевой неба, с искристым сиянием белого снега на зелени елей.

Ветерок, знобивший лицо на равнине, остался позади, в лесу было тепло. В здешнем воздухе было разлито чувство мира и доброжелательности. Опушка каждой маленькой полянки казалась воротами в прекрасный покой, и хотелось идти до бесконечности, вглядываться в каждое дерево, как в лицо живого существа, ожидая каких-то обращенных к тебе слов. Душу заполняло отрадное чувство светлого покоя, безопасности, даже беспечного задора. В этом лесу никогда не наступит вечер, здесь всегда будут гореть в снегу солнечные искры, и сплетенные ветви будут бросать на его покрывало мягкую затейливую тень, и каждая веточка, каждая

трещинка коры с жемчужинкой застывшего льда будет манить вглядываться в нее до бесконечности, постепенно открывая взгляду все более глубокую, прекрасную жизнь...

Веселине все время чудилось, что какие-то пушистые мелкие зверюшки мелькают по сторонам, но не показываются на глаза. Вокруг ощущалось чье-то спокойное, ровное дыхание. Веселина вслушивалась, и скоро ей стало казаться, что каждое дерево провожает ее взглядом, даже хочет что-то сказать. «Хр-р-р... Ух-р-р-ф-ф...» – похрапывал во сне дуб, и его могучее сердце ровно билось где-то в глубине под твердой толстой корой. «Ну хоть кто-то живой, а то тоска среди этих сонь!» – радостно кричала маленькая зеленая елочка, размахивая зелеными лапами. «Весна... весна...» – грезилла во сне молодая березка, и у Веселины, когда она проходила мимо, поплыли перед глазами полуразмытые, туманные, но такие манящие видения хороводов, девичьих фигур с венками на головах и яркими лентами в косах...

– У-у-м! Угу-гум! – раздавалось где-то за стеной деревьев, то подальше, то ближе, словно бы за крайними деревьями.

Голос был странным: чем-то он напоминал коровье мычание, чем-то – утробный, низкий рык медведя, но в то же время звучал осмысленно, будто кто-то, не знающий слов, пытается петь.

– Кто это? – окликнула Веселина Громобоя, беспокойно оглядываясь. – Ты не знаешь?

– Леший, поди... – бросил он через плечо. – Мается, бессловесный.

Но даже этого Веселина не испугалась. Леший в этом лесу был таким же, как сам лес, – приветливым.

Вдруг Громобой остановился и присвистнул; из-за его спины выглянув вперед, Веселина ахнула и чуть не села на снег, едва успела схватиться за его локоть, чтобы удержаться на ногах. Впереди открылась полянка, окруженная толстыми елями, а на полянке стояла крошечная, меньше банки, избушка, поставленная не прямо на землю, а на два пенька. На гостей смотрело узенькое, не больше ладони, черное окошко безо всякой заслонки. На противоположном конце конька можно было заметить белеющий звериный череп. Между разошедшимися бревнами избушки зияли черные щели, полусгнившая древесина выглядела серой, тоже мертвой. Избушка заметно кренилась набок, ложбина в снегу на крыше показывала, что несколько досок уже провалилось. Мертвый дом для мертвого жильца. Набредешь на такую в лесу – от страха лишишься ума. А тропинка, по которой они пришли, пересекала полянку и кончалась возле избушки.

Окинув все это взглядом, Веселина по первому побуждению зажмурилась и спряталась за спину Громобоя. Ей стало жутко: она никогда в жизни не видела «избушек на курьих ножках», но не раз слышала о них от стариков. В таких избушках когда-то давно хоронили мертвецов, чтобы они и на том свете имели дом не хуже здешнего. Кое-где, говорят, в самых глухих далеких местах обычай жив до сих пор. Но и там, и в Прямичеве такие избушки считались воротами на тот свет. Вся ее радость мигом испарилась и сменилась ужасом, от которого стыла кровь и по спине бегала холодная дрожь. Этот мир – мертвый, здесь обитают умершие... Да и каким еще быть миру, где правит Зимерзла?

– Что, испугалась? – с насмешливым злорадством спросил Громобой.

Теперь-то она не будет звать его медведем неученым! Но перед мертвым домом и он растерялся: надеясь найти в этом мире помощь, он не думал, что ее придется просить у мертвых!

– Может, пойдём отсюда? – жалобно предложила Веселина.

Она старалась унять дрожь, но против воли морщила нос от отвращения к этой полусгнившей избушке и ее обитателю. Как там говорят... костяная нога, нос в потолок врос... если не еще что похуже...

– Куда – пойдём отсюда? – переспросил Громобой и выразительно поднял брови. – Назад к Зимерзле? Раз пришли, что теперь пятиться! Я не рак, задом не хожу!

Веселине разом представилась вся эта длинная тропинка через заснеженный лес, что одним концом упиралась в мертвый дом, а другим – в Поля Зимерзлы. Иных тропинок тут нет.

– А нас не съедят? – только спросила она.

– Посмотрю я, кто меня съест! – Громобой ухмыльнулся. – Невелик орешек, а в горло попадет – не накашляешься. Эй, избушка! – громко и повелительно, даже с каким-то нагловатым вызовом, крикнул он, и голос его полетел, отражаясь от стволов заснеженного леса. – Встань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом!

Как ни сильно была Веселина напугана, в последний миг она не удержалась от улыбки: Громобой повторил те самые слова, которые каждый ребенок по многу раз слышал от дедов и бабок. Но ведь и в кошуны они попали не зря: в них отражались истинные законы того мира, в котором стояла эта избушка.

Едва последние отзвуки человеческого голоса растаяли в лесу, как избушка дрогнула, слегка перевалилась с боку на бок, как лодка на воде. Веселина мертвой хваткой вцепилась в локоть Громобоя, вытаращенными глазами глядя на избушку и не дыша. Ее пробирала такая сильная дрожь, что казалось, сама кожа сползает; земля под ногами плыла, и Веселина осознавала, что на самом деле избушка не идет к ним, а, наоборот, тянет их к себе.

Где-то позади избушки мелькнул золотистый отблеск, сперва неясный, потом все более яркий, и уже вся избушка казалась облита золотыми лучами, совершенно скрывшими ее очертания. Веселина смотрела, открыв рот от изумления: глазам ее открывалось что-то совсем другое, не то, что она ждала... Сияние становилось все ярче, уже глазам было больно, Веселине хотелось зажмуриться, но она боялась пропустить что-то важное. Потом сияние стало бледнеть и наконец совсем померкло. Перед ними стояла избушка, обращенная к гостям дверью с крылечком. С этой стороны она оказалась вовсе не такой запущенной, бревна не подгнили, крыша смотрелась целой и надежной, причелины украшала искусная резьба, а на коньке оказалась деревянная конская голова. Это была совсем другая избушка!

– Ну, пошли! – сам себе сказал Громобой.

Если избушка ожила, значит, готова впустить их.

Он двинулся через поляну к крылечку, и Веселине ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Громобой ступил на крылечко, скрипнувшее под его тяжестью; Веселина сперва хотела подождать внизу, но остаться одной было страшно, и, когда Громобой стукнул в дверь, она поспешно встала рядом с ним. Уж что будет, то и будет, лишь бы вместе!

Дверь скрипнула и открылась вовнутрь, на пороге возникла женщина. Была она высока, худощава, со строгим лицом, большими темными глазами и строго сжатым тонкогубым ртом. Одолевая жуть, Веселина быстро обшарила ее взглядом, выискивая какие-то приметы потустороннего существования хозяйки, но не увидела ничего похожего на всем известную «костяную ногу». Это была вполне обычная женщина, и у Веселины немного отлегло от сердца.

– Здравствуй, матушка! – бодро и даже немного развязно приветствовал хозяйку Громобой. – Прости, что потревожили, да пришлось!

– Здравствуйте, голуби! – Хозяйка слегка усмехнулась, будто услышала то, что давно знала. – Давно я тебя, сокол ясный, жду-поджидаю! Заходите, гостями будете!

Отойдя от двери, хозяйка пропустила их внутрь и указала на лавку. Широкая дубовая доска была выглажена по ледяного блеска, и Веселина мельком отметила, что до них тут, похоже, пересидел весь род человеческий! «Судьба!» Само это слово звучало у нее в мыслях; хозяйка как-то по-особенному подумала, и у Веселины теперь было чувство, что собственная ее судьба окружает ее, наполняет воздух вокруг и вот-вот покажется во всей полноте. А между тем ничего особенного в этой избушке не имелось: те же лавки, что и везде, такая же прятка с резной лопаской, печка в углу, и лари, и вышитые полотенца... Только на столе белело кое-что необычное: широкое, ярко начищенное серебряное блюдо с узорными краями.

Хозяйка села напротив них и сложила руки на коленях. У нее были тонкие запястья и сухие, тонкие пальцы, такие бывают у женщин с сильной волей и внушают уважение сами по себе.

– Ну вот ты, сокол ясный, до меня и добрался! – сказала хозяйка. – А коли долго шел, так что поделать: дорог-то много, а ноги-то всего две. Что такой хмурый? Или поневоле пришел?

– Поневоле не ходим! – грубовато отрезал Громобой.

Хозяйка чем-то отчасти напонила ему мать, Ракиту, и казалось, что вот-вот она при-мется его журить и поучать. Но хозяйка улыбунулась, и Громобой вдруг понял, что свой не слишком учтивый ответ выбрал правильно: как и поворот избушки, его слова отвечали зако-нам этого мира.

– А ты кто, матушка? – подала голос Веселина, больше не в силах выносить неопреде-ленность.

– Мудравой меня зовут, голубка, – просто ответила хозяйка.

На лице Веселины отразилось недоверие, изумление, потом ужас. Но хозяйка ласково кивнула ей.

Мудрава! Старшая из восьми дочерей Макоши, что распоряжаются человеческой судь-бой и следят, как идет человек по выпряденной ими нити. Всезная и помогающая людям в учении богиня, тайная покровительница любопытных кумушек, убергающая их носы в щелях чужих дверей! Веселина сидела застыв, пытаясь понять свои ощущения; казалось, встреча с богиней должна была перевернуть весь ее мир, но все оставалось по-прежнему, и эта обыч-ность всех ощущений и была самым удивительным. Только думалось на диво хорошо: в голове была ясность, каждая мысль развивалась легко и четко.

– Ну, голуби, с чем прилетели? – спросила тем временем хозяйка, поглядывая на них обоих по очереди.

Громобой и Веселина переглянулись, разом попытались что-то сказать, перебили друг друга и разом замолчали. Потом Веселина начала снова.

– Позволь, матушка, мы тебе расскажем нашу беду! – заговорила она, при этом думая, что всеведая дочь Макоши знает их дела лучше них самих. – У нас в Прямичеве такие несчастья начались, каких никто и не помнит, а с чего все пошло, никто не поймет. В самый первый день года Зимний Зверь хотел солнце сожрать, а потом еще меня... Гадательная чаша разбилась, а еще Костяник у нас толпу народа заморозил, прямо в самый Велесов день. А потом Громобой с княжеским братом подрался, а князь за это весь Кузнечный конец вирой обложил... Кошунник сказал, что беда эта из миров небесных идет. А здесь мы еще вот что нашли... Покажи! – велела она Громобоеу.

Перескакивая с одного на другое, она и сама понимала, что рассказ выходит глупым и бессвязным, но хотелось скорее сказать обо всем, упомянуть о событиях, которые, как ей теперь стало очевидно, были крепко связаны между собой, но там, в Яви, это ускользало от глаз. Двадцать гривен виры и явления Зимнего Зверя были двумя концами одной веревочки. Только вот концов у нее было гораздо больше, чем два.

Громобой вынул из-за пазухи белый узелок; Мудрава кивнула ему на стол, и он высыпал глиняные черепки возле серебряного блюда. В полутьме избушки при лучине было хорошо видно, как священные знаки зимних месяцев горят на черепках ярким пламенным светом.

– Что это? – Вслед за Громобоем Веселина подошла к столу и осторожно разровняла черепки. – Что это такое, матушка?

Мудрава подошла к ним, глянула на осколки и помолчала; лицо ее было так же строго и непроницаемо, но взгляд больших глаз вдруг стал таким острым, значительным и тревож-ным, что у Веселины замерло сердце. Глаза Мудравы подтверждали, что они нашли не просто черепки. В душе Веселины мешались надежда на то, что эти шесть осколков помогут что-то исправить, и страх, что их появление означает неисправимую беду.

Хозяйка долго смотрела на черепки, и постепенно ее лицо ясно, лоб разглаживался. Когда она наконец подняла глаза на Громобоя и Веселину, неподвижно стоявших у стола, в глазах ее было выражение значительного открытия, словно она узнала об этих двоих что-то новое и очень важное. И тут же Веселина поняла, что из шести глиняных черепков с огненными знаками зимы складывается дорога ее собственной судьбы. Они привели ее сюда, и они поведут ее дальше. Она никак не могла миновать их, а они не могли миновать ее. Осколки зимы... Зима... Время Зимерзлы, время зимних чудовищ, глубокая тьма, охватывающая мир, в которой Веселине было так тесно, душно и тоскливо, из которой она так хотела вырваться, хотела, потому что этого требовала сама ее внутренняя суть. И вот осколки разбитой зимы лежат перед ней. Нужно что-то сделать с ними, чтобы победить зиму, вытолкнуть ее из земного мира. Что?

Веселина с мольбой глянула в лицо Мудраве; взгляд ее говорил, что она вот-вот поймет, вот-вот поймает самую важную тайну и умоляет лишь чуть-чуть ей помочь.

– Это, голуби мои, осколки от Чаши Годового Круга, – наконец проговорила Мудрава. – Смотрите.

Она провела рукой над столом, и шесть черепков как-то сами собой расположились вокруг серебряного блюда строго по порядку – листопад, груден, стужень, просинец, сечен, сухой. Они заняли половину окружности блюда, половина осталась свободной. А на гладком серебряном дне блюда вдруг заблестал белый яркий свет; только ахнув, Веселина смотрела на отражение зимнего леса, вдруг возникшее на дне блюда. Она видела тот самый лес, через который пришла сюда: высокие сугробы, заснеженные деревья, зеленые ели под инеем, заячьи следы на снегу... Потом видение поплыло, обозначился берег реки подо льдом, а на высоком берегу снова лес... Мелькнула белая фигура то ли старика, то ли старухи со спутанными седыми волосами, бредущая сквозь густой снегопад и слитая со снегом, как его живая часть. Веселина вздрогнула и наклонилась ниже, пытаясь рассмотреть владыку зимы; это казалось очень важным, но белая фигура уже скрылась за снежной завесой. Снег поглотил видение, перед глазами осталась кружащаяся белизна без единого проблеска воздуха. В лицо Веселине повеяло холодом, она попятилась от стола.

– Но почему? – с трудом выговорила Веселина. – Почему эти осколки?

Ей было тяжело и страшно, слова вспоминались с трудом. Видение неясной белой фигуры все еще стояло перед глазами, вызывая внутреннюю дрожь, тоску, давящий ужас, как будто она сквозь время заглянула в лицо своей будущей смерти. Ей хотелось прижаться к Громобою, словно он мог защитить ее, и она схватила его горячую руку.

Мудрава смотрела в ее побледневшее, испуганное лицо со спокойным пониманием и даже с каким-то удовлетворением, словно так оно все и должно быть.

– Чаша Годового Круга разбита, – сказала наконец богиня. – Две чаши создали боги, сотворившие небо и землю: Чашу Судеб для земли и Чашу Годового Круга для небес. И как земля и небо есть единый круг в мироздании, так и две чаши едины в себе. В одной порядок годового колеса был заключен, а в другой – судьбы рода человеческого. Но разбилась Чаша Судеб на земле, и в тот же миг от Чаши Годового Круга лишь осколки по Надвечному миру полетели. Здесь Зимерзлино владение – вот вам и зима вся лежит. Подобрала, голубка, так берегите. – Она глянула на Веселину, и та поспешно отвела глаза, не в силах выдержать давящего взгляда богини. – И другие найдешь – прибирай. Может быть, еще и соберете Чашу.

– Как же мы ее соберем? – еле выговорила Веселина.

Весь ужасный, сокрушительный смысл сказанного не вмещался в ее голове, простые слова утратили значение. Сердце билось тяжело и сильно, и казалось, что это отдаются в груди толчки колеблющегося мироздания, оставшегося без опоры и готового вот-вот рухнуть.

– А вот так же, – спокойно ответила Мудрава. – Попадешь в осень – там осколки осени найдешь.

– Попаду... в осень? Как?

– Не знаю. Эти дороги не умом, а ногами постигаются. Тебе идти, тебе и узнать. Как дойдешь, так и узнаешь, а загодя никто тебе не ответит. Не бывал там до тебя никто. Ты же сама там ходила. Позабыла – так вспомнишь.

Мудрава успокоительно кивнула совсем помертвевшей от изумления и тревоги Веселине. И ей почему-то вспомнилась Вела, мелькнули в памяти обрывки непонятных, не понятых тогда слов, обращенных, как она сейчас сообразила, не к ней, а к тому светлому духу, который в ней зародился. И эти слова Мудравы тоже были – ему.

– А как же... боги... – нерешительно выговорила Веселина.

Ей казалось нелепым, что Мудрава, такая сильная, спокойная и знающая, перекладывает настолько важное дело на нее, слабую и растерянную. Ведь есть же в мире силы, которые поддерживают его равновесие – так куда же они подевались?

– Боги сильны, пока есть в мире порядок. Каждому из них свое место и свое дело определено, а в чужие дела боги не мешаются. Здесь, у Зимерзлы, осколки зимы лежат, а у Лады – осколки лета. Да ни Зимерзла к Ладе, ни Лада к Зимерзле не пройдет – чаша разбита, дорога закрыта. Только ты и пройдешь там, голубка, где боги не пройдут, потому что ты лицом в лето, затылком в зиму обращена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.